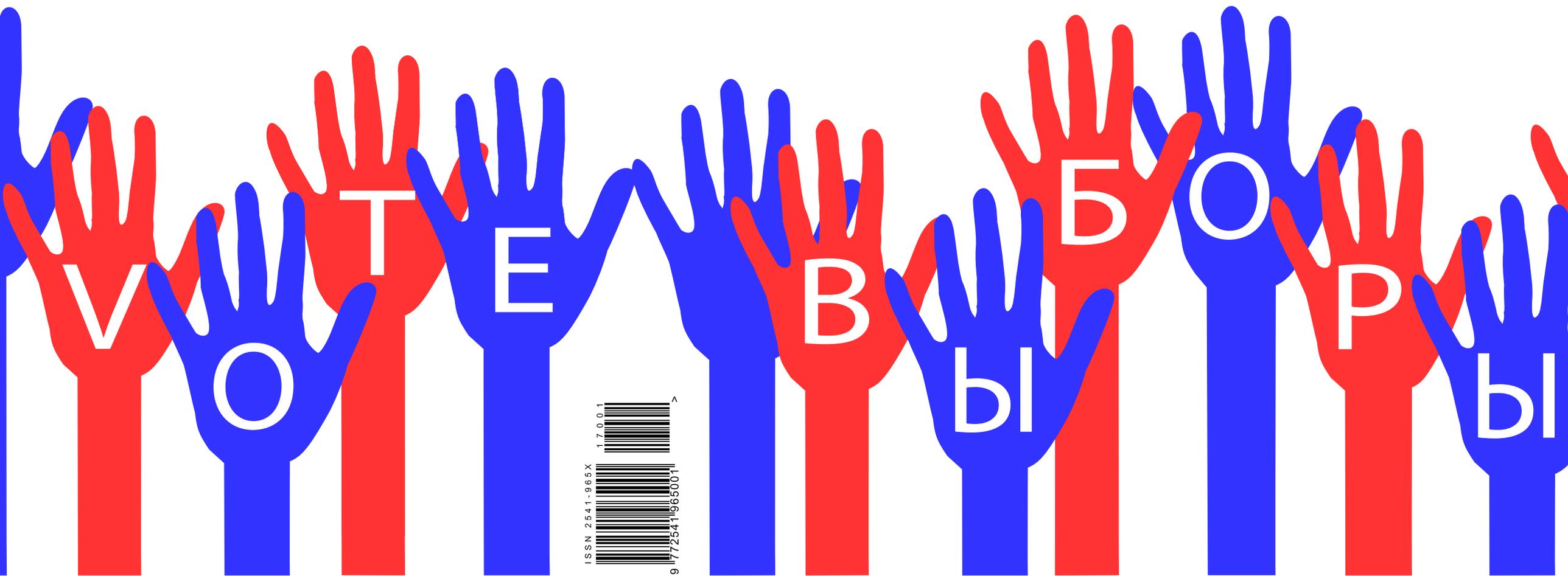

1(2), 2017

РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

тема номера:

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ»

ISSN 2541-965X

Содержание

От редакции		3
Раздел I. Выборы в России		4
Ежов Д. А.	К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.	4
Капицын В. М.	Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и апгрейд российской идентичности	14
Серавин А. И.	Региональная избирательная кампания партии «Единая Россия» в Кировской области в 2016 г.	22
Раздел II. Выборы в США		30
Манойло А. В.	Феномен Трампа и гибридизация мировой политики	30
Чихарев И. А., Чихарев И. И.	Альтернативные правые в электоральном пространстве: американская и российская проекции	42
Фельдман П. Я.	Особенности участия американских профсоюзов в президентской избирательной кампании 2016 г.	49
Фролова О. А.	Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.: исторический аспект и современность	56
Раздел III. Выборы в странах Западной и Восточной Европы		63
Куренкова К. И.	Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения: процессы и проблемы взаимодействия	63
Шалаев Н. Е.	Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий на материале стран Восточной Европы	70
Посталовский А. В., Посталовская О. А.	Президентские избирательные кампании в Республике Беларусь: комплексный анализ	84
Гудзенко М. Д.	Особенности партийного строительства перед президентскими выборами во Франции 2017 г.	92
Раздел IV. Выборы в странах Латинской Америки		103
Фрейденберг Флавия	Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 г.	103
Раздел V. Отдельные теоретические и практические аспекты политических выборов и современной демократии		117
Михайлова О. В.	Современная теория и практика электоральных реформ	117
Велп Янина	Развитие прямой демократии: что решает народ?	132
Смулькина Н. В.	Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов в избирательной кампании	140
Раздел VI. История выборов в России		152
Галкин П. В.	Земская «контрреформа» или «коррекция реформ» (по материалам избирательных кампаний в Московской губернии)	152
Раздел VII. Политическая наука в российских университетах		167
Факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета		167
Summary		171
Информация для авторов. Оформление статей		177
Редакционный совет		179
Редакционная коллегия		181
Редакция		183

От редакции

Представляем второй номер нашего журнала «Русская политология — Russian political science», который посвящен политическим выборам.

В тематический выпуск вошли статьи политологов из России, Белоруссии, Мексики и Швейцарии. Представляют свои исследования на страницах журнала доктора наук и начинающие исследователи, а также практикующие политические технологи.

Для многих будут интересны статьи, которые посвящены региональным выборам в России, избирательным кампаниям президентов США (2016) и Франции (2017), особенностям выборов в Западной и Восточной Европе, а также в странах Латинской Америки.

Авторы в представленных статьях затронули очень важные аспекты политических выборов — партийное строительство, влияние профессиональных союзов и институтов гражданского общества на электоральное поведение, роль эмиграционной проблематики в избирательных кампаниях Европейского союза и в США. Авторы статей обращают внимание на особенности проводимых электоральных реформ, и задаются вопросом — какие выборы можно назвать честными и достойными?

Отдельные статьи посвящены анализу проведенных референдумов как в России, так и в зарубежных странах. Начинающие политологи представили на суд широкой общественности свою методику анализа открытых данных, с целью выявления возможных электоральных аномалий.

Не остался без внимания и психологический аспект избирательного процес-

са — именно этому вопросу посвящена статья, в которой на основе анализа сказок и преданий определяется, какие качества кандидатов привлекают современных избирателей в России.

Выборы в России проходят уже не первое столетие, поэтому мы не могли не затронуть вопрос об истории выборов.

Статьи зарубежных политологов из Мексики и Швейцарии были переведены с испанского языка и ранее нигде еще не публиковались. Отдельная благодарность нашим молодым исследователям с факультета политологии Московского университета за достойный перевод научных статей зарубежных авторов.

Мы продолжаем знакомить наших читателей с факультетами политологии, которые созданы в России. В настоящем номере представлен факультет политологии Санкт-Петербургского университета.

Последующие номера нашего журнала будут посвящены следующим темам:

- «Научные исследования молодых политологов» (специальный выпуск);
- «Экологическая политика современных государств: наука, бизнес, общество»;
- «Россия и Китай в глобальном мире»;
- «Выборы Президента России 2018 года: экспертные оценки политологов»;
- «Политическая мысль России и зарубежных стран».

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания.

К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.

Аннотация

Статья посвящена теоретико-прикладным проблемам конструирования партийного спектра, сложившегося в период парламентской избирательной кампании 2016 г. в России. Автор концептуализирует понятие «партийный спектр» как терминологическую единицу, обобщает актуальные тенденции современного избирательного процесса, приводит структурно-содержательную характеристику партийного спектра кампании 2016 г. с точки зрения идеологического, политического и электорального потенциала.

Ключевые слова: выборы, избирательная кампания, политические партии, партийный спектр, политический спектр, политические идеологии.

Автор

Ежов Дмитрий Александрович

Кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и политологии
Академии труда и социальных отношений
(Москва, Россия)

Основополагающей целью функционирования любой политической партии является борьба за власть посредством участия в выборах. Либерализация законодательства о партиях способствовала непосредственному увеличению их количества, что в практическом отношении проявилось в кампании по выборам депутатов Государственной Думы седьмого созыва, характеризующейся предельной концентрацией политических партий как акторов избирательного процесса в сравнении с предшествовавшими ей парламентскими выборами 2007 и 2011 гг. Увеличение фактического числа партий актуализирует в теорети-

ко-прикладном ракурсе проблему структурно-содержательного наполнения современного партийного спектра России. Ставя перед собой цель в виде выявления специфики актуальной модели российского партийного спектра в контексте совокупности имеющихся место быть разнонаправленных трендов. Для достижения цели представляется оправданным решение нескольких задач, а именно: концептуализация понятия «партийный спектр» как терминологической единицы; обобщение актуальных тенденций современного избирательного процесса; структурно-содержательная характеристика партийного спектра парламентской

К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.

кампании 2016 г. с точки зрения политического и электорального потенциала, а также идеологической приверженности его субъектов.

Понятие «партийный спектр» периодически встречается в научной литературе, но в то же время использующие его авторы обращают внимание на отсутствие общепринятого четкого определения данного термина как в отечественных, так и англоязычных исследованиях. При этом под партийным спектром они понимают «совокупность идеологических позиций партий по основным вопросам социальных отношений, экономики, политической системы, национального строительства, международных отношений и т. п., артикуляцию отношений к другим политическим акторам (партиям, политическим институтам, органам власти и т. д.), политической системе и обществу в целом», сводя, таким образом, трактовку данного понятия к терминологической единице, определяющей идейные позиции партий по отношению друг к другу, и отождествляя партийный спектр с идеологическим спектром [4. — С. 7]. О последнем свидетельствует факт использования понятий «партийный спектр» и «идеологический спектр» в качестве синонимов, подтверждающий семантическую условность приведенного определения.

Отталкиваясь от имеющегося в исследованиях начала 2000 гг. тезиса о наличии трудностей в идеологической самоидентификации российских партий, связанных с необходимостью их позиционирования в неустойчивом и многомерном политическом пространстве [2], мы вынуждены признать, что поляризация политических сил России по идеологическому критерию остается затруднительной и на данный момент. Это обусловлено пролонгацией тренда, подразумевающего слабость идеологических концепций, реализуемых на российской почве, в том числе и вследствие нерациональности попыток адаптации западных образцов к реалиям современной России. На сегодняшний день в стране сформировалось несколько

идейно-политических проектов, пропагандируемых политическими партиями, но зачастую они, скорее, являются фрагментарным воплощением выборочных идей и постулатов, составляющих основу того или иного идеологического течения, формализованных непосредственно в программе политической партии. Нередко эти идейно-политические проекты эклектичны по своему содержанию и построены на принципах идеологического дискурса, что в ряде случаев заметно затрудняет процесс сущностной идентификации той или иной идеологии, предлагаемой в партийных программах. На этом основании полагаем не вполне оправданным считать понятия «партийный спектр» и «идеологический спектр» синонимичными.

Распространенное деление партийного спектра исключительно на такие сегменты, как правый, левый и центристский, несмотря на то, что такой подход имеет историческое обоснование, видится нам довольно условным. В современной России с учетом особенностей процесса партийного строительства и доминирующей модели формирования политических предпочтений в социуме подобное восприятие имеет, скорее, стереотипный характер и не отражает в полной степени реальной картины, в связи с чем требует уточнения и дополнения. Наряду с этим, мы не отрицаем, что в основе методологии анализа партийного спектра лежат методы, идентичные составляющим базу для исследования политического спектра, что делает эти понятия содержательно сопоставимыми, но различными с точки зрения масштаба. Отталкиваясь от данной аналогии, очевидно, что методикой конструирования партийного спектра являются методы моделирования. Это дает нам основания рассматривать партийный спектр как составной компонент политического спектра, по форме являющийся трехосной моделью публичного позиционирования участвующих в выборах партий с точки зрения их политического и электораль-

ного потенциала, а также пропагандируемых ими идейно-политических позиций.

Основываясь на проведенных ранее исследованиях, мы склонны рассматривать в качестве доминирующих три тенденции современного избирательного процесса в России, определившие в том числе и специфику фона выборов 2016 г.:

1) обусловленность хода и характера избирательного процесса актуальной социально-политической ситуацией;

2) образование неформальной консолидации ведущих общественно-политических сил страны вокруг позиции федерального центра по стратегически значимым вопросам, вызванное необходимостью адаптации к изменившимся реалиям как внутри российского государства, так и за его пределами;

3) линия на обеспечение открытости и прозрачности избирательных процедур [1].

Следуя логике настоящего исследования, актуальную модель партийного спектра мы рассматриваем в контексте выявленных тенденций, из чего проистекает вывод, заключенный в том, что структура и содержание партийного спектра в период избирательной кампании 2016 г. формируются непосредственно под их влиянием. Как уже отмечалось ранее, структуру партийного спектра избирательной кампании 2016 г. предлагается выстраивать по трем осям. Конкретизируем их следующим образом:

1. Политический потенциал (*стабильно высокий — высокий, но имеющий тенденцию к снижению в перспективе — низкий, но имеющий тенденцию к повышению в перспективе — стабильно низкий — номинальный*). В нашем представлении в условиях сложившегося социально-политического фона политический потенциал партий находится в прямой зависимости от степени стабильности в сознании избирателей ассоциативного ряда их риторики и деятельности с политикой действующего Президента РФ, поскольку в настоящих условиях альтернативная повестка дня является заведомо проигрыш-

ной. Таким образом, во многом, определение полюса в рамках соответствующей оси обусловлено уровнем присутствия в системе партийного позиционирования готовности к конструктивному диалогу с действующей властью. Дополнительными критериями определения политического потенциала субъекта партийного спектра являются устойчивость партии на политической арене и авторитет ее лидера.

2. Электоральный потенциал (*лидеры — аутсайдеры — спойлеры*). Полагаем, что в структуре партийного спектра лидерами целесообразно считать партии, имеющие электоральную базу, масштаб которой позволяет преодолеть им заградительный барьер на выборах в федеральный парламент. Исходя из сделанного принципиального уточнения, допускаем, что лидерство в рамках партийного спектра, сложившегося под влиянием актуальной модели партийной системы, может быть как абсолютным, так и второстепенным. Под аутсайдерами мы понимаем партии, в силу отсутствия оформленной электоральной базы и иных факторов, неспособных к преодолению заградительного барьера. Полюс «спойлер» в рамках настоящей оси введен для обозначения политических партий, находящихся на периферии спектра и ставящих перед собой цель привлечь на свою сторону часть электората другой партии с похожим названием или символикой.

3. Идеологическая ниша (*социализм — консерватизм — либерализм*). Отмечая содержательную условность соответствующей оси по рассмотренным ранее причинам, лежащим в русле идеологической специфики российских политических партий, оговорим заранее, что критерий отнесения того или иного актора к конкретному полюсу заключается в степени его тяготения к социализму, консерватизму или либерализму. Система полюсов является подвижной и может предполагать наличие промежуточных сегментов. Особенно это значимо в случаях, когда более или менее четко определить идеологиче-

К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.

скую нишу субъекта партийного спектра представляется затруднительным.

В качестве непосредственных субъектов партийного спектра мы склонны рассматривать политические партии, принявшие участие в федеральной избирательной кампании 2016 г., поскольку именно путем участия в выборах партия оправдывает основную цель своего существования в виде борьбы за власть и обеспечение представительства. К участию в парламентских выборах 2016 г. по партийным спискам ЦИКом России было допущено 14 политических партий, совокупность которых мы отождествляем с партийным спектром избирательной кампании 2016 г. Сразу оговоримся, что за пределами нашего исследовательского интереса остаются кандидаты, выдвинутые теми или иными партиями в одномандатных округах, поскольку мотивации голосования избирателя за партию и кандидата во многом различны. В последнем случае на первый план зачастую выходят личностные предпочтения в виде симпатии (антипатии) и степени медиаприсутствия того или иного лица, фактор же принадлежности к какой-либо политической силе может иметь на этом фоне второстепенное значение.

Ниже представлена характеристика субъектов партийного спектра избирательной кампании 2016 г. с точки зрения предложенного подхода.

Всероссийская политическая партия «Единая Россия». На сегодняшний день партия является правящей, позиционирует себя как «партия Президента», что обуславливает ее стабильно высокий политический потенциал. С точки зрения электро- рального потенциала партия является

абсолютным лидером, обладая при этом стабильной и широкой электоральной базой. В идейно-политическом отношении «Единая Россия» занимает социал-консервативную нишу, что позволяет ее разместить в консервативном сегменте соответствующей оси партийного спектра.

Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации».

Партия позиционирует себя в качестве прямой наследницы КПСС и обеспечивает себе представительство в федеральных парламентах всех созывов, что подтверждает ее политический потенциал как стабильно высокий. Электоральная база КПРФ относительно стабильна, но имеет тенденцию к снижению, что, впрочем, не дает оснований исключать партию из числа лидеров партийного спектра по данному критерию. Объясняют наличие указанного тренда рассредоточение протестного электората и имеющий место быть консервативный стиль управления партийной структуры. КПРФ прочно занимает социалистический сегмент партийного спектра.

Политическая партия ЛДПР — Либерально-демократическая партия России.

Старейшая политическая партия современной России является наиболее характерным примером партии лидерского

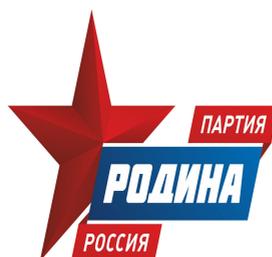
Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

типа. Политический потенциал партии стабильно высок, что объясняется ее устойчивостью на политической арене и фактором лидера. Партия входит в число лидеров с точки зрения своего электорального потенциала, имея стабильную электоральную базу, преимущественно состоящую из симпатизантов председателю партии. Учитывая то, что ЛДПР долгие годы является парламентской оппозицией, но в то же время выступает в поддержку президентского курса, ее целесообразно поместить в пределы центристского сегмента партийного спектра с поправкой на то, что программные положения партии отвергают строгие канонические постулаты любого из традиционных идеологических течений.

Политическая партия «Справедливая Россия». В партийном спектре избирательной кампании 2016 г. партия «Справедливая Россия» занимает пограничное положение на фоне трансформации оценки ее политического потенциала, определяемого нами в качестве высокого, но имеющего тенденцию к снижению. Связано это преимущественно с тем, что после очевидного успеха на федеральных выборах 2011 г. партия не смогла предложить новые идеи, представляющие реальную альтернативу политике правящей партии и заметно отличающиеся от подходов, декларируемых как представителями социалистического фланга, субъектом которого «Справедливая Россия» себя позиционирует, так и партиями, придерживающимися иных идеологических позиций. За время участия в кампании 2016 г. и в преддверии ее партией поддерживалась политика Президента РФ и критиковалась дея-

тельность Правительства РФ, что, как видно из представленных выше характеристик, стало лейтмотивом проведения кампаний для большинства политических партий. Ряд заявлений представителей «Справедливой России», сделанных накануне выборов, выглядели популистскими и неоригинальными (например, призыв к полной отмене сбора за капитальный ремонт для собственников жилья). Между тем на данном этапе с точки зрения электорального потенциала партия остается в группе лидеров. Как уже было замечено, в рамках соответствующей оси политического спектра ей отводится место в пределах социалистического сегмента с тем уточнением, что идеология партии тяготеет к социал-демократической.

Всероссийская политическая партия «Родина». Партия, в целом, поддерживает линию федерального центра, направленную на обеспечение национальных интересов и, в то же время, открыто выступает за смену социально-экономического курса правительства. Принимая во внимание тот факт, что партийная риторика аккумулирует в себе совокупность популярных в широких социальных группах идей, политический потенциал партии оценивается нами как низкий, но имеющий тенденцию к повышению в перспективе при учете формальной экстраполяции установленных детерминант политического развития России. Партия в современном виде является продуктом ребрендинга, публичную презентацию которого проводят узнаваемые лица. С точки зрения электорального потенциала партия на сегодняшний день является аутсайдером за счет узкой электоральной базы в масштабах страны. Улучшение положения

К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.

в этом отношении гипотетически возможно в результате уточнения концепции внутрипартийного лидерства и улучшения имиджевых показателей. Партия, по своему собственному выражению, занимает социал-патриотическую нишу, на основании чего в рамках соответствующей оси партийного спектра мы определяем ее положение в рамках консервативного сегмента.

Политическая партия «Патриоты России». Программа партии базируется на идее патриотизма, провозглашаемого в качестве новой идеологии. При этом по существу «Патриоты России» являются одним из проводников идей социал-демократии, явно не противопоставляя свою позицию политике действующей власти. Объяснимо это политическим потенциалом партии, по своей сути близким к номинальному, ввиду масштаба ее деятельности. С точки зрения электорального потенциала партия является аутсайдером, идеологическую нишу занимает в пределах социалистического сегмента оси партийного спектра.

Коммунистическая партия «Коммунисты России». Партия предлагает на политическом рынке радикализированный вариант коммунистической предвыбор-

ной платформы, акцентируя внимание на необходимости возвращения в политическую практику методов сталинизма. Политический потенциал партии определяется как номинальный ввиду крайней степени популизма предвыборной риторики, а также фактической невозможности реализации предлагаемых партией проектов в современных условиях, являющихся по своей сути утопическими. С точки зрения электорального потенциала партия является явным спойлером, играя на электоральном поле КПРФ, подтверждением чего являются похожие название и символика. В соответствующей оси партийного спектра партия вписывается в социалистический сегмент оси, но занимает в нем крайнее положение, что фактически подтверждают не только программные положения, но и ее официальное название.

Политическая партия «Российская партия пенсионеров за справедливость». Риторика партии ориентирована на пенсионеров как социальную группу. Ее политический потенциал в качестве отдельной партийной структуры определяется как стабильно низкий ввиду большого количества организационных и внутрипартийных проблем, которые сопровождали участие партии к подготовке к федеральным выборам 2016 г. С точки зрения электорального потенциала партия является аутсайдером, что объясняется недостаточной электоральной базой и во многом вызвано причинами, обозначенными выше. Партия занимает социал-консервативную идеологическую нишу, что позволяет нам расположить ее на соответствующей оси партийного спектра в социал-консервативном сегменте.

Российская экологическая партия «Зелёные». Позиционируя себя как «партию экологической направленности», «Зелёные» обладают номинальным политическим потенциалом, ввиду того, что предлагаемые ими мероприятия касаются почти исключительно экологической сферы. Положение аутсайдера с точки зрения электорального потенциала обусловлено отсутствием электоральной базы. В идеологическом отношении нишу партии определить довольно сложно, поскольку в ее программных документах отсутствует четкая апелляция к тому или иному идейно-политическому течению. В то же время, учитывая нахождение среди задач, поставленных партией накануне избирательной кампании 2016 г., обеспечение стабильности демократических институтов и поддержку концепцию реформ Президента РФ В. В. Путина, считаем правомерным отнести партию «Зелёные» к консервативному сегменту соответствующей оси партийного спектра.

Политическая партия «Гражданская платформа». В современном виде вследствие утверждения генеральной линии,

направленной на официальное признание воссоединения Крыма с Россией, а также участия партии в движении «Антимайдан», в структуре партийного спектра ее место можно определить в числе субъектов, обладающих стабильно низким политическим потенциалом, являющихся аутсайдерами с точки зрения электорального потенциала, по факту разделяющих идеи социал-консерватизма. Последняя характеристика входит в определенный диссонанс с самоидентификатором партии «новые правые» по причине диаметрально противоположного содержательного восприятия «правого» сегмента социально-политически активной частью населения. Впрочем, подобное позиционирование «Гражданской платформы» достаточно условно ввиду некоторой аморфности и низкой степени реалистичности программных положений и предлагаемых практических шагов (как, например, снижение ставки рублевых кредитов до 2–3 % и т. д.).

Политическая партия «Партия народной свободы» (ПАРНАС). Партия преимущественно позиционирует себя как либеральная, но, в то же время, противопоставляет себя действующей системе. Так, ряд ее представителей нередко выступают с призывами и предложениями экстремистского содержания, что в период кампании 2016 г. было отмечено их соперниками по теледебатам. Учитывая эклектичный подход к формированию актива партии, состоящего, в частности, одновременно из либералов и националистов, а также отсутствие реального альтернативного видения стратегии развития страны, политический потенциал ПАРНАСа представляется стабильно низким. С точки зрения электорального потенциала партия — явный аутсайдер по причине узкой электоральной базы, состоящей из лиц, настроенных категориче-

К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.

ски против сложившейся системы. С формальной точки зрения ПАРНАС занимает место в либеральном сегменте соответствующей оси партийного спектра, хотя отдельные заявления представителей партии балансируют на грани революционизма и анархизма.

Всероссийская политическая партия «Партия Роста». Формально «Партия Роста» является преемницей партии «Правое дело», подвергнувшейся ребрендингу. В своих программных положениях партия поддерживает внешнюю политику Президента РФ и критикует работу социально-экономического блока Правительства РФ, что, в целом, соответствует характерному для данного промежутка времени мейнстриму, и в этом отношении становится в один ряд с большинством партий — участниц избирательной кампании 2016 г. Политический потенциал партии на данный момент стабильно низок, с точки зрения электорального потенциала партия является аутсайдером. Идеологическая ниша «Партии Роста» представляет собой симбиоз либерализма и консерватизма, что позволяет нам поместить ее в соответствующий промежуточный сегмент оси партийного спектра.

Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила». Партия позициони-

рует себя в качестве субъекта либерального фланга и относится к соответствующему сегменту партийного спектра, ее политический потенциал номинальный, с точки зрения электорального потенциала — является аутсайдером. Степень практической активности партии, в целом, низка.

Российская объединенная демократическая партия «Яблоко». На сегодняшний день партия остается наиболее узнаваемым игроком на либеральном поле, на федеральном уровне имеет стабильно низкий политический потенциал; а также устойчивую, но небольшую электоральную базу, сконцентрированную преимущественно в некоторых крупных мегаполисах и не позволяющую ей выйти в лидеры. Поэтому, с точки зрения электорального потенциала, партия является явным аутсайдером, чему способствует как сопровождающий ее актуальную деятельность идейный кризис, так и кризис в области внутривнутрипартийного лидерства.

Приведенные нами характеристики субъектов политических партий с точки зрения политического и электорального потенциала, а также идейно-политических позиций, позволяют сделать ряд обобщений и выводов, что в совокупности создаст целостное представление относительно состояния партийного спектра парламентской кампании 2016 г. в контексте актуальных тенденций избирательного процесса.

Нами предложен подход к структурированию партийного спектра по трем осям: «политический потенциал», «электоральный потенциал», «идеологическая ниша». Каждая из осей предполагает наличие полюсов, к которым тяготеют субъекты партийного спектра. Совокупность субъ-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

ектов партийного спектра избирательной кампании 2016 г. представляют 14 партий, принявших участие в выборах депутатов Государственной Думы седьмого созыва по федеральному избирательному округу.

По оси «политический потенциал» три партии («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР) отнесены нами к полюсу, определяемому нами как «стабильно высокий»; одна партия («Справедливая Россия») — к полюсу, определяемому как «высокий, но имеющий тенденцию к снижению»; одна партия («Родина») — к полюсу, определяемому как «низкий, но имеющий тенденцию к повышению»; пять партий («Российская партия пенсионеров за справедливость», «Гражданская платформа», ПАРНАС, «Партия Роста», «Яблоко») — к полюсу, определяемому как «стабильно низкий», четыре партии («Коммунисты России», «Зелёные», «Гражданская сила», «Патриоты России») — к полюсу, определяемому как «номинальный». Приведенная поляризация субъектов партийного спектра, в целом, отражает расстановку сил в рамках избирательной кампании 2016 г. и свидетельствует о наличии как стабильных трендов, так истораживающих симптомов для отдельных политических сил. Бесспорно, стабильным трендом является высокий политический потенциал большинства парламентских партий, сохранивших парламентский статус в результате выборов, прошедших 18 сентября 2016 г. На общем фоне необходимо выделить партию «Единая Россия», чей стабильно высокий потенциал обусловлен правящим статусом. В качестве стабильного тренда нами рассматривается сохранение высокого политического потенциала у КПРФ и ЛДПР по причине их устойчивости в качестве парламентских партий. Партия «Справедливая Россия», несмотря на прохождение в Государственную Думу седьмого созыва с результатом, близким к пограничному, имеет тенденцию к потере политического веса, что рассматривается нами какстораживающий симптом для партии с точки зрения дальнейших перспектив ее разви-

тия как парламентской партии. В случае игнорирования данной симптоматики и отсутствия системного реформирования данная партия гипотетически может потерять статус парламентской в результате выборов 2021 г. При сохранении актуальной на данный момент политической конъюнктуры и условия осуществления объемной внутрипартийной работы свой политический потенциал к выборам 2021 г. также гипотетически может увеличить партия «Родина». Одновременно и стабильным пролонгированным трендом, и тревожным симптомом является констатация стабильно низкого политического потенциала всех партий, позиционирующих себя либеральными и действующими на правом фланге.

С точки зрения электорального потенциала на сегодняшний день нами выявлено четыре партии-лидера («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), обладающие достаточной электоральной базой, позволившей им преодолеть заградительный барьер на выборах в Государственную Думу седьмого созыва в 2016 г. Наибольшее количество партий — участниц парламентской кампании 2016 г. в количестве девяти («Родина», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Зелёные», «Гражданская платформа», ПАРНАС, «Партия Роста», «Гражданская сила», «Яблоко», «Патриоты России»), по оси «электоральный потенциал» характеризуются как аутсайдеры. Одна партия («Коммунисты России») является явным спойлером. Абсолютное лидерство среди первой группы принадлежит партии «Единая Россия», сформировавшей по итогам выборов 2016 г. конституционное большинство. Трех оставшихся в рамках данного полюса акторов мы рассматриваем в качестве носителей второстепенного лидерства. В отношении аутсайдеров, которых в партийном спектре парламентской кампании 2016 г. большинство, хотелось бы отметить характерную для большинства случаев невозможность складывания до-

К проблеме конструирования партийного спектра избирательной кампании 2016 г.

статочной базы для получения весомого результата на выборах федерального уровня. В данной категории представлен и ряд новых партий, характеризующихся отсутствием сформировавшейся электоральной базы. В этой связи можно согласиться с утверждением о том, что новые партии малоподвижны, им не хватает медийности и общественной поддержки [3. — С. 11]. Однако полагаем, что причину неудач новых партийных проектов на данном этапе социально-политической эволюции государства следует искать в их неспособности предложить реальный альтернативный путь стратегического развития России, целесообразность поиска которого в настоящее время весьма сомнительна, поскольку какие-либо существенные изменения в этом направлении могут разрушить основы, цементирующие действующий политический режим.

Поляризация субъектов партийного спектра по идеологическому принципу с учетом сделанных ранее оговорок в отношении идеологической компоненты в деятельности российских партий позволяет сделать вывод, заключающийся в том, что большинство из них в той или иной степени тяготеют к консервативной платформе. Стремление ряда политических партий к пропаганде социал-консерватизма создает устойчивые тенденции для формирования единого идейно-политического поля, где в качестве центрального игрока рассматривается партия «Единая

Россия», являющаяся непосредственным носителем обозначенной идеологии в российском партийном спектре. В достаточной степени в рамках партийного спектра представлен социалистический сегмент, в пределах которого себя позиционируют две из четырех парламентских партий. Либеральная идеологическая ниша в партийном спектре избирательной кампании 2016 г. не представлена сколько-либо серьезными игроками преимущественно из-за отсутствия поддержки широкими социальными слоями пропагандируемых субъектами соответствующего фланга идей.

В заключение заметим, что структурно-содержательный анализ партийного спектра парламентской кампании 2016 г. с учетом актуальных тенденций избирательного процесса, произведенный с помощью предложенного нами подхода, в целом, отражает текущее положение в области партийного представительства. Актуальная модель партийного спектра характеризуется содержательной устойчивостью, непосредственным подтверждением чему является сохранение парламентского статуса его четырьмя ведущими акторами и подтверждение статуса абсолютного лидера правящей партией. Таким образом, на сегодняшний день мы можем констатировать факт стабилизации структуры и содержания партийного спектра в результате трансформации партийно-политического поля вследствие прошедших выборов в федеральный парламент.

Литература

1. Ежов Д. А. К проблеме определения тенденций современного избирательного процесса в России // Власть. — 2016. — № 7. — С. 35–38.
2. Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж // Полис. — 2001. — № 5. — С. 97–106.
3. Никоненко С. А. Навстречу думским выборам 2016 г.: готовность и предпосылки взаимодействия политических партий и гражданского общества // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2015. — № 4 (4). — С. 5–13.
4. Толпыгина О. А. Идеино-политические контуры партийного ландшафта современной России. М., ИНИОН РАН, 2014. — 176 с.

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и апгрейд российской идентичности

Аннотация

Автор проанализировал референдум 2014 г. в Крыму во взаимодействии различных идентичностей, влиявших на политический выбор крымчан в контексте идентификации в восточно-европейских странах, России и Украине. В качестве параллельной концептуальной парадигмы рассмотрены теории национализма восточно-европейских государств, в частности Венгрии. В основание аргументации положены также данные социологических исследований различных зарубежных и российских служб. Референдум 2014 г. в Крыму и его восприятие российским обществом показаны как высшая степень проявления российской идентичности как в Крыму, так и на материке.

Ключевые слова: российская идентичность, украинская идентичность, референдум в Крыму, восточно-европейская идентичность, апгрейд.

Автор

Капицын Владимир Михайлович

Доктор политических наук,
профессор кафедры сравнительной
политологии факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Крымский референдум 2014 г. стал достоянием истории России, но многие отзвуки данного выдающегося события снова и снова будут переживаться как поворотный пункт в развитии постсоветской России. Для крымчан и остальных россиян референдум останется почти по-Маяковскому — «ярчайшим из дней». Причем, как показали события и замеры общественного мнения, воссоединение с Крымом способствовало сплочению российского общества и обновлению (апгрейду) российской идентичности.

Цель данной статьи — показать особенность крымской идентичности как ресурса и составной части объединяющей национальной (русской) иден-

тичности. Последняя поднялась до высшей на тот момент точки проявленности за всю постсоветскую историю. Гипотеза статьи — крымский референдум и его результаты в пользу России стали возможны, благодаря тому, что все постсоветские годы большинство крымчан сохраняло потенциал российской идентичности, способной вести к особому настрою, который обусловил сверхмощную мобилизацию на проведение референдума и победу на нем пророссийских сил. Без этого не помогли бы ни российские войска, ни обострение политических противоречий, ни опасности, воспроизводимые Майданом и новым киевским режимом. Более того, крымский

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

референдум 2014 г. сделал возможным своеобразный апгрейд — революцию в идентификационном процессе России.

Об особенностях крымской идентичности писали разные авторы. Опросы Центра Разумкова показали сохранение в Крыму советской идентичности, включающей настроения антиамериканизма, противостояния НАТО. Опросы выявили враждебность крымчан к национализму Галичины, который в Крыму отождествляли с национал-социализмом. Запад воспринимался в Крыму как инициатор «оранжевых» революций [15, 290–299].

Для характеристики идентичности Крыма 2014 г. мы приняли термин «младо-российская» идентичность. «Младо-» в сложных словах обозначает название течений — философских, религиозных, культурных, возрождающих национальное сознание. Оно означает обновление какого-то существовавшего ранее явления. В философии известно младогегельянство, в религии — младо-штундизм. Известны также культурные и политические настроения (течения, движения), обретавшие атрибуцию «младо-»: младотурки (революция 1908 г.), младолатыши (культурное движение против германизации 1850–1880 гг.), младосербы (конец XIX в.), младохорваты (начало XX в.), младонагоричане (в Македонии), младоказахи (1990-е гг.) и т. д. В истории отмечено и младо-украинское движение «національно свідомых» в Галиции (1890-е гг.), отделяющих себя от Австрии или России (позже от СССР) [6, 13]. Аналогичная атрибуция «младо-» может быть характерна для ряда других народов, решающих задачу культурного и политического самоопределения, национальной консолидации.

Динамика постсоветского пространства в 1991–2016 гг. выявила несколько тенденций в идентификационных процессах, касающихся России, Восточной Европы, Украины. Это реанимировало атрибуцию «младо-», усилило интерес к региональной идентификации и процессам на Украине.

Рассмотрим следующие переменные. На идентификацию крымчан оказывала долговременное влияние российская общенациональная (материковая) идентификация. С другой стороны, воздействовала украинская национально-государственная идентификация. С третьей, усиливалось влияние Турции на крымских татар; привнесение идей радикального ислама в крымское общество усиливало опасения подрыва как российской, так и украинской идентичности. В-четвертых, все эти процессы коррелировались с такой переменной как противоборство (конкуренция) региональных идентификаций, привязанных, с одной стороны, к евразийскому, с другой, к европейскому интеграционным процессам. Влияние ЕС и европейской идентичности усиливалось, в том числе благодаря особой активности политических элит Польши, Германии, Швеции и стран Балтии.

Исследования украинской социологической группы «Рейтинг» еще до событий на Майдане 2014 г. четко показывали конкуренцию внешнего европейского и евразийского влияний. Также Киевский международный институт социологии (КМИС) в своем исследовании показал в сентябре 2013 г., что, если бы тогда был проведен референдум, то 41 % респондентов проголосовал за вступление Украины в ЕС, а 35 % — за вступление в Таможенный союз. В южных регионах страны было другое соотношение (26 % и 46 %, соответственно)[3].

Последняя переменная для одних восточноевропейских государств характеризовала скорее дополнительный контекст, а для Украины, Грузии, Молдавии, наиболее включенных в процесс Восточного партнерства, — среду непосредственной вовлеченности в идентификационные процессы, противопоставляемые друг другу. Парадоксально, но это противоборство интеграций и идентификаций было использовано в Украине для подъема и легитимации радикального национализма Галичины с его моноэтнической и подчеркнута антироссийской ориентацией.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

Произошла странная синергия радикальных националистических настроений и стремлений к европейской интеграции, в тот момент подпитывавших друг друга. Национализм радикализировался под воздействием пропаганды интеграции с ЕС, чему активно способствовало руководство Польши, Швеции, Германии, стран Балтии — инициаторов Восточного партнерства. Все это подрывало общенациональную (государственную) идентичность Украины. Приход к власти в Киеве представителей радикальных националистических сил в феврале 2014 г. стимулировал национальный раскол, усилил ирредентизм в Крыму и на Донбассе.

Истоки противодействия идентичностей на Украине проявлялись еще в конце XIX — начале XX в. [1], но более свежие следы оставили события 1990–1992 гг., а затем 2004 г. Правда, тогда интеграционные предпочтения формирующихся постсоветских государств не могли проявляться отчетливо в силу неопределенной их политической субъектности.

Но уже в начале 1990-х перед украинскими элитами маячил выбор между постсоветской интеграцией с Россией (и другими союзными республиками) и ориентацией на Европу и НАТО. Государство Украина сталкивалось с идентификационным кризисом, проявившимся не только в исходе части русскоязычного населения, но и волнах ирредентизма в Крыму, особенно в Севастополе. Сохранялось остаточное влияние советской идентичности, обретающей характер российской. Тогда на всем постсоветском пространстве возникали этно-территориальные образования с атрибутами сепаратизма и ирредентизма (Южная Осетия, Абхазия, Аджария, Нагорный Карабах, Приднестровье, Гагаузия, Северный и Восточный Казахстан). Судьба Крыма и Севастополя тогда до конца еще не определилась.

Эти противоречия в Украине усилились благодаря политике Восточного партнерства ЕС. Теоретическое объяснение идентификации элит, а также разных слоев на-

селения в Украине можно найти, обращаясь к описанию разных видов национализма (этнонациональной идентификации). Интересны в этом срезе положения конструктивизма и критической геополитики о самоидентификации народов на лимитрофных территориях Восточной Европы. Нередко национализм народов Восточной Европы описывается как незавершенный, недостаточно полный, в основном культурный. Это объяснялось неразвитостью или даже отсутствием ряда институтов нации-государства. Для формирования воображаемого сообщества, приобретающего политические (государственные) устои, необходимы институты-прототипы. Во-первых, нация-государство опирается на институты, поддерживающие идентификацию горизонтального характера. Это — институты общества, закрепляющие и воспроизводящие достаточный набор территориальных, этно-антропологических, духовно-культурных (исторических) и агентных (экономических) идентичностей, которые с помощью индивидуального и коллективного участия вовлекаются в строительство национального государства и узнаваемо окрашивают общенациональную идентичность. Во-вторых, в значительной степени влияет история успешного национального государства (или империи); она закрепляет эти горизонтальные восприятия в «контейнере» общенациональной идентичности.

Многое из набора таких институтов закрепляет общенациональную идентификацию в государствах Западной Европы и служит образцом для государств Восточной Европы. Однако, последние не имели стабильной истории государства. Венгерские социологи отметили, что национализм в Восточной Европе в отсутствие такого полного набора идентичностей и при неуспешной истории государства основывался на романтической фольклорной и литературной традиции (прежде всего, поэтической). Например, Ш. Пётефи (в Венгрии), А. Мицкевич (в Польше), Х. Ботев и И. Вазов (в Болгарии), Т. Шевченко

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

(на Украине) — эти имена поэтов служат символами возрождения восточноевропейских национализмов. Такая традиция соединялась с ориентацией на правильную идентичность «успешных» европейских наций [14. — С. 325–329].

Состоявшиеся национальные государства Франции, Испании, Италии, Британии, Германии в своей ориентации на Европу достаточно долгое время и довольно полно сохраняли контейнеры своих общенациональных идентичностей (до реализации геополитического проекта ЕС в 1992 г.). А национализмы восточно-европейских государств являлись более неопределенными и множественными (контингентными), подвержены добровольной, но неподтвержденной народом мимикрии элит под правильную идентичность государств Западной Европы. Одновременно проявлялся настрой на отвержение остатков имперской традиции (Австро-Венгрии, России, СССР). Милан Кундера назвал это состояние «Восточно-Центрально-Европейским комплексом» [13. — С. 170]. Такой комплекс — социально-психологическое состояние, обусловленное отсутствием устойчивых и долговременных географических и исторических ориентиров (состояние лимитрофной идентификации). Для восточноевропейских государств наличие восточности или отсутствие ее было конституирующим началом идентификации, полагания некоей чистоты, как у Западной Европы. «...Отсутствие восточности является определяющей чертой европейских идентичностей» [7. — С. 267]. И. Нойманн отмечает, что ключевую роль сыграл противоречивый образ «не совсем Европа», одновременно включенной в европейскую цивилизацию и не вполне соответствующую стандартам последней [7. — С. 99–156].

В то же время, в 1990-е, а затем в 2000-е годы, в России усиливались представления о великом (имперском) влиянии, далеком от идентификации с европейским национальным государством, что отражалось и в Крыму. Именно в ситуации выбора идентификации (конфликта идентификаций)

между интеграцией с «правильной Европой» и интеграцией с Россией (Таможенным союзом, ЕАЭС), оживляющей некоторые свои имперские и советские традиции, оказалась Украина в 1991–2013 гг. Свершение государственного переворота февраля 2014 г. вдохновлялось символом Т. Шевченко и националистическими знаменами Бандеры и Шухевича, «Правого сектора» и «Свободы». Одновременно часть украинской элиты ориентировалась на «правильную» идентичность Европы, а часть — на близость с Россией.

Особенность идентификации жителей Крыма в том, что она была менее привержена формированию воображаемых восточноевропейских сообществ, основываемых на описанном выше национализме. Большинство крымчан могло бы сохранять многовекторную идентификацию в условиях стабильной украинской государственности, но последняя было разрушена Майданом и государственным переворотом 2014 г. Эта часть крымчан не собиралась формировать свою восточноевропейскую идентичность с ориентацией на «правильную» Западную Европу, как это делали Польша, Венгрия, Чехия или Румыния. Но к такому конструированию, особенно после Майдана, стремились усиливавшиеся проевропейские кланы киевской элиты и часть населения, особенно западных регионов Украины. У крымчан усилилась пророссийская идентичность; они надеялись найти себя в ареале общенациональной (федеративной) идентичности России.

Если глубокий идентификационный кризис происходит в одном из исторически близких государств, где проживает разделенный народ, то это, как правило, усиливает там, с одной стороны, ирредентизм и способствует укреплению общенациональной идентичности соседнего государства. Наиболее отчетливо это проявилось в Украине и России. В процессе самоопределения Крыма в 2014 г. вырос авторитет российского лидера В. В. Путина, усилились настроения в поддержку

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

воссоединения Крыма с Россией и защиту населения Донбасса, что одновременно расширило коллективное чувство гордости за Россию среди самих россиян. Глубокий экономический и политический кризис, незаконный переворот, раскол национальной идентичности в Украине способствовал быстрому усилению российской идентичности в Крыму. Это изменение мы характеризовали как младо-российскую региональную идентичность.

Рассмотрим подробнее, как формировалась такая идентичность. Выше говорилось, что национальная и региональная идентификация крымчан складывалась в контексте отношений Украина — Россия, Украина — ЕС, Россия — ЕС. Постсоветский Крым не удивить референдумами как общеукраинскими, так и местными, официальными и неофициальными. Для характеристики динамики идентификации и борьбы идентичностей Крым представляет собой своеобразный полигон. На всех референдумах крымчане демонстрировали настроения относительно России, значительно отличающиеся от остальных регионов.

Крым был первым еще советским регионом, в котором проводился референдум. В январе 1991 г. проходил референдум Крымской области УССР, когда 81 % граждан пришли на участки, чтобы проголосовать по вопросу предоставления ей статуса Автономной ССР. Тогда 93 % проголосовали за такой статус [11. — С. 34].

17 марта 1991 г. на всесоюзном референдуме о будущем СССР почти 88 % крымчан хотели сохранить СССР «как обновленную федерацию равноправных суверенных республик», что было на 17 % больше, чем в среднем по Украине (11, 34). Затем был первый всеукраинский референдум в декабре 1991 г., где участие жителей в голосовании составило лишь 67,5 % — по Крыму и 63,7 % — по Севастополю (при средней по Украине — 84,1 %; самая высокая явка в Ивано-Франковской области — 95,73 %, Тернопольской области — 97,10 %; Львовской области — 95,24 %) [2]. «За» независимость Украины высказались 54 %

населения Крыма (при 42 % — «против») и 57 % жителей Севастополя (при 39 % — «против»). В среднем по Украине — 90,32 % от пришедших на участки проголосовали за независимость Украины. Против украинского суверенитета выразили свое мнение лишь 10–13 % голосовавших в Одесской, Харьковской, Донецкой и Луганской областях; в областях Галиции не более 1 % [2]. Второй всеукраинский референдум проводился в апреле 2000 г. по инициативе президента Л. Д. Кучмы, чтобы снизить влияние Верховной Рады на принятие политических решений.

До 2014 г. существовала составная идентификация крымчан, поддерживающих «частичные» идентичности: русскую (российскую), украинскую, крымско-татарскую. Они до 2014 г. они все уживались вместе, хотя и не без проблем, в составной общенациональной (государственной) идентичности нейтральной Украины, включающей в себя также другие частичные (региональные) идентичности (Галичины, Закарпатья, Буковины, Киева, Донбасса, Одессы, Николаева и др.). При этом в 2010 г. только 12 % жителей юга Украины идентифицировали себя через национальную принадлежность; около 14 % жителей юга Украины идентифицировали себя как советские люди [7].

В опросах населения Украины ключевыми для характеристики идентичностей регионов, элит и масс стали вопросы об отношении украинцев к России, вступлению Украины в НАТО, ассоциации Украины с ЕС. Для опросов по Крыму социологи также зондировали вопрос об отношении к возможной автономии в составе России.

Ответы на эти вопросы показывали сложное переплетение взглядов и ожиданий элит и жителей разных регионов. На политическом уровне отношения Украина — Россия развивались особенно сложно, неравномерно, но все же в вопросе об отказе от сотрудничества с Россией в течение многих лет с 1991 г. элиты Украины не приходили к единству. Тем более, на выборах Президента в 1994 г. Л. М. Крав-

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

чук потерпел в Крыму сокрушительное поражение от «красного директора» Л. Д. Кучмы, обещавшего в случае победы добиваться провозглашения русского языка вторым государственным языком и обеспечения российского гражданства, сосуществующего с украинским. В первом туре Л. М. Кравчук получил в Крыму 7,5 %, в Севастополе — 5,6 % (по всей Украине в первом туре Л. М. Кравчук получил 38,3 %, а Кучма — 31,1 %) [11, 34].

При Л. Кучме осуществлялся многовекторный геополитический курс. Трудно шло подписание Договора 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, тем не менее, Россия тогда фактически признала Крым как часть Украины. Затем был опасный антироссийский «крен» В. А. Ющенко, произведшего в герои Украины Р. Шухевича и С. Бандеру [1]. Это начал исправлять В. Ф. Янукович (с 2010 г.). Но партии, активно ведущие антироссийскую риторику и при В. Ф. Януковиче, обретали парламентский статус и контролировали примерно половину комитетов в Верховной Раде, в том числе и те, которые серьезно влияли на формирование национальной идентичности [4. — С. 145–167]. Силы, выступающие за ассоциацию с ЕС, стали преобладать.

В толще повседневной жизни идентификационные процессы шли спокойнее, чем на партийном и парламентском уровнях. Но последовательная работа по отчуждению сознания украинцев от совместной с Россией истории велась антироссийскими партиями и НПО по многим направлениям. В том числе на уровне школьных программ и СМИ. Также униатская церковь, а также Украинская православная церковь Киевского патриархата занимали антироссийскую позицию и вели соответствующую работу среди своих прихожан. Особенно, начиная с Майдана 2004 г., усиливалась националистическая идентификация, противопоставляющая Украину России (галичанско-западенский проект). Это вело к росту влияния идей, господствующих на Галичине, а также институциональному подкреплению

антироссийских настроений, как показывает анализ позиций церквей, СМИ, школьных учебников истории, состава комитетов Верховной Рады [3. — С. 145–167].

Тем не менее, если смотреть на результаты социологических опросов в Украине, то до 2014 г. нельзя сказать о резком изменении отношения граждан Украины к России. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на Украине в целом и в Крыму, в частности, на вопросы об отношении к России, а также о вступлении Украины в НАТО, ассоциации Украины с ЕС. Хотя отчетливо проявлялся рост ориентаций жителей Украины на ассоциацию с ЕС (до половины и более населения Украины).

Сложнее дело обстояло с вопросом об отношении к НАТО. Исследование в Крыму центра SOCIUM (сентябрь 2008 г.) показало, что 89 % крымских респондентов отрицательно отнеслись к вступлению Украины в НАТО; 7,5 % — положительно. Опрос проводился 11–23 сентября 2008 г. (N=1478; 67 % респондентов ответили, что хотели бы стать гражданами России, 29 % — Украины, 1,5 % — Турции. На вопрос о необходимости предоставления двойного гражданства (второго — российского) жителям Украины 78 % ответили положительно, 19 % — отрицательно) [8]. В 2011 г. ориентация на вступление в НАТО по всей Украине находила только около 25 % сторонников, «против» выступало 60 %. На востоке и юге Украины против вступления в НАТО выступало 75 % опрошенных и только 12 % «за» [4]. Еще более явно и массивно антинаатовская ориентация проявлялась в Крыму, что подтверждают операция «АнтиНАТО» в Феодосии в июне 2006 г., пикеты против входа на рейд Севастополя кораблей НАТО, всекрымский народный референдум 16 декабря 2006 г. Голосование на этом референдуме проходило официально в палатках, на остановках, на рынках. Приняло участие более 897 тыс. (58,21 % от числа избирателей), 98 % из принявших участие высказались против вступления Украины в НАТО [6]. О формировании про-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

российской идентичности можно судить и по динамике общественного мнения, проявленной в войне рейтингов [12].

Политический кризис в Украине конца 2013–2014 гг. в значительной степени был порожден мощной мобилизацией антироссийского потенциала идентичности Галичины, которая с 2004 г. стала все более серьезно влиять на идеи политической оппозиции в Киеве. Жители Крыма, юга и востока страны, наоборот, видели серьезную опасность в приходе на их землю идейных последователей Р. Шухевича, С. Бандеры и боевиков под знаменами «Правого сектора». Такая опасность была подтверждена Корсунским погромом в ночь с 20 на 21 февраля 2014 г. Его устроили вооруженные активисты «Правого сектора» против крымчан, поддержавших В. Ф. Януковича и возвращавшихся на автобусах из Киева (с Антимайдана). Автобусы были сожжены, а несколько сотен людей подвергнуты издевательствам и унижению, избиениям, в том числе с нанесением тяжелого вреда здоровью. Никаких уголовных дел по этим фактам в Украине заведено не было.

Ранее крымчане осудили волну преступлений против законных властей в западных регионах, насилие против «Беркута» (в Крым привозили убитых и раненных земляков-милиционеров), солдат внутренних войск в Киеве и по всей Украине. Но именно «Корсунь» стал непосредственным детонатором «крымской весны». По этим событиям немецкие документалисты (Группа информации по преступлениям против личности — IGCP) сняли фильм «Корсунский погром».

С другой стороны, в своем отчаянном протесте крымчане надеялись, что в случае насилия против них на помощь им придут российские части с военной базы в Севастополе. Позже после победного референдума и в результате воссоединения с Россией пророссийская идентичность в Крыму еще более усилилась.

Население Крыма, обретшее в своем большинстве российское гражданство,

переживало настроения, которые можно обозначить не только как национальный, но и как гражданский патриотизм. Младороссийская идентичность в Крыму проявляется как подъем настроений, направленных на изменение положения нации (этноса). Крымчане более трех веков имели российскую идентичность в составе империи, СССР, но после 1991 г. жили в новом государстве Украина. Атрибуция «младороссийская» связана с возвращением, воссоединением с «большой» Родиной, исторической справедливостью, новым прочтением истории и судьбы, сопротивлением антироссийской и пронаатовской власти Украины.

В этом плане интересны и события, характеризующие широкий контекст. В частности, Brexit и реакция на него жителей регионов Британии (Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса), а также Испании, Бельгии, Франции и других сложносоставных в этническом плане государств ЕС, показывают, что и широкий европейский контекст (идентичности правильной Европы) может существенно измениться. Другими словами, правильная европейская идентичность размывается; растут настроения сепаратизма и центробежные тенденции в ЕС, что косвенно будет благоприятствовать фактической ситуации с Крымом. А приезд в Крым парламентариев Франции, Кипра, Германии, региональных представительных органов Италии не только отражает недовольство населения ЕС антироссийскими санкциями и контрсанкциями России, но и поддерживает российский выбор крымчан и поддержку их Россией.

Важен и второй аспект атрибуции «младороссийская» идентичность, а именно апгрейд смыслов российской идентичности — способствовать собиранию земель, защищать русский мир. А именно, по крайней мере, в 2014–2016 гг. гражданская российская идентификация крымчан опережала ту, что проявлялась в материковой России относительно участия в общественной жизни, борьбы за справедливость. Дух референдума 2014 г.

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

может проявляться в акциях протеста против незаконной приватизации земель и недвижимости, других злоупотреблений властей, плохого состояния дорог, учреждений образования и здравоохранения, нерешенности проблем водоснабжения и т. д. Крымское общество не успокоилось, и оно способно на локальном уровне проводить акции протеста против инертности властей, ошибок и злоупотреблений чиновников.

И российская власть на всех уровнях должна относиться более внимательно к потребностям новых сограждан. Ибо от

этого зависит судьба трансформации младо-российской идентичности как важного (наиболее лояльного и проявленного) сегмента общероссийской национальной идентичности. Трагедии Корсуня, подъем крымской общественности, приведший к референдуму марта 2014 г., а также жертвы Одессы, Мариуполя, Донецка, Луганска находят отклик в идентификации людей, активизируют повседневную борьбу за справедливость. Как долго будет поддерживаться состояние младо-российской идентичности, зависит не только от крымского сообщества, но и от всей России.

Литература

1. *Бабенко В. Н.* Украина — Россия 1991–2010. Через противостояние к сотрудничеству? М.: ИНИОН, 2010.
2. Ведомость о результатах Всеукраинского референдума, 1 декабря 1991) URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата обращения 5.04.2017).
3. За вступление Украины в Евросоюз выступает 41 % граждан, за Таможенный союз — 35 %. URL: http://zn.ua/POLITICS/-35-130295_.html (дата обращения 13.12.2015).
4. *Капицын В. М.* Политизация этнических идентичностей в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. — М.: МГУ, 2015.
5. Корреспондент. net. Сайт украинского еженедельного общественно-политического журнала. 24 мая 2011. — URL: <http://correspondent.net/Ukraine/evets/1220620> (дата обращения 19.09.2015).
6. *Марчуков А.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. — М.: Центрполиграф, 2015.
7. *Нойман И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004.
8. Операция АНТИНАТО. Феодосийская модель. — М.: Европа, 2006.
9. Опрос: 76 % украинцев считает себя патриотами. URL <http://korrespondent.net/ukraine/events/1139167> (дата обращения 3.07.2016).
10. Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе. Интерфакс. Украина // Корреспондент. net 30 сентября 2008. — URL: <http://correspondent.net/Ukraine/politics/600886> (дата обращения 18.09.2015).
11. *Токарев А. А.* Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 3.
12. *Филиппов А. В.* Крым выбрал Россию и не пожалел об этом. Общественное мнение в Крыму изменчиво, но сейчас выбор крымчан в пользу России // Lenta.ru. 13.02.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/13/crimea> (дата обращения 13.02.2015).
13. *Anikó Imre.* Identity Games. Globalization and Transformation of Media Cultures in the new Europe. L: MIT-Press, 2009.
14. *Csepeli György.* Competing Patterns of National Identity in Postcommunist Hungary // Media, Culture and Society. — 1991. — № 13.
15. *Kuzio T.* Nationalism, Identity and Civil Society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution' // Communist and Post-Communist Studies. — 2010. — Vol. 43. — № 3.

Региональная избирательная кампания партии «Единая Россия» в Кировской области в 2016 г.

Аннотация

В материале рассматривается избирательная кампания партии «Единая Россия» в Кировской области России в 2016 г. Данная региональная кампания и стратегия, принятые избирательным штабом, были признаны экспертным советом Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО), в рамках присуждения премии «Гамбургский счет», как лучшая кампания «партии власти» на выборах в законодательные собрания регионов в 2016 г.

Ключевые слова: выборы, политические технологии, партия «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, партия «Справедливая Россия».

Автор

Серавин Александр Игоревич

Президент ассоциации
Электронной Электоральной политики России,
директор исследовательских программ
экспертной группы «PiteR»
(Санкт-Петербург, Россия)

Кировская область традиционно не считается успешным регионом для партии «Единая Россия». Регион часто показывал низкие результаты за «Единую Россию». Например, в 2011 г. на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ — 34,9 % (средний уровень поддержки по России — 49,32 %), в 2006 г. на выборах в Законодательное собрание Кировской области партия получила 28,54 %.

Такой уровень поддержки «партии власти» объясняется тем, что в регионе находились сильные и харизматичные кандидаты от других трех парламентских партий (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»).

Состоявшиеся выборы в области в 2016 г. отличались от предыдущих в следующем:

1. Многоуровневый характер выборов. Избиратели получали от 4 до 7 бюллетеней. В области распределялось 850 мандатов различного уровня (от областного до поселкового).

Например, жители Фаленского городского поселения получили в день выборов 7 бюллетеней (2 — для выборов депутатов Государственной Думы, 2 — для выборов депутатов Областного законодательного собрания, 1 — для выборов депутатов Думы муниципального района, 1 — для выборов депутатов Городской Думы и 1 — для выбора главы поселения).

2. Высокий уровень конкуренции среди кандидатов на выборах в Государственную Думу по одномандатным округам. В среднем, на каждый распределяемый мандат было выдвинуто 8 кандидатов.

22 мая
2016 года

ТвойВыборКиров.рф

3. Сложная социально-экономическая ситуация. В области на момент выборов наблюдалось снижение доходов населения. Среднедушевые номинальные денежные доходы населения Кировской области в январе-августе 2016 г. сложились в размере 20 807,6 рублей и уменьшились по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. на 1,1 %. Численность безработных на 1 сентября 2016 г. составляла 11,4 тыс. человек и увеличилась за текущий год на 700 человек.

4. Изменение системы выборов депутатов Государственной Думы. Предыдущие выборы депутатов Государственной Думы в 2011 г. проходили только по пропорциональной системе. В 2016 г. выборы прошли по смешенной системе, в Кировской области было образовано два одномандатных округа. По округам выдвинулось, в том числе, 4 депутата Государственной Думы VI созыва, которые в 2011 г. были избраны по партийным спискам (Валенчук О. Д. («Единая Россия»), Мамаев С. П. (КПРФ), Черкасов К. И. (ЛДПР) и Доронин С. А. («Справедливая Россия»)).

5. Введение процедуры предварительного голосования (праймериз).

Партия «Единая Россия» в 2016 г. впервые провела праймериз для определения своих кандидатов на выборные должности. В партийном праймериз смогли принять участие все избиратели. В результате в предварительном голосовании приняли участие более 100 тыс. избирателей области. В 2011 г. «Единая Россия» проводила предварительное голосование, но в них могли участвовать только выборщики, определенные партией и Общероссийским народным фронтом.

Анализ избирательной кампании партии «Единая Россия» в 2011 г.

На выборах депутатов Законодательного собрания области в 2011 г. партия «Единая Россия» проиграла в девяти одномандатных округах. Основные причины проигрыша — недоработка регионального штаба, внутри-элитные конфликты и слабая проработка стратегии избирательной кампании.

Средний результат поддержки кандидатов в депутаты Законодательного собрания в 2011 г. от партии «Единая Россия»

по одномандатным округам составил 40 % (7 739 избирателей), а средний результат за список партии по округам — 37 % (7 263).

Разница в уровне поддержки за список партии на худшем и лучшем округе оставил более чем в 3 раза (в 20-м округе 4 554 избирателя, а в 4-м округе 15 869 избирателей поддержали список партии). Такое расхождение поддержки можно объяснить недостаточно крепкой связкой между кампаниями кандидатов-одномандатников и кампанией за список партии. Можно сделать вывод, что общепартийная кампания велась недостаточно эффективно.

Необходимо отметить, что разница в поддержке даже в 2 раза является критичной. По кандидатам от партии разница в поддержке еще больше. На 20-м округе — 3 702 избирателя, на 4-м округе — 11 512. То есть почти в 4 раза разный уровень поддержки кандидатов по одномандатным округам от партии «Единая Россия». Такое расхождение говорит о том, что региональная кампания партии велась не эффективно, отсутствовала система выработки и защиты стратегий по одномандатным округам.

Основные риски избирательной кампании партии «Единая Россия» в 2016 г.

Для определения стратегии кампании партии были проанализированы основные риски, с которыми может столкнуться избирательный штаб партии в активный период агитационной кампании и непосредственно в день выборов.

Среди основных рисков были определены следующие:

1. В день голосования избиратели получают большое количество бюллетеней.

Для решения этой проблемы было принято решение произвести «сшивку» избирательных кампаний с помощью партийного брендинга кандидатов. Тем самым облегчая выбор избирателей в день голосования, выбирая кандидатов

во множестве полученных бюллетеней.

1. Высокий рейтинг поддержки регионального лидера партии «Справедливой России» Доронина С. А. (более 20 %).

В целях снижения данного риска был произведен анализ деятельности регионального отделения партии «Справедливая Россия», выявлены сильные и слабые стороны для использования в избирательной кампании.

2. Высокий рейтинг регионального отделения КПРФ, непредсказуемость лидера коммунистов в области Мамаева С. П.

Были определены слабые стороны коммунистов как на региональном, так и на муниципальном уровнях. Определены темы для контрkamпании.

3. Законодательные новеллы, которые обязывают предоставлять сведения о доходах и расходах депутатов представительных органов местного самоуправления.

Такие законодательные требования снижают уровень участия в выборах кандидатов, которые имеют значительный финансовый ресурс, уменьшают возможность пополнения избирательных фондов партии и кандидатов от партии.

Для решения финансовой проблемы кандидатов было принято решение «сшивки» избирательных кампаний ресурсных и менее ресурсных партийных кандидатов.

Слабые кандидаты от партии в муниципальные органы власти «пришивались» к более сильным кандидатам, избираемым в областное законодательное собрание и Государственную Думу России.

4. Оппоненты от других партий сосредоточили свою контрkamпанию на критике в адрес главы города Кирова, секретаря регионального отделения партии «Единая Россия» Быкова В. В., возглавляющего список партии.

Для снижения критики было принято решение поддерживать позитивный патристический образ регионального лидера, усилить работу партии в региональных

Региональная избирательная кампания партии
«Единая Россия» в Кировской области в 2016 г.

СМИ. Увеличить количество публикаций и сюжетов в СМИ с федеральной партийной повесткой. Перевод фокуса с регионального лидера партии на федерального.

5. Высокий уровень конкуренции кандидатов в одномандатном округе № 106 по выборам депутатов Государственной Думы. Высокий риск проигрыша кандидата от «Единой России» в этом округе.

Для более эффективной работы избирательного штаба кандидата от партии была усилена координация с региональным избирательным штабом по работе в округе.

6. Арест губернатора Кировской области Белых Н. Ю.

Белых Н. Ю. участвовал в выборах губернатора области в 2014 г. как самовыдвиженец. Несмотря на это уточнение в общественном мнении была сформирована связка — губернатор является представителем «партии власти», для населения — это «Единая Россия». Хотя Белых был членом, лидером либеральной партии «Союз правых сил» до 2008 г. и не являлся членом «Единой России».

Негатив по отношению к власти, который сформировался после ареста губернатора, был перенесен на «Единую Россию», что сказалось в снижении рейтинга партии в области.

Для повышения рейтинга партии и снижения негативных последствий после ареста Белых была скорректирована стратегия избирательной кампании с целью увода критики от системы и структуры власти в целом и перенос ее на конкретную персону.

7. Большое количество несогласованных кампаний разного уровня.

Одним из важных направлений работы была «сшивка» избирательных кампаний всех уровней. Проводились еженедельные штабы — региональные и районные, а также в марте и апреле 2016 г. прошли защиты всех стратегий по выборам в законодательное собрание области и Государственную Думу, а также в крупные муниципалитеты.

В защите стратегии участвовали кандидаты со своими начальниками предвыборных штабов, которые рассказывали о своей предстоящей кампании по 27 критериям.

Концепция предвыборной кампании партии «Единая Россия» в Кировской области

Концентрированный месседж компании: «ЕДИНАЯ РОССИЯ: СТАБИЛЬНОСТЬ. ПОРЯДОК. РАЗВИТИЕ!». Проводилась позитивная фоновая кампания.

Цель: получить результаты лучше, чем на предшествующих выборах.

Основная задача кампании: набрать 45 % за список партии «Единая Россия».

Задачи:

- удержать и привлечь своих сторонников на избирательные участки;
- победить на всех одномандатных округах;

— результаты других партий удержать в следующих рамках: КПРФ — 15 %, «Справедливая Россия» — 10 %, ЛДПР — 10 %.

Целевая группа: электоральное ядро «Единой России».

Ключевой запрос целевой группы: стабильность, развитие, улучшение социального самочувствия, боязнь нестабильности и перемен.

Ответ партии в рамках избирательной кампании: позиционирование «Единой России» как единственной партии, обеспечивающей стабильность, противопоставление «Единая Россия — стабильность» — «Оппозиция — нестабильность, хаос, революция», адресация к эмоциональной составляющей, повышение социального оптимизма, адресация к патриотизму.

Было три рекламных слогана избирательной кампании, выбранных по результатам социологии:

1. Основной: «ЕДИНАЯ РОССИЯ: СТАБИЛЬНОСТЬ. ПОРЯДОК. РАЗВИТИЕ!».

Два дополнительных:

1. Слоган федеральной кампании: «УСПЕХ КАЖДОГО — УСПЕХ РОССИИ!».

2. Слоган — лидер по результатам социологии, но не имеющий региональной привязки: «СИЛЬНАЯ РОССИЯ — ЕДИНАЯ РОССИЯ!».

Региональная избирательная кампания партии
«Единая Россия» в Кировской области в 2016 г.

В результате социологического исследования методом фокус-групп жители региона показали выраженный региональный патриотизм, поэтому все разнообразие агитматериалов было сделано в дымокском стиле.

Для достижения цели и задач кампании было необходимо удержать электорат, голосовавший на выборах в Государственную Думу в 2011 г., Законодательное собрание в 2011 г. и представительный орган административного центра региона в 2010 г. за партию и за кандидатов от партии.

Электоральные расчеты показывали, что фактически, для достижения цели кампании было необходимо привести на выборы свое электоральное ядро, это порядка 212 тыс. избирателей региона. Также тех, кто допускает возможность голосовать за партию «Единая Россия» (их количество в 1,5 раза больше установки кампании), и тех, кто положительно оценивает работу Президента России В. В. Путина, который воспринимается многими жителями региона и страны лидером партии «Единая Россия».

В рамках избирательной кампании было необходимо провести качественную фоновую кампанию, чтобы максимально уменьшить количество неопределившихся ко дню выборов.

Исходя из электорального анализа, было выявлено, что избирательному штабу необходимо сосредоточиться на двух направлениях:

- фоновая агитация партии с использованием регионального патриотизма;
- контрагитация в отношении оппонентов.

Фоновую агитацию партии можно увидеть на примере видеороликов, которые размещались на региональных телевизионных каналах¹ и имели свою проекцию в баннерах, плакатах и статьях в газетах.

В рекламных материалах партии использовались конкретные результаты реализации федеральных партийных проектов на территории области.

Чтобы удержать оппонентов, необходимо было проводить методичную и еженедельную работу, поскольку отток избирателей от них и отсутствие притока новых напрямую связаны с рейтингом партии «Единая Россия».

Основной целью ставилась мобилизация своего электората и демобилизация

¹ Видеоролики фоновой агитационной кампании можно посмотреть по данным ссылкам: <https://www.youtube.com/watch?v=3NhGrmcJib0>, <https://www.youtube.com/watch?v=43IWitWA8Fg>, <https://www.youtube.com/watch?v=MGaUJeYM6lw>.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

протестного и оппозиционного. В числе основных задач — выход не менее чем пятью способами на установку кампании через проекты и направления:

- 1) предварительное голосование,
- 2) работа агитационных сетей,
- 3) деятельность пикетных программ,
- 4) встречи с избирателями кандидатов-списочников,
- 5) проработка установки в разрезе округов кандидатами-одномандатниками.

Кандидаты в Государственную Думу от КПРФ и «Справедливой России» были более активны в начале кампании. Ближе к концу кампании стало ясно, что отток электората идет к ЛДПР. Из-за сокращения финансирования организационно избирательный штаб не смог адекватно отреагировать на активизацию ЛДПР.

Расчетная установка была 45 % за партию, и до 24 июня 2016 г. в партии считали, что вполне этот показатель достижим, социология была благоприятная.

Однако после ареста губернатора Белых Никиты Юрьевича¹ в Москве отношение к партии среди жителей региона резко ухудшилось. В «Единой России» рассчитывали, что, так как он не являлся членом партии, это не скажется на ее рейтинге. Произошло обратное — в регионе резко упало доверие к власти, что сразу же отразилось на рейтинге партии.

¹ 24 июня 2016 года губернатор Кировской области Белых Н. Ю. был задержан в московском ресторане «Lotte Plaza». По данным следствия, он получил от бизнесмена пакет, в котором находились 100 тысяч евро. Как считают следователи, Белых лично и через посредника получил взятку на общую сумму 400 тысяч евро за действия в пользу АО «Нововятский лыжный комбинат» и ООО «Лесохозяйственная управляющая компания». Решением суда губернатор был арестован, ему было предъявлено обвинение по статье «Получение взятки в особо крупном размере» (ч. 6 ст. 290 УК РФ).

Несколько недель работа избирательного штаба была парализована. При появлении исполняющего обязанности губернатора ситуация не улучшилась, поскольку начались массовые увольнения в руководстве области. В СМИ появились анонсы об увольнении блока внутренней политики до выборов, поэтому связь с главами муниципальных районов потерялась.

Кампанию спасло только то, что избирательный штаб восстановил свою работу несмотря на неясную ситуацию с финансированием и с взаимодействием с областной администрацией. Также большую роль сыграло то, что кандидаты-одномандатники в Государственную Думу и Законодательное собрание региона продолжили свою кампанию с целью победить.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ ПРОЕКТ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

149 ПАМЯТНИКОВ И ОБЕЛИСКОВ
воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, отремонтировано

ЕДИНАЯ РОССИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ ПРОЕКТ
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

68 ЗДАНИЙ ШКОЛ
капитально отремонтированы и реконструированы

ЕДИНАЯ РОССИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ ПРОЕКТ
ДЕТСКИЕ САДЫ - ДЕТЯМ

24 НОВЫХ ДЕТСКИХ САДА
построено в Кировской области с 2011 по 2015 гг.

ЕДИНАЯ РОССИЯ

Региональная избирательная кампания партии
«Единая Россия» в Кировской области в 2016 г.

**Результаты партии «Единая Россия»
на выборах в 2011 и 2016 гг.**

Электоральные показатели	2011 год	2016 год
Явка избирателей на выборах депутатов Законодательного собрания области	47,58 %	47 %
Явка избирателей на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ	54,1 %	
Результат партии «Единая Россия» на выборах депутатов Законодательного собрания области	36,7 %	36 %
Результаты партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ (список)	34,9 %	38 %
Число депутатов от «Единой России» (из 54) в Законодательном собрании области	27	37
Число депутатов от «Единой России» в Государственной Думе ФС РФ	1	2
Число одномандатных округов (из 27), в которых выиграли кандидаты от партии «Единая Россия» на выборах депутатов Законодательного собрания области	18	26
Число одномандатных округов (из 2), в которых выиграли кандидаты от партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ	Выборы проходили только по партийным спискам	2

Результаты партии «Единая Россия» по списку на выборах в Законодательное собрание области в 2016 г. остались на уровне результатов 2011 г. При этом, из 27 одномандатных округов кандидаты от партии выиграли в 26, в 2011 г. партия выиграла в 18 округах. В целом, фракция партии в Законодательном собрании области увеличилась на 10 человек (почти на 30 %).

Что касается выборов депутатов Государственной Думы, то «Единая Россия» по

списку в регионе получила на 3 % больше голосов по сравнению с 2011 г. Представительство депутатов от партии за счет выборов по одномандатным округам в Государственной Думе удвоилось.

В итоге можно констатировать, что результаты партии на выборах в Кировской области оказались лучше, чем ожидалось из-за резкого изменения политической обстановки в регионе.

Феномен Трампа и гибридизация мировой политики

Аннотация

Современная мировая политика подвергается мощным процессам гибридизации. Инструментами гибридизации мировой политики выступают новые факторы и явления, такие как гибридные войны, информационные войны, цветные революции, управляемый хаос. Во внутривнутриполитической борьбе в отдельных странах мира появляются неклассические персонажи, вторгающиеся в сферу привычных взаимоотношений и кардинально ее преобразовывающие под себя, ниспровергая устои и нарушая традиции. Такие личности не только гибридизируют внутреннюю политику своих стран, они порождают свой собственный феномен, запускающий механизмы гибридизации политики в мировом масштабе, — феномен Трампа, Чавеса, Лулы да Силва, Путина. Все эти факторы в совокупности позволяют утверждать то, что современная мировая политика носит гибридный характер.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, выборы, Трамп, безопасность, Россия, США.

Автор

Манойло Андрей Викторович

Доктор политических наук,
профессор кафедры российской политики
факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Феномен Трампа

Одним из признаков гибридизации мировой политики является возникновение политического феномена кандидата в президенты, а затем президента США от Республиканской партии, миллиардера Трампа.

Дональд Трамп — совершенно нетипичный представитель американской политической элиты, он кардинально отличается от других президентов США — как демократов, так и республиканцев. Он не принадлежит ни к одной из влиятельных

семей (Кеннеди, Бушей, Клинтонов и др.), считающих политику своей вотчиной, и не подчиняется принятым в их среде законам и неписаным правилам. Трамп является для американских элит выскочкой, способной ниспровергнуть существующий порядок в интересах той самой части общества, которая продолжает верить в истинные ценности демократии. Трамп обещает вывести страну из кризиса, восстановить авторитет и доверие к Соединенным Штатам на мировой арене, и его обещаниям верят. Этим объясняется его феноменальный успех. Между тем, быв-

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

шие кандидаты в президенты от республиканцев, проигравшие на праймериз Трампу, именно в Трампе видят главную угрозу существованию США и готовы объединиться со своими врагами — республиканцами — ради того, чтобы устранить Трампа с политической арены. Благодаря этим тенденциям Д. Трамп рискует повторить судьбу Д. Кеннеди.

26 мая 2016 г. в США свершилось невозможное: впервые за все время президентской гонки политический лидер из лагеря республиканцев, миллиардер и бунтарь Дональд Трамп получил право стать главным и единственным кандидатом в президенты США от Республиканской партии. За него проголосовало 1 238 выборщиков — делегатов съезда Республиканской партии, который состоится в Кливленде в июле. Для Трампа преодоление этого рубежа — это приобретение своеобразного «контрольного пакета акций» Республиканской партии, 50 % + 1 голос, открывший ему путь к президентству. С этого момента Трамп вышел на прямой путь к заветной цели: на пути у Трампа остались только демократы, которых он уверенно затем смял.

8 декабря 2016 г. Трамп набрал 306 голосов выборщиков против 232 за Хиллари Клинтон.

Хиллари Клинтон, несмотря на все свои президентские амбиции, в реальности не имела против Трампа ни шанса. Хотя бы потому, что в своей предвыборной кампании она копировала жесты, манеры, стиль поведения и даже риторику Трампа, следуя в фарватере нового американского «Че Гевары».

На политическом олимпе США Трамп — настолько примечательная фигура, что ее рассматривают уже не с точки зрения лидерских качеств, а как явление, породившее особый, чрезвычайно сложный для понимания феномен Трампа. Трамп не вписывается ни в одни рамки, ни в одни привычные представления американцев. Он полон противоречий, но эти противоречия органично уживаются в его образе и становятся частью его харизмы. В попыт-

ках подобрать ему аналог Трампа сравнивают то с Кеннеди, то с Годзиллой. При этом вспоминают, что Кеннеди примерно также как и Трамп стремительно начинал свое восхождение на вершины власти, а закончил в Далласе не самым удачным образом. Что, мол, ждет и Трампа, если он не перестанет хулиганить и ниспровергать устои, на которых покоится американское общество. В России Трампа часто сравнивают с Жириновским — они действительно необычайно похожи. При этом, кого из них считать чистым образом, а кого — карикатурой, каждый решает для себя сам.

У феномена Трампа есть довольно простое объяснение. Трамп — настоящий. Он не играет роль политического лидера, способного объединить нацию, он реально живет тем, что делает, и всегда остается самим собой. Трамп — природный харизматичный лидер, типичный народный вожак, способный увлечь и повести за собой толпу. И люди за ним идут. Противники Трампа — как демократы, так и республиканцы — осыпают его насмешками за «отсутствие интеллекта», привычку говорить с американцами простым, простонародным языком, понятным грузчикам, ковбоям и лесорубам и режущим слух выпускникам Гарварда, Стэнфорда, Йеля. Однако именно простым словам Трампа удается глубоко запасть в сердца и души американских граждан, которые затем готовы отдать за него голоса. Услышав Трампа, люди идут именно за ним и порою даже не в состоянии ответить, что именно их к нему влечет. Трамп излучает определенный магнетизм, притягивающий всех, попадающих в зону его персональной гравитации, гипноза.

В фигуре и образе Трампа есть много противоречивого. Он — бунтарь, народный вожак, «срыватель покровов», политический хулиган. Он не просто завоевывает публику, он ее эпатирует, шокирует и доводит своими речами, лозунгами и призывами до состояния полуистерии, до предынфарктного состояния. Он всегда предельно конкретен, он — человек дела, ставший

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

миллиардером благодаря недюжинной воле, упорству и личностным качествам: когда Трамп утверждает, что справится с проблемами Америки и возродит ее величие, народ ему верит практически безоговорочно. Трамп раздает направо и налево обещания, многие из которых — взаимоисключающие, но простые граждане все ему прощают. Это отношение к Трампу просто бесит политические элиты США.

И самое главное: Трамп в большой политике не идет проторенными путями, он разрывает шаблоны и навязывает своим соперникам свой стиль и свои приемы политической борьбы. Даже главный противник Трампа — сенатор Хиллари Клинтон, во время президентской кампании 2016 г. была вынуждена копировать его методы работы с электоратом и даже политическую риторику: именно Трамп впервые взорвал мозг американцев своим заявлением о том, что с Россией надо не воевать, а дружить, потому что это великая страна, а Клинтон затем все это слово в слово повторила. За эти «новации» Трампа почти на зоологическом уровне ненавидят не только его противники демократы, но и его заклятые друзья по Республиканской партии: Трамп — человек не их круга, для представителей «старых семейств», прибывших в США еще на «Мэй Флауэр», он выскочка, которого обязательно надо проучить — в назидание потомкам и возможным последователям. В их общем понимании избрание Трампа президентом США несет для страны даже большую угрозу, чем «неоимперские» амбиции восходящей России. Трамп уничтожит Америку, его надо остановить любой ценой. Ради этой цели республиканцы готовы объединиться с демократами даже в ущерб интересам своей партии. Воистину, ненависть объединяет, а абсолютная ненависть к Трампу объединяет абсолютно.

При всей своей эксцентричности, Трамп — очень сильный соперник. В то время как его соперники — как демократы, так и республиканцы — рассматривали свою роль в политике как особую,

«одобренную свыше» миссию, несущую свет, ценности и свободы, Трамп относился к политике как к проектной деятельности: для него выборы президента — это бизнес-проект, ничем не отличающийся от проектов, которыми Трамп руководит в бизнесе. Трамп может себе позволить идти наперекор устоявшейся политической традиции и правилам игры потому, что он независим: он имеет собственный капитал, из которого финансировал свою кампанию. Он не зависел от спонсоров, дающих деньги кандидатам под вполне определенные цели. В ценностном плане Трамп — сторонник сильного государства, возрождения мощи и авторитета США, сильно упавшего в период президентства Обамы; он сторонник решительной борьбы с финансовыми «пузырями». Но, если США в плане восстановления государственности покажутся Трампу безнадежными, он поступит с ними так же, как поступают в бизнесе с безнадежно убыточными проектами: разделит и распродаст по частям.

В отличие от избирательной кампании Трампа, стратегия президентской кампании Хиллари во всем повторяла кампанию Обамы. Образ Клинтон — это слепок, реплика с образа Обамы, а сама кампания демократов была попыткой продвинуть в Белый дом точно такого же экзотического президента, каким был Обама на протяжении всех лет своего правления. Демократы не предлагают США ничего нового, в то время как Трамп не имеет аналогов в истории США, и не только их одних. Именно поэтому сенатор Хиллари Клинтон против Трампа не имела ни шанса.

Есть еще один эффект, связанный с феноменом Трампа: с фигурой Трампа связывают надежды на то, что с его приходом в Белый дом все изменится и мир никогда уже не будет прежним. На эмоциональном уровне это выражается в особом рода предчувствии, которое витает в умах, по меньшей мере, половины населения земного шара. Особенно много надежд на Трампа возлагают в России,

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

считая его тем человеком, который, наконец, разорвет порочный круг санкций и «прорубит окно в Россию», основательно заколоченное перед этим Обамой. И в российско-американских отношениях наступит долгожданная оттепель.

Жизнь, однако, не всегда дает поводы для одного только оптимизма. С приходом в Белый дом Трампа внешняя политика США по отношению к России вряд ли изменится: заявления Трампа о необходимости срочно налаживать отношения с российским руководством, срочно «звонить Путину», скорее отражают желание миллиардера сойтись в драке с противником на более близкую дистанцию. Трамп упрям и настойчив, он не отступит и не признает российского превосходства, пока ему не расквасят нос. Именно поэтому России ждать исторических поворотов от Трампа пока не приходится. Он не отменит санкции, хотя сам бы их на месте Обамы никогда бы не стал вводить: в сложившихся условиях он постарается поиграть этим инструментом, хотя бы для того, чтобы окончательно убедиться в его бесполезности. Но, даже сохраняя прежний формат отношений с Россией, Трамп столкнется с колоссальным сопротивлением элит и расколом американского общества: одной из реакций на приход Трампа в Белый дом может стать распад США на несколько фрагментов — по сценарию, приведшему в свое время Соединенные Штаты к гражданской войне Севера и Юга. Американское общество ждет раскол. Трамп как политический лидер обладает способностью этот раскол предотвратить и собрать распадающееся государство в единое целое, в монолит — для этого у него есть воля, решимость и необычайное упорство. В частности, Трамп жестко подавит любые попытки техасских сепаратистов к отделению и, вероятно, решит техасскую проблему надолго. Но станет ли Трамп это делать — сам по себе очень большой вопрос.

В случае прихода Трампа к власти Америку ждет непростой период. Трамп

либо восстановит мощь и авторитет США в меняющемся мире, либо будет способствовать их окончательному краху. Он демонтирует Pax Americana и сконцентрируется на внутренней борьбе с элитами, которые обязательно поднимут против него мятеж. При Трампе США погрузятся в решение внутренних проблем, устранение расколов, и им будет не до России, Украины, Сирии. Мир, наконец-то, может быть, вздохнет спокойно.

Цветные революции как «отмычка для демократии»

Одним из важнейших факторов гибридизации мировой политики сегодня становятся цветные революции. В современной мировой и российской политике цветные революции — одна из самых актуальных тем, держащих общество в состоянии постоянного напряжения: именно они указаны в новой Стратегии национальной безопасности¹ одной из наиболее опасных угроз безопасности РФ. Именно цветная революция, получившая странное название «евромайдана», превратила в 2014 г. в руины Украину — некогда процветающую страну, в которой ВВП прирастал на 4 % в год; именно с цветной революции начались вооруженные конфликты в Ливии и Сирии. В Бразилии цветная революция происходит прямо сейчас: эту технологию используют для того, чтобы отстранить президента Дилму Роусефф, не идущую на поводу у США. И сейчас российские и зарубежные центры либеральной демократии время от времени примеряют сценарий цветной революции к России, надеясь свергнуть в это безумие страну, мужественно отстаивающую свой суверенитет и национальные интересы в условиях беспрецедентного

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Интернет-портал «Российской газеты» — URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

внешнего давления со стороны западных «партнеров». Однако это у них вряд ли получится: мы сумеем себя защитить.

Цветные революции — это технологии организации государственных переворотов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной схеме. При этом единственной целью любой цветной революции является организация государственного переворота, выдаваемого за стихийные протестные явления и массовые акции гражданского неповиновения. Необходимым условием успешности цветной революции является обязательное наличие в стране политической нестабильности, способной перерасти в полноценный политический кризис.

Несмотря на существенные различия государств, в которых происходят цветные революции, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении) все цветные революции укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. При этом у них есть свои особые отличительные черты: в цветных революциях воздействие на власть всегда осуществляется в особой форме — политического шантажа; основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения — в отличие от революций настоящих, вызванных объективным разви-

тием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Тем не менее нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе цветной революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и — реже — физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии и едва не произошло в Сирии.

В цветных революциях используется особая символика, цель которой — запустить механизм распознавания «свой — чужой», благодаря которому участники протестных акций опознают друг друга в политической толпе и, одновременно, идентифицируют противников, не имеющих соответствующих опознавательных символов (маркеров). На протяжении длительного времени типичным символом цветных революционеров были цветы: розы в Грузии, тюльпаны в Киргизии, васильки

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

в Беларуси, жасмин в Тунисе и т. д. Природа происхождения этих «цветочных» символов и атрибутов предельно проста — она лежит в архетипах исторической памяти американцев, помнящих движение хиппи — «детей цветов», выражавших особым образом свой протест по отношению к государству и проводимой им политике. Это сразу выдает в сценариях цветных революций характерный почерк североамериканских англосаксов. Кроме того, в выборе цветочной символики кроется стремление сценаристов цветных революций с помощью цветков в руках протестующих женщин, подростков подчеркнуть «ненасильственный» характер цветной революции, тем самым замаскировав совершающийся государственный переворот.

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы». Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это несилловые технологии смены политических режимов), вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. Между тем, цветные революции — это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции. Это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназна-

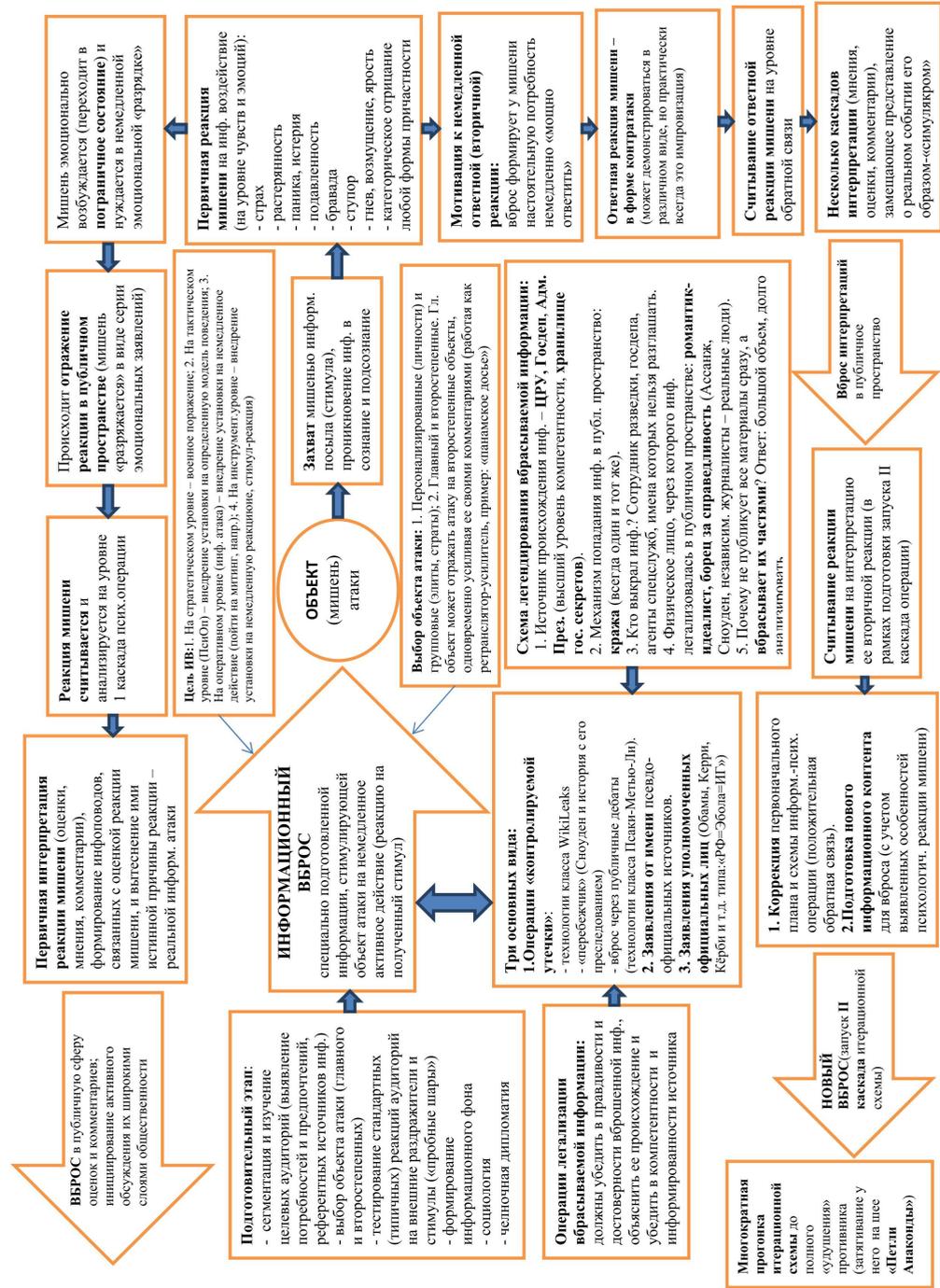
ченных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, и являются технологии цветных революций.

Гибридное измерение информационных войн

Информационные войны в современном мире стали одним из основных и уже привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущей заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны: их главная задача — разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, иницировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны — сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основных элементов современных гибридных войн, таких как война в Сирии или конфликт в Украине.

Технологии информационных войн активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплен в боевом

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

уставе Армии США «Психологические операции»), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в РФ «Исламское государство», Аль-Кайда. ИГ по всему миру ищет, вербует или просто нанимает на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада.

В информационных войнах, ведущихся США по всему миру, американские специалисты используют шаблонную, стандартную схему многокаскадной операции с положительной обратной связью, мишенями которой становятся первые лица неугодных Вашингтону государств и политических режимов. Схема этой операции представлена на рисунке 1. «Панамский вброс» является типичным примером такой операции и полностью укладывается в приведенную в статье схему.

Стандартная американская операция информационной войны, схема которой приведена на рисунке 1, использует сочетание итерационной схемы последовательных вбросов компрометирующей информации со специальным механизмом коррекции, позволяющим тонко настраивать схему информационного воздействия под индивидуальные особенности ответной психологической реакции объекта (мишени) атаки. Реализуется такой механизм на практике посредством положительной обратной связи, предполагающей обязательное «считывание» и анализ ответной реакции объекта атаки после каждого информационного вброса (которых в операции информационной войны может быть несколько) и внесение соответствующих корректирующих изменений в исходную схему информационной атаки. Особенности американского стиля ведения информационных войн заключаются в том, что американцы просто не могут нормально работать без обратной связи с мишенью атаки: считывая ее ре-

акции, организаторы операции понимают, что они все делают правильно (если мишень демонстрирует именно те формы поведения, которые являются ожидаемыми и вписываются в сценарий атаки) и что «все идет по плану». Если обратная связь, по каким-либо причинам, разрывается, американских политтехнологов охватывает состояние истерии и паники.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства — президент и премьер: с них, как правило, информационная война и начинается. Причина этого предельно проста: первые лица всегда находятся под прицелом, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику, даже самому высокопоставленному и известному, никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных инфоповодов, которым затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ. Информационная война всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную резкую, эмоционально окрашенную реакцию.

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации (СМИ). Они играют роль, с одной стороны, канала доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

слоев общественности, политически активной молодежи), с другой — выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, как инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан, как инструмент прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые «независимые» СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле цветных революций. СМИ также имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, тем самым способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистических, экстремистских настроений даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно прозападные, демократические СМИ формируют романтический образ цветных революций в тех странах, где осуществляются «цветные» государственные перевороты, они же затем легитимируют хунты, пришедшие к власти. Западные СМИ активно участвуют в формировании образов стран-изгоев (в эту категорию попадают все страны, проводящие независимую от США внешнюю политику), провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

В качестве субъектов информационных атак часто привлекаются «независимые журналисты», выполняющие политический заказ. Эта «темная сторона» деятельности современных СМИ связана с тем, что современные СМИ фактически не могут быть независимыми: журналисты зависят от мнения главного редактора и редакционной политики, которая для них является своего рода корпоративной цензурой; редакторы изданий зависят от

владельцев СМИ и от спонсоров, которые напрямую диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать те или иные события; боязнь потерять источники финансирования делает современные СМИ даже в демократических странах чрезвычайно зависимыми и несвободными. Единственная свобода, которая еще пока остается у журналистов, — уволиться, если его собственные взгляды не совпадают с мнением редакции. Но очень немногие пользуются этим правом, предпочитая путь конформизма.

Особое внимание заслуживают технологии, применяемые в современных информационных войнах и распространяемые по каналам СМИ. Наряду с более сложными технологическими схемами в информационных войнах используется целый ряд простых приемов. Наиболее распространен среди них метод «наклеивания ярлыков». Работает он так: в отношении одного из первых лиц государства вбрасывается информация компрометирующего характера, в которой он без каких-либо веских оснований объявляется коррупционером. Первоначальная реакция на такие обвинения, как правило, носит эмоциональный характер: попытка наклеить ярлык коррупционера воспринимается как чушь, дикость, абсурд. Однако ассоциативная связь между личностью политика и образом коррупционера при этом в сознании граждан все же выстраивается, а яркая эмоциональная реакция эту связь закрепляет. В результате, спустя некоторое время, образы лидера и коррупционера в сознании человека совмещаются и ярлык коррупционера прочно «приклеится» к личности конкретного политика. «Отодрать» или «отмыть» его затем будет очень непросто. Именно этот прием «наклеивания ярлыков» был использован Западом в информационной войне против лидера российского государства, сначала на базе извлеченного из нафталина «Дела Литвиненко», а затем и благодаря известному фильму про коррупцию в России, показанному по британ-

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

скому телеканалу ВВС — 2. Появился даже особый термин — «демонизация Путина», связанный с непрерывным наклеиванием новых ярлыков поверх прежних на один и тот же объект информационных атак.

Не менее распространенным в современных информационных войнах является метод так называемых «пробных шаров», которыми прощупываются эмоциональные реакции первых лиц на различные внешние раздражители. Действует он так: в отношении одного из первых лиц государства выдвигаются обвинения заведомо оскорбительного характера: к примеру, лидера и его страну ни с того ни с сего объявляют угрозой всему демократическому миру и ставят в один ряд с вирусом Эбола и с ИГ. Эти обвинения сконструированы так, чтобы они вызвали настойчивое желание «мощно ответить»; они служат своего рода приманкой, провоцирующей политика на ответные заявления столь же эмоционального характера. Если провокация удалась и лидер эмоционально ответил на «обвинения Запада», объектом информационной атаки становится уже конкретная эмоциональная реакция конкретного лидера, а первоначальные обвинения сразу же «забываются». Метод «пробных шаров» работает очень точно и без перебоев, но в его функционировании есть одна особенность: он всегда должен получать «обратную связь» от объекта информационной атаки (то есть от самого лидера), которая дает возможность организаторам информационной атаки контролировать процесс. Если по каким-то причинам обратная связь теряется — так, как это было перед Олимпиадой в Сочи, когда Президент РФ на неделю исчез из публичного пространства и западные политтехнологи, перестав получать от него «обратную связь» на свои информационные выпады, потеряли связь с реальностью и запаниковали.

Довольно часто информационные атаки, в которых в качестве объекта критики фигурирует первое лицо, направлены не на него самого, а на элиты, которые его

оказывают. Эти элиты в условиях санкций и нарастания международной напряженности могут испытывать различного рода колебания, которые очень тонко улавливаются организаторами информационных войн и затем умело раскачиваются по принципу маятника. Эта технология была применена в Югославии для свержения Милошевича: его, фактически, сдала собственная элита после того, как ей намекнули на то, что те, кто будет и дальше поддерживать Милошевича, через некоторое время разделят его участь. Недавний фарс с оглашением приговора Караджичу также является информационным поводом, раскручивая который, Запад вполне прозрачно намекает на то, что любой лидер, выступающий против воли США, в конечном итоге может повторить участь Милошевича, Караджича, Каддафи.

Именно на российскую политическую элиту был направлен недавний вброс информации о панамских офшорах, получивший название «панамское досье». В центре скандала оказалась панамская юридическая фирма «Mossack Fonseca», занимающаяся разработкой и организационно-правовой поддержкой офшорных схем. Ключевым участником раскручивания скандала стали западные либеральные СМИ, поддержанные некоторыми либеральными СМИ внутри России (такими как РБК).

В руки так называемых журналистов «Международного консорциума» попала информация, украденная у панамской юридической компании. То есть «независимые» журналисты стали фактически перекупщиками краденого. В большинстве стран мира за это полагается уголовная статья и реальные сроки. Однако в данном случае новоявленных борцов против офшоров никто не тронул: напротив, на Западе из них сделали героев, попытавшихся поймать за руку на «грязных махинациях» людей, обладающих в современном мире реальной властью и влиянием. Правда, как показал киевский майдан, «хороший герой — мертвый герой», об этом журналисты-идеалисты, рискнувшие ради сла-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

вы (или на возмездной основе) вязаться в сомнительную игру с явно крапленными картами, вероятно, забыли. Саму кражу, как обычно, «повесили» на неустановленного «осведомителя» немецкой БНД, который по заданию все той же разведки искал в панамских офшорах следы деятельности немецких граждан, уклоняющихся от налогов, а наткнулся на след, ведущий к президентам Украины, Аргентины и едва ли не в сам Белый дом. Именно эту информацию на неграждан Германии БНД добросовестно «слил» СМИ, компенсируя, тем самым, расходы, выплаченные осведомителю. Что ж, в условиях острого миграционного кризиса в Европе и разведчикам жить на что-то надо.

Любопытно, что если бы подобного рода материалы передал журналистам Сноуден или любой другой его идейный последователь, возмущенные граждане США порвали бы его «на британский флаг», заклеили предателем национальных интересов и вечным позором. Здесь же наблюдается полная тишина: никто не возмущается, мягко говоря, сомнительным происхождением «панамского досье», потому что это может посеять сомнения по поводу их подлинности. Это наводит на мысль, что в случае с «панамским досье» мы имеем дело с хорошо сделанным фальсификатом, в который, ради создания иллюзии достоверности, вложены подлинные документы, раскрывающие реально существующие офшорные схемы президентов Украины, Аргентины, ряда заметных (но не крупных) европейских политиков и бизнесменов. И все это вбрасывается по схеме, блестяще отработанной на практике на примере проекта WikiLeaks.

Кстати, именно WikiLeaks всего через три дня после начала «панамгейта» заявил, что «скандал с панамским офшором заказан Вашингтоном и направлен против Путина». Это такая типичная для информационных операций «повторная подсветка» исходного события с «правильной» (корректирующей) его интерпретацией: тем, кто не понял, добрые дяди из

Лэнгли доходчиво объяснили, что связь «панамского досье» с первыми лицами российского государства существует, эта связь прямая и явная.

В стратегическом плане цель развязанной против России информационной войны довольно проста: любыми способами расшатать и расколоть российскую политическую элиту. Скандал с офшорами — тот самый инструмент, который реально способен ее расколоть: одна часть ее будет в значительной степени деморализована и запугана, другая — наоборот, перевозбуждена и настроена на «решительный отпор». В ситуации экономического кризиса и сильного внешнеполитического давления такой психологический диссонанс между сторонниками прекращения конфликта с Западом и теми, кто готов немедленно нанести по «врагу» превентивный удар, может привести к расколу со всеми вытекающими последствиями. Уже сейчас в действиях элиты просматриваются попытки организовать «кавалерийскую контратаку» на западные центры информационной войны — попытки, плохо скоординированные и, следовательно, имеющие большой шанс угодить в умело расставленную ловушку или повестись на провокацию. Постоянное напряжение в этом вопросе поддерживает сам фактор неизвестности: никто не знает, какие именно материалы будут во второй части «панамского досье», и каждый примеряет это досье на себя. А, как известно, ожидание смерти — хуже самой смерти. Тем более что «честные журналисты» из ICIJ уже поспешили заявить, что раскроют материалы и по другим офшорным зонам, но ради интриги не уточнили, каким именно.

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед. И затем нанести удар, который не ожидают. Как в Сирии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов иннове-

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

щания, таких как RT и радио «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий: RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно Дж. Керри, выступая в Конгрессе, около

года назад заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование общественного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде».

Литература

1. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Издательство «Русайнс», 2015. — С. 84–114.
2. Карпович О.Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. — 111 с. ISBN: 978-5-238-02631-2.
3. Манойло А. В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире. / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru, 2015. — № 2. — С. 1–14.
4. Манойло А. В. «Убить котенка», или Как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. — 2015. — № 2. — С. 104–107. — DOI: 10.7256/2409–8965.2015.2.15851.
5. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. — 306 с.

Альтернативные правые в электоральном пространстве: американская и российская проекции

Аннотация

Статья посвящена исследованию движения альтернативных правых, сыгравших заметную роль в период президентских выборов в США в 2016 г. В статье анализируются генезис нового политического движения, его структурные и идеологические особенности, электоральная стратегия и технологии; определяются характер и степень его влияния на президентские выборы в США в 2016 г.; оцениваются перспективы его дальнейшего развития; проводится анализ его влияния на повестку, решения и стратегию президентства Д. Трампа. Рассматриваются вопросы наличия аналога альт-правых в отечественном электоральном и идейно-политическом пространстве, потенциала использования опробованных ими идейных платформ и политических технологий на предстоящих выборах в России. В статье также поставлен вопрос, возможно ли идеологическое сближение США и России на альтернативно-правой идейно-политической платформе.

Ключевые слова: альтернативные правые, президентские выборы, идеология, политические технологии.

Авторы

Чихарев Иван Александрович

Кандидат политических наук,
декан факультета социальных технологий и управления
заведующий кафедрой политических технологий
и международных коммуникаций
Московского политехнического университета,
доцент факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Чихарев Иван Иванович

Эксперт общественной организации
«Сетевой экспертный институт»
(Москва, Россия)

Альтернативные правые в электоральном пространстве:
американская и российская проекции

Статья представляет собой опыт сравнительного анализа сегодняшнего позиционирования и перспектив развития нового политического движения — так называемых альтернативных правых (англ. *Alternative right, alt-right*) — в электоральном пространстве США и России. Это движение приобрело популярность в связи с успехом Дональда Трампа на выборах президента США, к чему оказались причастны некоторые представители альт-правых — прежде всего, руководитель избирательной кампании, а ныне — ключевой советник (*Chief Strategist* — главный стратег) 45-го президента Соединенных Штатов Стивен Бэннон. Или, как автор самого термина *alternative right* Ричард Спенсер, яростно стремятся выразить сопричастность победе Трампа. Термин *alt-right* вошел в список наиболее популярных неологизмов 2016 г. наряду с такими ключевыми словами современной западной политики как *post-truth* (*пост-правда*) и *Brexit* (*сторонник выхода Великобритании из Европейского союза*) [1]. Движение вызвало большой интерес у российских политических сил — как в различных частях правого спектра, так и в либеральной среде. Несмотря на это, феномен альтернативных правых остается пока неизученным как в отечественной, так и в зарубежной политической науке.

В статье ставятся следующие задачи: идентификация нового политического движения, его генезиса, структурных и идеологических особенностей, электоральной стратегии и технологий; определение характера и степени его влияния на президентские выборы в США в 2016 г.; прогнозирование его дальнейшего развития; анализ перспектив влияния на повестку, решения и стратегию президентства Д. Трампа.

В российской проекции рассматриваются вопросы наличия аналога альт-правых в отечественном электоральном и шире — идейно-политическом пространстве, потенциала использования идейных платформ и политических технологий американских «альтернативщиков» на предстоящих выборах президента Рос-

сийской Федерации. Наконец, в статье будет поставлен выходящий за пределы темы, но весьма интригующий исследовательский вопрос: возможно ли идеологическое сближение США и России на альтернативно-правой идейно-политической платформе или на базе ее производных, и какие контуры миропорядка можно различить за таким сближением.

Вопросы об идентификации и происхождении альтернативных правых можно рассматривать в нескольких временных и мировоззренческих горизонтах: в оптике анализа современных электоральных процессов, под призмой изучения геополитических процессов постбиполярного периода, в ретроспективе идеологических дискуссий последних более чем двух столетий, в масштабе эпохи Модерна и ее пределов, и наконец — в эсхатологическом смысле нового «Начала истории» после провозглашенного либерального «Конца истории» (интересно, что автор концепции конца истории Френсис Фукуяма — пока один из немногих академических ученых, обративших внимание на феномен альт-правых [2]). Несмотря на то, что три последних подхода вполне органичны для альтернативных правых, сосредоточимся на первом «фокусе», так как он позволяет адресно рассмотреть поставленные в статье вопросы.

С этой точки зрения об «альт-правых» можно говорить как о группе людей, а впоследствии и движении, которые появились в ответ на кризис консервативной политической платформы, вызванный электоральным (в 2006 г. на выборах в Конгресс демократы получили большинство в обеих палатах парламента) и историческим поражением неоконсервативного крыла Республиканской партии и шире — американского политического истеблишмента периода президентства Дж. Буша-младшего. Вопросы об аналогиях влияния «неоконов» и потенциально-го воздействия «альтконов» на политику США оставим нижеследующим разделам статьи. А пока констатируем, что ключе-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

вые события в оформлении нового политического движения произошли в период 2007–2010 гг. — как раз на фоне глобальной дефамации неоконеров. В 2007 г. Эндрю Брейтбартом был запущен видеоблог Breitbart.tv, который впоследствии, уже в качестве полноформатного новостного сайта, был объявлен основным транслятором идей альт-правых. Его исполнительным директором после смерти основателя стал упомянутый выше Стивен Бэннон. Сам термин «альт-правый» ввел в оборот Ричард Спенсер, напрямую связав его появление с поиском альтернативы неоконсерваторам в американском правовом спектре. В 2010 г. Ричард Спенсер создает сайт AlternativeRight.com, что собственно и знаменует собой введение термина «альтернативный правый» в публичный оборот.

Легко вслед за оппонентами альт-правых провозгласить их первичные идеи радикальными, расистскими, антисемитскими или основанными на белом этнонационализме (последний термин, широко используемый в критике альт-правых, говорит сам за себя — он явно указывает на конфлицию обвинений в расизме и национализме в едином броском ярлыке). Однако несколько деталей в первых набросках портрета альт-правых не допускают такой однозначности в оценке: так, Э. Брайтбарт при создании своего проекта руководствовался скорее израильскими настроениями. Еще интереснее история Р. Спенсера: его жена, русская по происхождению, Нина Куприянова, выступала переводчиком на английский язык книг А. Дугина, которого сложно обвинить в англосаксонском белом этнонационализме. Тем не менее нужно признать, что ранние взгляды альтернативных правых несут на себе печать экстремизма: так, упомянутый выше сайт AlternativeRight.com в 2012 г. опубликовал статью с оправданием геноцида чернокожего населения, которая была достаточно быстро удалена с сайта, но вызвала понятный резонанс. На наш взгляд, экстремизм альт-правых носит скорее эпатажно-популистский характер и направлен на раскру-

тку интернет-ресурсов, структурно составляющих ядро движения. С вхождением альт-правых в мейнстрим его платформа неизбежно рафинируется, а ключевые представители, становясь официальными лицами, отрешаются от экстремистской повестки. Правый радикализм становится уделом периферийных сегментов движения — будь то участники неонацистских перформансов или виртуальные активисты ресурсов типа 4chan.org/pol/.

Идентификации альт-правой идеологии препятствуют несколько обстоятельств. Во-первых, как и со всеми концептами с приставками «пост», «нео» или «анти», к ним, прежде всего, напрашивается негативное, то есть логически неполное определение. Во-вторых, многие взгляды альт-правых считаются политически некорректными — это не позволяет многим представителям движения активно манифестировать свои убеждения. В-третьих — объективную оценку последних затрудняет огромное количество ярлыков, наклеиваемых на альт-консерваторов либеральными медиа и общественными организациями. В-четвертых, любой постмодернистский идеологический конструкт сложен и противоречив. И тем более эклектичным и обтекаемым он становится, входя в электоральное поле и ставя перед собой задачу *catch-all* — угодить всем; и наконец — буквально растворяется в стерилизованном официальном дискурсе, вынужденно сглаживающем идеологические остроты. В-пятых, в лице движения альт-правых мы имеем дело с достаточно полиструктурным явлением, включающим в себя часть истеблишмента, достаточно широкий спектр новых медиа и их лидеров, круг последовательных «фолловеров» данных новых медиа и их авторов, неопределенный круг реальных или фейковых аккаунтов — симпатизантов или просто инфантильных репостеров правого контента.

Движение, как явление правой части политического спектра, прежде всего, представляет собой альтернативу ультралиберальным идеям и явлениям: полити-

Альтернативные правые в электоральном пространстве: американская и российская проекции

ке мультикультурализма, радикальному феминизму, пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений. Во-вторых, оно выступает противовесом различным формам традиционализма: исламскому фундаментализму, расовому реваншизму, экстремальным формам выражения идентичности. Именно противовесом: для альтернативных правых принципиально право носителей традиционной европейской культуры на выражение своей идентичности, которые чуть ли не единственными оставались лишними на «параде идентичностей» эпохи глобализации. Идентичность, или идентитаризм, становятся ключевыми словами в определении альт-правых как сторонников единства, целостности и сохранения ценностей европейской расы и культуры наряду со всеми остальными, заявившими о праве на собственную идентичность.

Рассматриваемое движение альтернативно не только по отношению к либеральным идеям, но и к другим формам консерватизма. По некоторым вопросам соглашаясь с палеоконсерватизмом и идеологией европейских новых правых, а иногда опасно сближаясь с ультраконсервативными идеями, оно является остро критичным по отношению к американскому консервативному истеблишменту, по ряду вопросов неразличимо слившемуся с либерализмом и ставящему вопросы экономической выгоды выше культурных ценностей.

Во внешнеполитическом плане альт-правые являются по преимуществу изоляционистами, противниками вмешательства в иностранные дела и в этом отношении — критиками неоконсерваторов. Для них характерны антиглобалистские и протекционистские взгляды, хотя экономическая платформа движения остается недостаточно проработанной в силу его концентрации на политической борьбе.

Вопрос о содержании идеологии новых правых тесно связан с пониманием структуры данного движения. Его ядро составляют уже упомянутые медиаресурсы Breitbart и AltRight, а также сайт InfoWars.

com и журнал Radix. При явном акценте на новые медиа у движения есть традиционная опора — издательство «Арктос», которое публикует работы новых правых, теоретиков консервативной революции и идентитаризма. Существует и собственная «фабрика мысли» — Национальный институт политики, созданный и возглавляемый Р. Спенсером. Данное смысловое и организационное ядро окружают различные информационные среды, формирующиеся на сетевых платформах. Достаточно активными альт-правые были в Твиттере, однако в последнее время аккаунты ряда лидеров были запрещены администрацией ресурса. Отдельного внимания заслуживает «имиджборд» (анонимный веб-форум для обмена изображениями с короткими текстами) 4chan.org. Политический раздел данного форума (/pol/) стал без преувеличения фабрикой мемов (запоминающихся рисунков, фотографий или видео с социальным или политическим смыслом), основная масса которых может рассматриваться как выражающая симпатии политическим позициям альт-правых. Учитывая, что 4chan.com является крупнейшим имиджбордом в мире, сложно переоценить его влияние на современные политические коммуникации, в которых все более возрастает роль визуальной составляющей. Таким образом, альт-правое движение имеет весьма гетерогенную структуру, на сегодняшний момент фактически не имеет опоры в официальной партийно-политической системе современных США, но по своему охвату и умению работать с современными медиа и Интернетом имеет глобальный потенциал. По сути, движение претендует на роль поколения в политической жизни современного мира, подобного поколению 1968 г.

Тема влияния альтернативных правых на выборы президента США актуализировалась в августе 2016 г., после того как С. Бэннон был назначен руководителем избирательной кампании Дональда Трампа, в связи с чем Хиллари Клинтон в своих публичных выступлениях сделала ряд негативных комментариев, об-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

винив Трампа в симпатиях к крайне правым. Надо отметить, что Бэннон к тому времени имел не только медийный, но и весьма интересный общественно-политический опыт. В 2012 г. вместе с Питером Швейцером он соучредил некоммерческую организацию «Институт подотчетности правительства», который в 2015 г. опубликовал два расследования, ставших бестселлерами: «Наличные Клинтонов» и «Баксы Буша», в которых утверждалось, что Хиллари и Билл Клинтон, а также брат 43-го президента США Джеб Буш обогатились за счет коррупционных и иных незаконных схем. Таким образом, еще до старта кампании была подготовлена почва для делигитимации президентских амбиций Х. Клинтон, с одной стороны, и проведено дистанцирование от непопулярного политического курса неоконсерваторов при Дж. Буше-младшем — с другой. Значимо влияние альт-правых и в решающей фазе кампании. Так, эксперты Коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» выделяют следующие факторы, позволившие Трампу компенсировать отставание от Клинтон в финансировании кампании и ее освещении в медиа:

« — провоцирование конфликтов с мейнстримными медиа, уровень доверия к которым в ходе кампании постоянно снижался. Часто рекламу против Трампа и за Трампа было сложно отличить — она транслировала один месседж;

— опора на свою небольшую медиацимперия — сайт Breitbart, возглавляемый руководителем кампании Трампа на последнем этапе Стивом Бэнноном;

— работа с локальными медиа, где перевес демократов был не так велик;

— работа с социальными сетями и праворадикальными форумами» [3. — С. 15].

Практически все эти факторы так или иначе связаны с вовлечением альт-правых. Три последних очевидно указывают на значительную роль мобильных медиа «альтернативщиков» и их сетевых последователей. Но гораздо интереснее пер-

вый: не в последнюю очередь альт-правым удалось дискредитировать признанные американские СМИ и поставить вопрос о системном недоверии к ним. В работе с новыми медиа и сетевыми средами альт-правым и Трампу удалось главное: придать кампании и голосованию символическое значение гражданского протеста против политического и медийного истеблишмента. Что касается праворадикальных форумов, то имеется в виду, прежде всего, упомянутый выше политически некорректный имиджборд 4chan.org, который удерживает несомненное первенство в генерировании мемов, близких альт-правым установкам и симпатизирующим Трампу. Однако важно заметить, что форум не финансировался кандидатом в президенты, не создавался и не модерировался лидерами альт-правых. Однако последним удалось вовремя «возглавить» это гетерогенное множество интернет-активистов.

Таким образом, альт-правые оказали влияние на стратегию президентской кампании: у них получилось придать ей характер консервативной революции, нелиберального романтического протеста против истеблишмента. Тактически они приняли важное участие в подготовке кампании, партийно-идеологическом позиционировании Трампа, обеспечении ему агрессивной и вирусной поддержки на завершающем этапе кампании. Технологически ими была сделана ставка на мобильные новые медиа, опубличивание и утечку нежелательных для конкурентов сведений, массированный вброс пропагандистского визуального контента.

Несмотря на эти успехи движения, оно находится лишь в начальной фазе своего развития. Первым и очевидным вызовом для него станет, как и для любого революционного движения, позиционирование себя у власти. Исторически наиболее вероятным поворотом событий будет формализация движения, превращение его в одно из признанных течений в Республиканской партии и, со значительной долей вероятности, частичная адаптация его идеологии

Альтернативные правые в электоральном пространстве: американская и российская проекции

к традиционной повестке американских консерваторов. На сегодняшний момент этого пока не происходит, потому что Трамп остается фактически непризнанным значительной частью элиты, а идеологи альт-правых — во многом персонами нон-грата (о чем, в частности, свидетельствует срыв выступления в Университете Беркли одного из идеологов, близких альт-правым — Майло Яннопулуса, сопровождавшийся массовыми беспорядками, или нападение на Р. Спенсера во время акций протеста против инаугурации Трампа). Безусловно, стоит ожидать более четкого и неконфликтного идеологического позиционирования нового движения, проработки его экономических и внешнеполитических приоритетов. В тактической перспективе можно ожидать сохранения приверженности основным тезисам кампании и установкам альт-правых, что подтверждают первые решения 45-го президента США в сфере миграции и международной торговли, однако стратегически более вероятно смягчение позиции, превращение ее в более оппортунистическую. Учитывая огромную инерцию американской политики, особую роль в ней как формальных институтов, так и неформальных, но складывавшихся в течение очень длительного времени связей, можно ожидать, что в определенной степени Трамп будет вынужден вернуться если не к стратегиям интервенционизма или превентивного удара, то к политике активного глобального присутствия США. Альт-правым придется искать обоснование этой политике или вновь уходить в андерграунд.

Формирование стратегии нового президента США и идеологии альт-правых, несмотря на их выраженную идейно-политическую независимость, отчасти зависит от хода переговоров и дискуссий с российской стороной — на самых различных уровнях. Альт-правые активно коммуницируют с российскими «коллегами» — прежде всего, с группой, сформировавшейся вокруг А. Г. Дугина, которая на сегодняшний момент базируется на теле- и интернет-канале «Царьград ТВ» (tsargrad.tv).

Российские политические силы также с нескрываемым любопытством следят за эволюциями и успехами альт-правых. Прежде всего, взаимный интерес и очевидную симпатию к альт-правым проявляет «Аналитическая группа Царьград ТВ», публикующая материалы и интервью активистов движения. Значительное внимание к «альтернативщикам» привлекает националистический ресурс «Спутник и Погром», опубликовавший большой переводной материал об альт-правых [4] и провозгласивший Breitbart.com своим американским аналогом. Гораздо более настороженно относятся к альт-правым центристы — так, директор Института внешней политики В. Крашенинникова воспроизводит ярлыки, навешиваемые на альт-правых либеральными медиа и называет их недоговороспособными [5]. Примечателен интерес к феномену со стороны отечественных либеральных новых медиа — в частности, «Проекта Медуза» (meduza.io), представившего достаточно нейтральную оценку альт-правых [6].

Говорить о наличии прямых аналогов у альт-правых в отечественном политическом спектре не приходится из-за глубоких отличий идеологической, культурной, медийной, институциональной сред США и России, однако некоторые сравнения могут представлять интерес. Что касается аналогий альтернативных правых с новым правым евразийством Дугина, то при всех сходствах и даже наличии живого диалога между двумя течениями есть главное отличие — евразийство в версии Дугина и сторонников наступательно, даже если речь идет всего лишь об интеграционном проекте. Кроме того, оно многонационально и имеет неоднозначную расовую природу. Наконец, оно более традиционно как в плане культурно-религиозных установок, так и в плане используемых каналов политической коммуникации. Этнический национализм «Спутника и Погрома» — другая крайность, невозможное в американских условиях сужение дискурса до идеи национального превосходства, скажем,

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

«ирландцев». Кроме того, «СиП» достаточно либерален в плане экономической программы и едва ли отдает приоритет культурным ценностям над экономической выгодой. Зато в плане работы с Интернетом данное сообщество оказывается к «альтернативщикам» ближе всего. Правоцентристский сегмент отечественного правого спектра считает важными для себя два аспекта феномена альт-правых — якобы выражаемую ими поддержку России и президенту Путину и победу над либералами. Иные стороны идеологии альт-правых российский правоцентрист обходит молчанием или открыто критикует — причины умолчания и официального отмежевания аналогичны американским, они описаны выше. Представители центральной части политического спектра, в основном, привержены идее многонациональности как основы российской государственности, часто склонны поддерживать интервенционизм, а в экономике придерживаются праволиберальных взглядов, поэтому от альт-правых их отделяет еще большая дистанция. Наконец, российская либеральная общественность имеет свои основания для сопричастности альт-правым: по сути антисистемный пафос, использование гражданских исследований и новых медиа в последних избирательных циклах — вполне знакомый ей инструментарий. Парадоксальным образом им не чужды некоторые традиционно правые идеи: например, введение визового режима со странами Средней Азии. Кроме того, в избирательном цикле 2011–2012 г. политическому режиму противостоял причудливый альянс либералов,

националистов и левых сил, что, несмотря на неудачный опыт, не исключает повторения самых экзотических синтезов с участием либералов в будущем.

Таким образом, использование отдельных идей альт-правых в идеологических «миксах», которые готовятся к президентским выборам в России в 2018 г., крайне вероятно. Очевидны перспективы использования в 2018 г. стратегий и технологий, успешно примененных альт-правыми в США.

Рассматривать идейную платформу альт-правых как базу для сближения России и США или, напротив, как причину возможного размежевания, на сегодняшний момент однозначно нельзя. Критически важным представляется допустимый для администрации Трампа уровень интервенционизма — как в военно-политическом, так и в информационном плане. Если он окажется низким, существует потенциал сближения двух держав по ключевым вопросам международной безопасности. Еще один фактор успеха — смещение фокуса внимания с внутренних политических процессов в России, который навязывают Трампу демократы и неоконцы, на позитивную повестку международного сотрудничества. При этих условиях возможен возврат к идее пространства безопасности «от Ванкувера до Владивостока», которая могла бы стать основой миропорядка, способного отвечать на современные вызовы и угрозы, регулировать транснациональную миграцию, обеспечивать суверенитет и экономическую самодостаточность современных наций.

Литература

1. <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.
2. Fukuyama F. US against the world? Trump's America and the new global order // Financial Times, December 12, 2016.
3. Аутопсия кампании Хиллари Клинтон: как победил Трамп. Минченко Консалт., 2016.
4. <https://sputnikpogrom.com/translated/56817/alt-right/#.WJD5GJLxdzs>.
5. <http://tsargrad.tv/article/2017/02/03/ne-patriot-a-prosto-politolog-krashennikova-opolchilas-na-trampa>.
6. <https://meduza.io/feature/2016/08/26/virusnye-radikaly>.

Особенности участия американских профсоюзов
в президентской избирательной кампании 2016 г.

Особенности участия американских профсоюзов в президентской избирательной кампании 2016 г.

Аннотация

В статье рассматривается опосредованное участие американских профсоюзов в кампании по выборам президента США 2016 г. На основе анализа первичных и вторичных данных устанавливаются электоральные предпочтения ассоциаций наемных работников, а также выявляются механизмы, посредством которых соответствующие организации оказывают поддержку кандидатам на пост главы государства. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что подавляющее большинство американских профсоюзов выступили сторонниками Х. Клинтон, вложив значительные финансовые ресурсы в предвыборную кампанию проигравшего кандидата. По мнению автора, победа Д. Трампа на выборах президента — доказательство ослабления профсоюзного движения США и необходимости изменения существующей модели политического участия организованных объединений наемных работников.

Ключевые слова: выборы президента США, профсоюзы, политическое участие, избирательная кампания, лоббизм.

Автор

Фельдман Павел Яковлевич

Кандидат политических наук,
доцент кафедры философии и политологии
Академии труда и социальных отношений
(Москва, Россия)

Состоявшиеся в ноябре 2016 г. выборы президента США ознаменовали завершение продолжительной электоральной кампании, в ходе которой оформились политические предпочтения широких слоев граждан, элит и наиболее влиятельных лоббистских групп. Беспрецедентно острая борьба за пост главы государства, нередко выходящая за рамки элементарных этических норм, спровоцировала крайнюю степень поляризации общества, расколов его на два идеологически непримиримых лагеря. Характер-

ная особенность политической системы США заключается в том, что именно в период президентской гонки достигаются стратегические соглашения о взаимной поддержке между кандидатами и группами влияния, стремящимися обеспечить удовлетворение своих интересов со стороны государства в течение ближайших четырех лет. Подобные соглашения предполагают рыночный обмен голосов и материальных ресурсов на потенциальные политико-управленческие решения, которые обязуется принять кандидат в случае

победы. Наряду с крупнейшими американскими компаниями и корпорациями, ощутимую моральную и материальную поддержку кандидатам оказывают некоммерческие организации, в том числе профессиональные союзы, представляющие социально-трудовые интересы 15 млн своих членов.

В настоящий момент на территории США функционируют более 450 общенациональных и региональных объединений наемных работников. При этом 55 наиболее крупных профсоюзов, в которых состоят 12,5 млн граждан, входят в ассоциацию AFL-CIO (The American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations), представляющую собой конгломерат Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов. Коллективные члены AFL-CIO занимают консолидированную позицию относительно своих электоральных предпочтений и действуют согласованно в рамках федеральных избирательных кампаний. Лидерами по широте профсоюзных рядов считаются Профсоюз работников образования США (National Education Association of the United States) — более 2,5 млн человек; Профсоюз работников сферы обслуживания (Service Employees International Union) — 1,5 млн человек; Профсоюз государственных, региональных и муниципальных служащих (American Federation of State, County, and Municipal Employees) — 1,4 млн человек; Профсоюз перевозчиков, дальнобойщиков и складских рабочих (Teamsters) — 1,4 млн человек; Профсоюз работников пищевого и торгового (United Food and Commercial Workers) — 1,3 млн человек [1].

Не являясь субъектами политической борьбы, профсоюзы стараются оказывать опосредованное влияние на центры принятия политико-управленческих решений при помощи широкого спектра инструментов электорального и функционального представительства интересов. Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов

декларируют стремление к тому, чтобы «голоса работников были услышаны в Белом доме, на Капитолийском холме, а также в кабинетах руководителей корпораций» [2]. Однако, по мнению экспертов крупного аналитического интернет-портала «Opensecrets.org», публикующего информацию о лоббистской и спонсорской деятельности широкого круга заинтересованных групп, начиная с 2012 г., профсоюзы США начали стремительно терять свое политическое влияние [3]. Отчасти это связано с резким сокращением численности профсоюзных рядов — если в 1983 г. в соответствующих организациях состояло более 20 % от общей численности американских работников, то к 2015 г. этот показатель сократился до 11,1 % [4]. Тем не менее профсоюзы США, согласно данным официальной отчетности, затрачивают существенные финансовые ресурсы на продвижение своих интересов в органах власти федерального, регионального и локального уровней. Только в 2015 г. 422 американских объединения наемных работников в совокупности потратили на услуги профессиональных лоббистов 46 млн долларов [5]. При этом наиболее существенные средства на лоббистскую деятельность направили профсоюзы бюджетников и государственных служащих (около 14 млн долларов), объединения работников транспортной отрасли (свыше 11 млн) и профсоюзы работников промышленной сферы (8,7 млн) [6].

Как известно, в США существует развитый институт сбора пожертвований и спонсорских средств на реализацию избирательных кампаний. В 2008 г. американские профсоюзы выделили участникам президентской гонки в общей сложности 76 млн долларов, а спустя 4 года на аналогичную электоральную кампанию ими было потрачено уже вдвое больше. Средства от профсоюзных объединений поступают кандидатам и партиям в форме прямых пожертвований и взносов в комитеты политических действий (PACs). Традиционно американские про-

Особенности участия американских профсоюзов в президентской избирательной кампании 2016 г.

фсоюзы оказывают поддержку Демократической партии и выдвигаемым ею кандидатам на пост главы государства. В 2012 г. демократы получили 91 % от всех средств, вложенных профсоюзами в президентскую кампанию. Баллотируясь на пост главы государства во второй раз, Б. Обама получил от профсоюзных организаций в виде пожертвований более 519 млн долларов. Кроме того, объединения наемных работников США направили значительные средства на политическую рекламу кандидата от демократов и принесли ему более 10 млн голосов своих членов. Лидер профцентра AFL-CIO Р. Трумка отмечает, что Б. Обама «хорошо знает нужды людей труда и всячески прислушивается к их требованиям, однако встречает сильное сопротивление республиканской оппозиции» [7]. Отвечая на лояльность объединений наемных работников конкретными политическими решениями, 44-й президент США за 8 лет пребывания у власти воплотил в жизнь ряд инициатив, соответствующих как публичным, так и узкокорпоративным интересам профсоюзов. В частности, администрация Б. Обамы в 2015 г. выделила 70 млн долларов в виде грантов на «содействие продвижению интересов работников в политическом процессе» [8], что вызвало большой общественный резонанс. Кроме того, по инициативе президента был принят весьма неоднозначный закон, обязывающий работодателей публично оглашать имена внештатных советников, консультирующих их по вопросам взаимодействия с профессиональными союзами. Согласно данному закону, консалтинговым компаниям также предписано раскрывать информацию о своих клиентах и о размере получаемого от них материального вознаграждения. При этом на профсоюзы аналогичных обязательств по обеспечению информационной открытости не возлагается. Подобные политико-управленческие решения принимались на фоне противодействия со стороны республиканцев, традицион-

но артикулирующих интересы среднего и крупного предпринимательства.

Тенденция к укреплению сотрудничества между американскими профсоюзами и Демократической партией нашла свое продолжение в ходе президентской электоральной кампании 2015–2016 гг. Как только посредством праймериз были определены два основных претендента на пост главы государства, крупнейший профцентр США (AFL-CIO) и его членские организации начали агрессивную информационную кампанию в поддержку Х. Клинтон. Уже на старте президентской гонки глава Американской федерации труда назвал кандидата от демократов чемпионом профсоюзного движения и пообещал, что профсоюзы станут опорой в ее борьбе за Белый дом. В программных документах AFL-CIO отмечается, что Х. Клинтон, занимая пост сенатора, добивалась равной оплаты труда для мужчин и женщин, противодействовала законодательному закреплению экспорта рабочей силы (аутсорсингу), способствовала расширению прав и свобод объединений наемных работников, а также боролась за сохранение рабочих мест, когда им угрожали возведенные Китаем торговые барьеры. Осуществляя информационное сопровождение президентской кампании, организация AFL-CIO активно применяла технологии политической рекламы — в частности, размещала в сети Интернет фотографии своих рядовых членов различной этнической и половой принадлежности, снабженные следующими слоганами: «У нее есть план развития нашей экономики», «Нам нужна женщина-президент, которая будет бороться за женские права», «Я за Хиллари, потому что она поддерживает простых людей труда, как я», «Хиллари борется за средний класс — я буду бороться за нее», «Она будет отстаивать интересы профсоюзов, потому что уже делала это прежде» [9].

Выборы президента США 2016 г. ознаменовались беспрецедентной конфронтацией между подавляющим большинством

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

отраслевых профсоюзов и кандидатом от партии республиканцев. За два месяца до выборов лидер AFL-CIO Р. Трумка в интервью газете «Financial Times» заявил: «Трамп — это Трамп. Он расист, фанатик, ксенофоб и женоненавистник. Он противник человека труда» [10]. Профсоюз работников образования США (The National Education Association — NEA) прибегнул к массовой рассылке электронных писем, повествующих о так называемом «Эффекте Трампа» — деморализующем воздействии строительного магната на неокрепшие умы школьников. Глава NEA Л. Эллисон публично заявила, что «миллионы детей, наблюдая за тем, как Трамп в своих выступлениях принижает людей по расовому признаку, неосознанно копируют модель его поведения, что ведет к притеснению афроамериканцев, мусульман и мигрантов в среде учащихся». Более того, по мнению профсоюзных экспертов, внушаемый Д. Трампом страх перед депортацией погружает юных представителей национальных меньшинств в состояние депрессии, не позволяющее успешно осваивать учебную программу [11].

Абстрагируясь от агрессивной предвыборной риторики Д. Трампа и традиционно негативного отношения большинства профсоюзных лидеров к Республиканской партии, следует признать, что у объединений наемных работников имелись и объективные претензии к его политической программе. Во-первых, одним из предвыборных обещаний республиканца было принятие на федеральном уровне закона «right-to-work», согласно которому всех граждан планируется наделить равными правами на труд, вне зависимости от их принадлежности к тем или иным объединениям (на данный момент в большинстве американских штатов члены профсоюзов имеют значительные преимущества при приеме на работу). Во-вторых, Д. Трамп в ходе праймериз неоднократно заявлял, что снижение минимального размера оплаты труда — это «не такая уж и плохая вещь для США» [12]. В-третьих, строительный магнат предложил на пост вице-прези-

дента кандидатуру губернатора штата Индиана М. Пенса, за которым на региональном уровне прочно закрепился образ борца с профсоюзным движением. Наконец, противники обвинили Д. Трампа в прямом нарушении трудового законодательства за отказ вести переговоры с членами профсоюзной организации его собственного отеля в г. Лас-Вегасе. Можно констатировать, что с подачи профсоюзных структур за кандидатом от республиканцев в средствах массовой информации прочно закрепился ярлык «противника человека труда».

Об электоральных предпочтениях объединений наемных работников красноречиво свидетельствует объем денежных средств, направляемых ими на предвыборную кампанию того или иного кандидата. Согласно официальным данным, американские профсоюзы в совокупности потратили более 110 млн долларов на президентскую гонку 2016 г., при этом, 85 % от этих средств были вложены ими в кампанию Х. Клинтон [13]. Наиболее масштабные пожертвования в пользу кандидата от демократов сделали национальный профцентр AFL-CIO, Американская федерация учителей, Международное объединение работников сферы услуг, Профсоюз перевозчиков, дальнобойщиков и складских рабочих, а также Профсоюз работников торговли и пищевой промышленности. В свою очередь, Д. Трампу удалось заручиться поддержкой лишь со стороны профсоюзных организаций пограничников и полицейских. Во многом данное обстоятельство объясняется заявленным в ходе его избирательной кампании стремлением воспрепятствовать нелегальной миграции и даже возвести защитную стену на границе с Мексикой.

Как показали итоги выборов, официальная поддержка кандидата со стороны большинства американских профсоюзов не является гарантом того, что за него проголосуют рядовые работники. Согласно исследованию, проведенному Wall Street Journal и NBC News в конце октября 2016 г., 59 % белых представи-

Особенности участия американских профсоюзов в президентской избирательной кампании 2016 г.

телей рабочего класса, составляющего ядро профсоюзного движения Америки, выразили готовность избрать на пост президента Д. Трампа. Фактические результаты голосования свидетельствуют о том, что политические предпочтения наемных работников коренным образом разошлись с официальной позицией профсоюзных лидеров [14]. Например, в штате Огайо 52 % членов профсоюзов проголосовали за Д. Трампа (четырьмя годами ранее подавляющее большинство представителей данной категории отдали свои голоса кандидату от демократов Б. Обаме). Согласно результатам экзит-пола, проведенного «Edison media research», в масштабах страны за Д. Трампа проголосовало на 8 % меньше членов профсоюзов, чем за Х. Клинтон, однако подобный результат стал для Демократической партии худшим за последние 20 лет [15]. Например, в 2012 г. Б. Обама получил от представителей соответствующей категории граждан на 18 % больше голосов, чем республиканец М. Ромни. Таким образом, несмотря на агрессивные выпады американских профсоюзов в адрес Д. Трампа и их колоссальные материальные вложения в кампанию Х. Клинтон, кандидату от республиканцев удалось собрать весьма существенное количество голосов людей труда. Специалисты американской организации «Center for Public Integrity», оценивая итоги прошедших выборов, справедливо констатировали: «Клинтон получила от профсоюзов деньги, но Трамп завоевал умы и сердца работников» [16].

Победа Д. Трампа на выборах президента США была воспринята профсоюзами весьма болезненно: сделав ставку на проигравшего кандидата, они оказались вынужденными выстраивать конструктивные отношения с тем, против кого так активно боролись в недавнем прошлом. Например, председатель Профсоюза работников сферы коммуникации (Communications Workers of America) М. Шелтон публично признал, что его организация «сделала лучшую по-

литическую работу в своей истории, собрав рекордное количество пожертвований на избирательную кампанию», однако «итог дня голосования оказался не тем, ради которого было потрачено столько усилий и средств» [17]. Действительно, десятки миллионов долларов, вложенных в кампанию Х. Клинтон, не принесли профсоюзам никакой практической выгоды. Урон, нанесенный имиджу и авторитету профсоюзного движения США, с высокой долей вероятности может способствовать массовому выходу граждан из их рядов. Кроме того, некоторые эксперты полагают, что в ближайшем будущем Д. Трамп заставит Верховный Суд пересмотреть резонансное дело «Фридрихс против Ассоциации учителей Калифорнии» [18]. Суть данного дела заключается в требовании работников освободить их от уплаты членских взносов в том случае, если они не разделяют позицию своих профсоюзных организаций. Потенциальная победа истцов станет ударом по финансовой стабильности профсоюзов и существенно сократит ресурсы их политического влияния.

С наибольшим оптимизмом победу Д. Трампа восприняли профсоюзы пограничников и полицейских, оказавшиеся в числе его немногочисленных сторонников. Однако уже в ближайшие дни после выборов непримиримые противники кандидата от Республиканской партии поспешили сделать шаг ему навстречу. Один из главных критиков Д. Трампа — глава AFL-CIO Р. Трумка, выразил готовность к сотрудничеству с новым президентом и пообещал содействовать в реализации его обещаний [19]. «Если Трамп хочет взаимодействовать с нами, разделяя наши ценности, то мы готовы работать вместе с ним», — заявил лидер крупнейшего профцентра США [20]. Американская федерация учителей направила избранному президенту открытое письмо, в котором призвала его «защищать интересы всех американцев» и «использовать свою внутреннюю политическую платформу» для борьбы с ненавистью в любых ее про-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

явлениях [21]. С высокой долей вероятности можно предположить, что завершение президентской электоральной кампании будет способствовать постепенной гармонизации всех политико-коммуникационных процессов в США. Первые заявления, сделанные Д. Трампом в качестве избранного президента, носят примиряющий характер: он обещает сплотить все

группы интересов ради возвращения «былого величия» Америки. Однако очевидно, что в условиях тотального доминирования республиканцев в Сенате, Конгрессе и Белом доме профсоюзам США уже в ближайшее время придется пересмотреть стратегию политического участия и, возможно, принципиальным образом изменить свои идеологические позиции.

Литература

1. Bureau of Labor Statistics — URL: <http://www.bls.gov/news.release/union2.№0.htm> (дата обращения 22.11.2016).
2. Официальный сайт AFL-CIO — URL: <http://www.aflcio.org> (дата обращения 22.11.2016).
3. Интернет-портал Opensecrets.org — URL: <http://www.aflcio.org> (дата обращения 22.11.2016).
4. Bureau of Labor Statistics — URL: <http://www.bls.gov/news.release/union2.№0.htm> (дата обращения 22.11.2016).
5. Интернет-портал Opensecrets.org — URL: <http://www.opensecrets.org/lobbying.php> (дата обращения 22.11.2016).
6. Интернет-портал Opensecrets.org — URL: <http://www.opensecrets.org/lobbying/trade-unions.php> (дата обращения 22.11.2016).
7. *Meister D.* Labor & Obama: sweethearts no more — URL: <http://www.dickmeister.com/id318.html> (дата обращения 22.11.2016).
8. *Howell K.* The Golden Hammer // The Washington Times, 10.12.2015 — URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/dec/10/golden-hammer-obama-administration-spends-millions> (дата обращения 22.11.2016).
9. Официальный сайт AFL-CIO — URL: <http://www.aflcio.org> (дата обращения 22.11.2016).
10. US trade union chief says Trump is deceiving working class voters // Financial Times, 11.09.2016 — URL: <https://www.ft.com/content/7405451c-76df-11e6-bf48-b372cdb1043a> (дата обращения 22.11.2016).
11. *Litvinov A.* «Trump Effect» elicits «disgraceful» behavior from some students, strikes fear in others, educators say — URL: <http://www.aflcio.org> (дата обращения 22.11.2016).
12. *Nichols J.* Against fair wages, worker rights and unions — URL: <https://www.thenation.com/article/donald-trump-is-the-anti-labor-day-candidate-running-against-fair-wages-worker-rights-and-unions> (дата обращения 22.11.2016).
13. *Mullins B., Ballhaus R., Hackman M.* Labor Unions Step Up Presidential-Election Spending // The Wall Street Journal, 18.10.2016 — URL: <http://www.wsj.com/articles/big-labor-unions-step-up-presidential-election-spending-1476783002> (дата обращения 22.11.2016).
14. WSJ/NBC News Polls: 2016 Election and More — URL: <http://graphics.wsj.com/wsjnbcpoll> (дата обращения 22.11.2016).
15. Edison media research official website — URL: <http://www.edisonresearch.com> (дата обращения 22.11.2016).
16. Center for Public Integrity official website — URL: <https://www.publicintegrity.org> (дата обращения 22.11.2016).
17. A Message from CWA President Chris Shelton — URL: <http://www.cwa-union.org/news/message-cwa-president-chris-shelton> (дата обращения 22.11.2016).
18. *Nolan H.* The Grim Future Of Labor Under Trump — URL: <http://theconcourse.deadspin.com/the-grim-future-of-labor-under-trump> (дата обращения 22.11.2016).

Особенности участия американских профсоюзов
в президентской избирательной кампании 2016 г.

---

19. *Higgins S.* AFL-CIO's Trumka «ready to work with» Trump // The Washington Examiner, 9.11.2016 — URL: <http://www.washingtonexaminer.com/afl-cios-trumka-ready-to-work-with-trump/article/2607017> (дата обращения 22.11.2016).
20. *Devaney T.* AFL-CIO vows to work with Trump on trade // The Hill, 9.11.2016 — URL: <http://thehill.com/policy/finance/305307-afl-cio-vows-to-work-with-trump-on-trade> (дата обращения 22.11.2016).
21. *Tortora J.* 'Hate Cannot Be the New Normal': Teachers, Working People in Unions, Faith and Civil Rights Leaders Urge President-Elect Trump to Condemn Hate Speech — URL: <http://www.aflcio.org/Blog/Political-Action-Legislation/Hate-Cannot-Be-the-New-Normal-Teachers-Working-People-in-Unions-Faith-and-Civil-Rights-Leaders-Urge-President-Elect-Trump-to-Condemn-Hate-Speech> (дата обращения 22.11.2016).

Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.: исторический аспект и современность

Аннотация

В статье рассматривается миграционный аспект, в платформах демократического и республиканского кандидатов, на прошедших в США президентских выборах. Также в статье приводятся основные этапы миграционной реформы, которые оказывали наибольшее влияние с точки зрения формирования американского общества как нации эмигрантов. Автор приходит к выводу, что Дональд Трамп, избранный 45-м президентом США, в формировании своей политической платформы во многом перенял пункты наиболее радикальных миграционных реформ, которые были актуальны практически век назад. Воплощение в жизнь всех пунктов миграционной платформы может спровоцировать, своего рода, «цепную реакцию» и привести к ужесточению миграционной политики в странах ЕС, которые за последние несколько лет стали испытывать на себе кризис в данном направлении.

Ключевые слова: США, выборы, Дональд Трамп, Хиллари Клинтон, демократы, республиканцы, миграционная политика.

Автор

Фролова Ольга Александровна

Кандидат политических наук,
ассистент кафедры сравнительной политологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
(Москва, Россия)

Президентская кампания 2016 г. была в центре внимания не только жителей США, но и мировой общественности. Многие обозреватели окрестили кампанию не только самой резонансной, но и самой грязной за всю историю Соединенных Штатов. Обсуждались не только личности, биографии и медицинские карты главных кандидатов от республиканской и демократической партий — Хиллари Клинтон и Дональда Трампа, но также и предпочтения американского истеблиш-

мента. Очевидным стало не столько традиционное для американских выборов межпартийное противостояние, сколько практически открытое усиление размежевания внутри элитных кругов, а также недовольство населения не прямой системой выборов — институтом выборщиков.

События, последовавшие за объявлением результатов выборов 45-го президента США, стали тому подтверждением. Необходимо отметить, что, несмотря на традиционную эмоциональность насе-

Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.

ления США на политические реформы и перестановки, данная президентская кампания впервые повлекла за собой столь негативную реакцию со стороны широкой общественности, которая от массовых протестов, охвативших большинство штатов, дошла до угроз жителей штата Калифорнии выйти из состава США [8]. Также Демократическая партия организовала сбор подписей под петицией с просьбой к коллегии выборщиков в середине декабря 2016 г. проигнорировать прежние результаты голосования, апеллируя к народному голосованию, по результатам которого Хиллари Клинтон набрала большинство [7]. Минувшая выборная кампания стала пятой в истории США, когда президентские выборы выиграл кандидат, набравший меньшее число голосов избирателей. Аналогичный эпизод произошел в 2000 г., когда президентом стал Джордж Буш-младший, получивший на 500 тыс. голосов граждан меньше, чем представитель демократического крыла Альберт Гор.

Согласно обнародованным данным, Дональд Трамп получил 289 голосов выборщиков, в то время как Хиллари Клинтон — 218 голосов. Тем не менее, по числу «народных» голосов экс-госсекретарь Клинтон на 0,1 % обошла своего соперника, таким образом, за нее проголосовали 47,6 % (59 123 745 голосов) против 47,5 % голосов Трампа (58 992 180). Основными избирателями Дональда Трампа стали мужчины — 53 %, 41 % — женщины. Из них 58 % белых избирателей, 29 % латиноамериканцев и лишь 8 % — африканского происхождения [6].

Без сомнения, одиозная фигура шоумена и бизнесмена Дональда Трампа послужила своеобразным толчком к эскалации межэлитной и внутриобщественной стратификации, но очевидно, что причиной выступает не сама личность вновь избранного президента, сколько накопившиеся в обществе и в политической системе проблемы. Многочисленные протестные акции, охватившие штаты сразу после объявления результатов выбора,

дополнительное доказательство назревшего политического кризиса и размежевания внутри американского общества.

Безусловно, подобная ситуация обусловлена, прежде всего, возникновением сильного социального и экономического неравенства в американском обществе — как результат, который был вызван такими причинами как неэффективное регулирование: налоговой политики, государственной поддержки социальных программ (таких, как «Обамакэр»), тяжелой промышленности, малого и среднего бизнеса в пользу интересов корпоративных гигантов. Основной причиной стратификации американского общества на данный момент выступают не только экономические вопросы, но и темы регулирования миграционной политики, что доказал ажиотаж, вызванный в медиапространстве данным пунктом предвыборной повестки на выборах 2016 г.

Сама история Соединенных Штатов и становления государственности, формирования американского общества и его идентичности выступает сложным конгломератом, который складывался поэтапно, достаточно порывисто и неоднородно. В первую очередь, необходимо отметить основные этапы миграционных процессов во второй половине XX в., которые и заложили сложную этническую структуру современного американского общества, а также проследить трансформации миграционной политики как основополагающего фактора поддержания общественной стабильности.

В начале XX в. большинство жителей США составляло белое население, преимущественно иммигранты из Европы. По итогам переписи 1900 г. из 77 млн человек 41 млн составляли англосаксы, потомки нескольких поколений, проживавших в США, 26 млн — недавно иммигрировавшие из стран Западной Европы (31 % — немцы, 30 — англосаксы, 4 — шведы, 4 — немцы, 3 — итальянцы, 4 % — австрийцы). На тот момент в США проживало около 1 млн евреев, 9 млн потомков рабов с аф-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

риканского континента и лишь 124 тыс. были представителями монголоидной расы. Столь значительные иммиграционные потоки, несомненно, стали порождать в правящих кругах сомнения состоятельности концепции «плавильного котла», стал вопрос, насколько вновь прибывшее население способно ассимилироваться и пройти без последствий для государственного развития и целостности процесс инкультурации, переняв уже устоявшиеся за несколько поколений и сложившиеся в американском обществе ценности и мировоззрение. Впервые политические элиты в США поставили под сомнение желательность столь нерегулируемого притока новых жителей, администрация Рузвельта впервые заговорила о необходимости регулирования миграционных потоков из стран Азии, данные инициативы были положительно восприняты профсоюзами, так как новые мигранты, являясь своего рода дешевой рабочей силой, воспринимались рабочим классом как потенциальные конкуренты в борьбе за рабочие места.

Первая мировая война стала своего рода серьезной проверкой на прочность и гомогенность американского общества, так как впервые она стала отражением опасности двойной национальности даже для населения, которое проживало не одно поколение на территории США. Политическая элита показала свою неспособность в контроле уравновешенности и лояльности диаспор воюющих стран, поставив во главу угла длящиеся до сих пор дискуссии об американской национальной идентичности. Итогом данного периода стало не только прекращение существования немецкой этнической диаспоры ввиду подозрений в связях с германскими элитами, в целом была похоронена вера в безусловные возможности ассимиляции в американское общество.

После Первой мировой войны в политическом векторе правящих кругов наметились следующие тенденции: снижение активности этнических меньшинств по причине сложившегося политического клима-

та в стране, законодательное ограничение иммиграционных потоков — введение национальных квот (2 % от всех проживающих в США на тот период национальностей) в 1920 годах с целью сохранения преобладающим англосаксонского населения, прежде всего, для скорейшей ассимиляции прибывшего населения и предотвращения «размывания» национального характера. Итогом данных запретительных мер стало снижение иммиграционных потоков с 1,2 млн до 165 тыс. человек в год.

Данные запретительные барьеры действовали практически 40 лет, что, безусловно, позволило ассимилировать прибывшее в начале XX в. население из стран Западной и Восточной Европы.

Следующий период в истории американского общества затрагивает временной отрезок между двумя мировыми войнами. Среди его отличительных особенностей — радикализация нативизма, проявление интереса к конфессиональной принадлежности приезжих со стороны регулирующих институтов (миграционные службы отказывались принимать буддистов, мусульман и прочих не христиан) и даже проявление антисемитизма (несмотря на просьбы к президенту США и Конгрессу открыть границы для спасающихся от фашизма евреев, иммиграционные ограничения не были сняты). Американцам внушалась мысль, что этнические меньшинства ослабляют государственность, подрывают духовную составляющую общества и искореняют лучшие традиции и черты американского характера. Получают развитие националистические организации, наиболее известная из них «Ку-клукс-клан». Фактором усиления общественной напряженности в данный период выступил экономический кризис, более известный в истории как «Великая депрессия», которая привела к ужесточению миграционной политики из-за массовой безработицы, в результате сотни тысяч прибывших в США мексиканцев и японцев (даже те, которые успели получить гражданство) были вынуждены вернуться назад.

Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.

По окончании Второй мировой войны ситуация в американском обществе стала постепенно выравниваться в сторону плюрализма и либеральных идей, участие США в войне против сторонников нацизма, несомненно, сыграло немаловажную роль в данном процессе, привнеся идеи равенства, хотя расизм сохранял свое положение вплоть до середины 1960 гг., антисемитизм стал абсолютно неуместен. Итогом данных тенденций стала отмена в 1965 г. национальных квот, что привело к увеличению миграционных потоков (что характерно, большинство иммигрантов имели неевропейское происхождение) и, как результат, это привело к усилению политического влияния национальных диаспор, как своего рода гаранта учета национальных интересов в общей системе национальных интересов. Таким образом, США плавно стали отходить от англосаксонского мейнстрима в обществе и стали менять парадигму миграционного и этнического развития с «плавильного котла» на «мозаику» расового-этнических общин, в концепции которого — сохранение англосаксонского мейнстрима со своеобразными вкраплениями национальных меньшинств, которые в той или иной степени сохраняют элементы самобытной культуры, чьи потребности и интересы учитываются политическим истеблишментом для сохранения стабильности в обществе.

Таким образом, политика США сменила ориентиры в вопросе формирования общества, уйдя от практики ассимиляции к торжеству множественных лояльностей, утверждая превосходство либерально-демократических ценностей над ценностями этнических объединений. Данный этап американской истории важен, так как именно он заложил ту этническую картину, которую США имеет на сегодняшний день — сохранение преобладания европейской расы с тенденцией к увеличению в сторону латиноамериканского и афроамериканского населения. Согласно прогнозам экспертов, латиноамерикан-

ская раса с 17 % от общего числа населения на 2015 г. к 2020 г. достигнет 33 % и превысит 100 млн человек, соответственно, к 2050 г. европейская раса будет в меньшинстве [2. — С. 14–51].

Вне всякого сомнения, сложившаяся структура общества США и тенденции ее трансформации не могут не беспокоить представителей умеренного и консервативного крыла избирателей. На данном этапе сложилась ситуация, аналогичная с 1930 гг., когда вопросы ассимиляции недавно прибывшего населения стали очевидными. Если практически 100 лет назад проблемными иммигрантами были выходцы из Восточной и Западной Европы, то современная ситуация демонстрирует обострение проблем адаптации латиноамериканского населения. Именно иммигранты из Латинской Америки являются самым многочисленным меньшинством среди прочих переселенцев, в основном это прибывшие из Кубы, Пуэрто-Рико, Южной и Центральной Америки и, конечно, Мексики.

Почти 80 % нелегальных иммигрантов — латиносы, из них почти 60 % (более 7 млн населения) — прибывшие из Мексики. Большинство испаноговорящих иммигрантов, в том числе и нелегальных, населяют следующие штаты: Флориду, Иллинойс, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Техас, но наибольшее их количество (2,7 млн человек) — в Калифорнии. Примечательно, что три четверти (73 %) детей, родители которых являются нелегальными переселенцами, являются гражданами США по рождению.

Социально-адаптивный аспект также демонстрирует отличие латиноамериканских переселенцев среди прочих групп. Большинство из них живут замкнутыми группами, в результате даже третьи и четвертые поколения так называемых латиносов, не способны изъясняться на английском языке. Кроме того, исследования, проведенные социологами, демонстрируют, что латиносы хуже всего, по сравнению с другими группами, приспосабливаются к порядкам и устоям жиз-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

ни общества США, сохраняя отчетливую приверженность к латиноамериканским традициям, а также демонстрируют социальную стагнацию, то есть последующие поколения менее склонны добиваться финансовых успехов, получать высшее образование и стремиться к развитию. В отличие, например, от азиатских иммигрантов, которые несмотря на внутреннюю сплоченность, во втором и третьем поколении, как правило, улучшают свой социальный статус, преимущественно благодаря улучшению уровня образования [1. — С. 75].

В сравнении с 1930 г. сегодняшняя ситуация также демонстрирует ухудшение экономической ситуации и, как следствие, рост безработицы и социальной напряженности. Данные обстоятельства, безусловно, получили отражение в запросе общества на решение социально-экономических вопросов, а также предоставление рабочих мест в пользу граждан США, а не нелегальных иммигрантов. Ниже рассмотрим меры, которые еще кандидаты на пост президента США кампании 2016 г. изложили в своих предвыборных программах. Каждый из кандидатов уделил данному вопросу достаточно много внимания, перечень реформ в вопросах миграционной политики неоднократно звучали в публичных выступлениях, теледебатах, а также на страницах СМИ.

Хиллари Клинтон в своей предвыборной программе предложила девять пунктов по вопросам иммиграции, большинство пунктов являются логичным продолжением политики, заложенной администрацией Барака Обамы и их суть сводится к следующему:

1. Представление всеобъемлющей иммиграционной реформы в течение первых 100 дней президентства. Суть реформы — персональное отношение к каждому иммигранту, соблюдение прав человека, поддержка членов семей, чьи визы подошли к завершению, а также легализация миллионов трудолюбивых людей в официальный экономический статус.

2. Прекращение практики действия 3- и 10-летней иммиграционной планки с целью прекращения дилеммы для многих семей, чьи члены в силу обстоятельств имеют различные иммиграционные положения, и в случае прекращения действия виз вынуждены переходить в статус нелегалов.

3. Защита двух иммиграционных инициатив Обамы (Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA) и Deferred Action for Parental Accountability (DAPA), которые были заблокированы в конце 2015 г. Верховным Судом США. Согласно первому, родители лиц, имеющих гражданство, могут подать прошение об отсрочке депортации, а согласно второму — подобное право дается детям, которые въехали в страну до 16 лет.

4. Сделать все возможное, в соответствии с законом, чтобы защитить семьи. Введение в действие простой системы, которая дает право на отсрочку депортации, для тех семей, чьи трудовые права по каким-либо причинам были нарушены и кто до этого имел определенные накопления и систематически платил все сборы.

5. Соблюдение иммиграционного законодательства должно быть гуманным, целенаправленным и эффективным. Концентрация усилий на задержание и депортацию тех лиц, которые создают угрозу общественной безопасности, а также на оказание поддержки беженцам, которые запрашивают убежище в США по обоснованным причинам.

6. Прекращение практики содержания под стражей целых семей нелегальных иммигрантов, а также закрытие частных изоляторов для иммигрантов.

7. Расширение возможностей к доступному здравоохранению для всех семей, независимо от их иммиграционного статуса.

8. Стимулирование ассимиляции иммигрантов. Освобождение от уплаты налоговых сборов, расширение доступа к курсам изучения английского языка, а также повышение уровня информированности и образования.

Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.

9. Поддержка интеграции иммигрантов. Создание Федерального Офиса по делам иммигрантов (National Office of Immigrant Affairs), который будет оказывать финансовую поддержку иммиграционным центрам, а также существенно увеличит федеральные ресурсы для обучения английскому языку и будет способствовать получению знаний в области гражданских прав [5].

Программа иммиграционного регулирования Дональда Трампа состояла из 10 пунктов, суть которых заключается в следующем:

1. Построение стены на южной границе с Мексикой (оплатить проект должна Мексика).

2. Отмена существующей практики «поймал и отпустил». Незаконно пересекший границу США будет выслан из страны.

3. Перемещение преступных иностранцев с первого дня, в совместных операциях с местными, государственными и федеральными правоохранительными органами. Прекращение политики администрации Обамы, которая позволяет тысячам мигрантов с криминальным прошлым свободно находиться на территории США.

4. Широкая борьба с городами, так называемыми «sanctuary cities», власти которых отказываются сотрудничать с Федеральной миграционной службой.

5. Прекращение действий миграционных амнистий Барака Обамы, и, как следствие, утроение численности сотрудников Федеральной миграционной службы и депортация прежде амнистированных иммигрантов.

6. Приостановка выдачи виз в странах, которые не способны гарантировать эффективность проверки личности своих граждан.

7. Работа миграционных служб со странами по вопросу приема другой стороной своих граждан, нелегально иммигрировавших в США.

8. Гарантированное функционирование биометрических систем на всех на-

земных, воздушных и водных пограничных пунктах.

9. Прекращение практики трудоустройства мигрантов на нелегальную работу в ситуации, когда закон запрещает это.

10. Исходя из приоритета национальных интересов, реформирование института легальной миграции и снижение уровня миграции до «исторически сложившегося уровня» [4] (*прим. автора — в программе не уточняется, какой именно уровень подразумевается, очевидно, что речь идет о возвращении к 2 %-ной системе «национальных квот», которая была введена в 1920 гг. и действовала вплоть до 1960 гг.*).

Безусловно, предложенные миграционные инициативы победившего на президентских выборах республиканца Дональда Трампа выглядят куда более жестче, чем у Хиллари Клинтон, впрочем, представители Республиканской партии традиционно выступали за введение более жестких мер в регулировании миграционных потоков. Прослеживается очевидное заимствование Трампом пунктов, сформулированных еще в 1920 гг., а также привнесение в регулирование современных технологий и ответственности управляющей стороны.

За период выборной кампании Трамп приобрел репутацию популиста, а не дальновидного политика, так как он не имел опыта политической деятельности, тем не менее его повестка является несомненным ответом на запросы американского общества.

На данный момент сложно прогнозировать, насколько целостно будут реализованы все пункты миграционной политики Трампа, большое сомнение вызывает получивший наибольший резонанс пункт о строительстве стены с Мексикой (30 апреля 2017 г. на встрече со сторонниками в штате Пенсильвания, приуроченной к 100 дням президентства, Д. Трамп еще раз заверил, что стена на границе с Мексикой появится несмотря на финансовые труд-

ности и протесты), но многие из положений, в той или иной степени, могут быть реализованы новой администрацией.

Уже в первые дни своего правления Д. Трамп подписал указ «Защита нации от въезда иностранных террористов в Соединенные Штаты» (англ. Executive Order «Protecting the Nation from Foreign Terrorist Entry into the United States»). Этот документ приостановил прием беженцев: из Сирии — на неопределенный срок, из других стран — на 120 дней. Также на 90 дней запретил въезд гражданам стран, вызывающих особую озабоченность. Это семь стран с преимущественно мусульманским населением: Сирия, Иран, Ирак, Ливия, Сомали, Судан и Йемен.

Такие запретные меры могут только усугубить и без того сильный раскол в американском обществе. И действительно, уже через день после подписания указа на улицах американских городов прошли акции против новых иммиграционных ограничений. Впоследствии суд

в Сиэтле приостановил действие данного указа. Администрация Трампа пытается опротестовать решение суда.

В то же время, отсутствие регулятивных мер несет определенную угрозу сохранению уже и без того размытой американской идентичности, провоцируя нестабильность существования общества и, соответственно, государства.

В данной связи, интересным представляется мнение председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике Ф. Лукьянова о том, что «мир глобален и это не метафора, все, что происходит в США, не может не отразиться в мире» [3]. В случае, если новой республиканской администрацией действительно будет продолжено ужесточение (в заявленной мере) миграционного законодательства, скорее всего, можно ожидать аналогичных действий и от Европы, которая испытывает проблемы с регулированием данного вопроса.

Литература

1. Докторов Б. З. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. — М.: Издательство «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011 — С. 75.
2. Лозанский Э. Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. — М.: Международные отношения, 2004. — С. 14–51.
3. Познер. Гость Федор Лукьянов. Первый канал. — Выпуск от 14.11.2016. — Режим доступа: <http://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-fedor-lukyanov-pozner-vypusk-ot-14-11-2016>.
4. Donald J. Trump's Vision. Immigration. Trump Pence Make America Great Again — Mode of access: <https://www.donaldjtrump.com/policies/immigration/>.
5. Immigration reform. We need comprehensive immigration reform with a pathway to full and equal citizenship. Hillary for America — Access mode: <https://www.hillaryclinton.com/issues/immigration-reform/>.
6. Reality Check: Who voted for Donald Trump?. BBC News. — November, 9. — 2016. — Mode of access: <http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37922587>.
7. The Electoral College Was Designed to Prevent Trump. You Can Make This Happen. The Huffington Post. — November, 11. — 2016. — Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/douglas-anthony-cooper/the-electoral-college-was_b_12897066.html.
8. Will California And Oregon Leave The Union? Facts About CalExit And Democrats' Secession Movement / International Business Time. — November, 11. — 2016. — Mode of access: <http://www.ibtimes.com/will-california-oregon-leave-union-facts-about-calexit-democrats-secession-movement-2445385>.

Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения: процессы и проблемы взаимодействия

Аннотация

Статья содержит анализ регулирования государством миграционного кризиса и его отражения в электоральном поведении граждан. Через анализ изменений электоральных предпочтений европейских граждан автор выявляет факторы, оказывающие влияние на принятие электорального решения. Путем верификации ряда гипотез о взаимосвязи ограничительных мер государства в области миграционной политики и изменений электоральных предпочтений автор приходит к выводу о существовании нового типа партийно-политических расколов (опираясь на теорию Стейна Роккана и исследование Дженса Ридгрена), которые формируются, не исходя из реальных социально-экономических проблем и мер, но на основе их публичного оформления. Сделанное предположение позволяет рассмотреть современное политическое позиционирование ключевых акторов в ЕС и выделить ряд кластеров, объединяющих известные прецеденты.

Ключевые слова: миграционный кризис, ЕС, электоральное поведение, ограничительные меры, партийные расколы.

Автор

Куренкова Карина Илларионовна

Член совета молодых ученых факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Миграционный кризис — вопрос, плотно вошедший в современную повестку дня в государствах, членах Европейского союза. Растущая неопределенность, вовлеченность в кризис множества акторов и ряд других факторов способствуют распространению угроз на всех уровнях приня-

тия решений. Для элиты данные угрозы проявляются в вероятной потере легитимности, что в демократических обществах равносильно политической смерти. Озвученное вступает в противоречие с важнейшей функцией публичной политической элиты — обеспечением интегрированного развития общества в целом

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

и предупреждением внутрисоциальных конфликтов. Для общества же миграционный кризис часто ассоциируется с угрозами символического (потеря национальной идентичности), экономического (перераспределение значительной части экономических благ в пользу мигрантов) характера, а также с угрозами личной и общественной безопасности (терроризм, рост преступности, образование опасных кварталов) [6].

В этом контексте становится очевидной необходимость разработки такой государственной политики, которая позволила бы и сохранить целостное развитие общества свободного от этнической дискриминации и ксенофобии, и, при этом, обеспечить легитимность правящему режиму. В данной статье будет предпринята попытка проследить связь между ограничительными мерами государства в области миграционной политики (в ЕС) и качественным изменением электорального поведения (изменением предпочтений). С этой целью в первой части статьи будут определены ключевые термины и представлены кейс-стади, на основании которых будет сделан вывод о существующей или отсутствующей связи. Заключительная часть статьи посвящена макрополитическому анализу влияния ограничительных мер на партийно-политическое пространство стран — членов Европейского союза.

Определение ключевых терминов

Для того чтобы выявить формат отношений между ограничительными мерами государства в области миграционной политики и электоральным поведением, необходимо четко определить смысл данных понятий и показатели, через которые может быть прослежена динамика их изменений. Под «ограничительными мерами государства» понимаются прямые действия инкумента по ужесточению действующего иммиграционного режима (могут быть выраже-

ны через введение ограничений на въезд в страну, депортацию мигрантов, создание системы предпочтений внутри социума, при которой мигранты ограничены в получении ряда социальных и экономических благ и т. д.). Динамика изменений данного феномена прослеживается через количество принятых решений, носящих протекционистский характер, а также их интенсивность.

Под электоральным поведением в представленной статье понимается особый вид политического поведения гражданина, при котором он реализует свое активное избирательное право, отдавая предпочтение той или иной политической силе, либо же напротив — воздерживается от участия в выборах. Динамика изменения электорального поведения в государстве может быть проанализирована, исходя из двух типов показателей: качественного и количественного. Количественный показатель обращен к измерению динамики явки граждан на выборах. Качественный показатель иллюстрирует изменение предпочтений граждан. Примечательно при этом то, что оба показателя чрезвычайно тесно связаны между собой, ведь одной из причин роста поддержки радикальных партий может быть рост абсентеизма среди лояльного правящему режиму населения. В рамках представленного исследования в качестве рабочего показателя будет взято изменение электоральных предпочтений, что открывает поле для дальнейших разработок темы, но уже в рамках рассмотрения динамики явки.

Исходя из поставленной во введении цели, сформулируем ключевую гипотезу статьи: *усиление интенсивности государственных ограничений в области миграционной политики непосредственно влияет на изменение электоральных предпочтений.*

Другими словами, мы предполагаем, что при динамике одного показателя (например, при принятии ограничительных мер) последует изменение второго.

Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения

Гипотеза о прямо пропорциональной связи: кейс Германии

Приведенные рассуждения логично ставят вопрос о направленности этих изменений. Рассматривая программы радикальных партий, набирающих популярность в ЕС, легко заметить общее требование по ужесточению иммиграционного режима путем прямых государственных мер. Так, например, французская партия «Национальный фронт» предлагает широкую программу по ограничению доступа мигрантов к ряду экономических благ и сокращению числа мигрантов в стране, а голландская «Партия за свободу» предлагает закрыть все мусульманские школы ради сохранения национальной идентичности Нидерландов. Рост поддержки подобных идей логично приводит к выводу о том, что запросом населения все чаще становится

ужесточение иммиграционного режима, а значит, озвученная гипотеза должна быть уточнена и сформулирована следующим образом: *ужесточение иммиграционного режима приведет к большей поддержке населения инкумбента, в то время как недостаточность мер или отсутствие подобных ориентиров у инкумбента, напротив, — повлечет потерю поддержки.*

Вторая часть гипотезы подтверждается на примере Германии, чей официальный курс политики «открытых дверей» часто критикуется общественным мнением за недостаточность ограничительных мер государства, которое в лице канцлера Ангелы Меркель констатирует непоколебимость в продолжении курса [2]. Действительно, данные опросов, отраженные в таблице 1, иллюстрируют рост поддержки праворадикальной партии «Альтернатива для Германии».

Таблица 1. Общественная поддержка политических партий Германии за период с 1998 по 2013 г.¹

Политическая партия	Поддержка на выборах, %				
	1998 г.	2002 г.	2005 г.	2009 г.	2013 г.
Социально-демократическая партия Германии	40,9	38,5	34,2	23,0	25,7
Христианско-демократический союз / Христианско-Социальный союз	35,1	38,5	35,2	33,8	41,5
Альянс 90 / зеленые	6,7	8,6	8,1	10,7	8,4
Свободная демократическая партия	6,2	7,4	9,8	14,6	4,8
Партия демократического социализма	5,1	4,0	-	-	-
Альтернатива для Германии	-	-	-	-	4,7
Другие	5,8	3,0	12,7	17,9	14,9

¹ По материалам сайта: <http://www.electionresources.org>.

Гипотеза об обратной пропорциональной связи: кейс Венгрии

Впрочем, первая часть озвученного ранее тезиса была подвергнута серьезным сомнениям после рассмотрения результатов парламентских выборов в Венгрии. Венгрия — государство, известное радикальным иммиграционным курсом, главным агентом которого является доминирующая парламентская партия «Fidesz» (Венгерский гражданский союз). Партийно-политическое поле Венгрии представлено несколькими партиями, использующими антимиграци-

онную риторику. Одним из самых ярких представителей здесь является партия «Jobbik» («За лучшую Венгрию!»), к которой применялся ярлык «неофашистов» за их радикальную позицию в области миграционной политики. Однако в ходе кампании 2014 г. в том же радикальном идеологическом пространстве выступала и партия «Fidesz», что по представленной выше гипотезе должно было обеспечить ей большую общественную поддержку. Тем не менее результаты выборов 2014 г., в сравнении с предыдущими выборами, показывают обратный тренд, что и проиллюстрировано в таблице 2.

Таблица 2. Результаты парламентских выборов в Венгрии в 2010 и 2014 гг.¹

Политическая партия	Поддержка на выборах, %	
	2010 г.	2014 г.
Венгерский гражданский союз (Fidesz)	52,7	44,9
За лучшую Венгрию (Jobbik)	16,7	20,2
Единство (MSZP-EGYÜTT-DK-PM-MLP)	19,3	25,6
Политика может быть другой (LMP)	7,5	5,3
Другие	3,9	4,0

¹ По материалам сайта: <http://www.electionresources.org>.

Представленные изменения опровергают выдвинутую ранее гипотезу о прямой зависимости между поддержкой электората (в пользу радикальных партий) и введением государства ограничительных мер в области миграционной политики. Описанный тренд исследователи политической ситуации в Венгрии связывают с предшествующим управленческим опытом партии «Fidesz», отмеченным коррупционными скандалами и непопулярными мерами в ряде других сегментов государственной политики (как, например, предложение о введении налога на интернет-пользование) [1].

Несмотря на то, что иммиграционный курс партии «Fidesz» не менее радикален, чем курс «Jobbik», как указывает Gábor Csotog, именно в отношении последних

в публичном пространстве выстраивается наиболее радикальный имидж. В конечном итоге, данный пример опровергает выдвинутую ранее гипотезу о прямой зависимости элементов, что позволяет сформулировать новое предположение об отсутствии влияния ограничительных мер государства в области миграционной политики на электоральное поведение в современной Европе.

Гипотеза о наличии «третьего» элемента: кейс Дании

Предшествующие рассуждения показали отсутствие связи между ограничительными мерами государства в области иммиграционной политики и электоральным поведением. Однако

Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения

это предположение вступает в конфликт с существующим положением миграционного вопроса в публичной политической повестке Европы, что вызывает к более подробному рассмотрению вопроса.

Как показывают данные таблицы 3, датский кейс, так же, как и ранее рассмотренные кейсы Германии и Венгрии, фиксирует рост поддержки праворадикальных политических сил.

Таблица 3. Результаты парламентских выборов в Дании¹

Политическая партия	Поддержка на выборах, %				
	2001 г.	2005 г.	2007 г.	2011 г.	2015 г.
Либеральная партия Дании	31,2	29,0	26,3	26,7	19,5
Социально-демократическая партия	29,1	25,8	25,5	24,8	26,3
Датская народная партия	12,0	13,3	13,9	12,3	21,1
Народная консервативная партия	9,1	10,3	10,4	4,9	3,4
Социалистическая народная партия	6,4	6,0	13,0	11	4,2
Другие	12,2	15,6	10,9	20,3	25,5

¹ По материалам сайта: <http://www.electionresources.org>.

Шведский исследователь Дженс Ридгрэн [5], рассматривая партийно-политическую систему в Дании и набирающую популярность Датскую народную партию, предлагающую праворадикальный курс, выдвигает ряд обоснований сложившейся ситуации. По мнению Ридгрэна, причина изменения политических предпочтений датского электората состоит вовсе не в реальном иммиграционном курсе государства, но в том, как эти меры существуют в публичном пространстве и как последнее воспроизводится. Дж. Ридгрэн пишет о том, что после начала политизации вопроса о мультикультурных обществах в середине 1980-х, роста популярности протестных политических сил, а также вследствие растущего евроскептицизма в публичном дискурсе в Дании появилась ниша для радикальной политической

силы. Появление партийной ниши ученый связывает не с социально-экономической проблематикой, в которой Стейн Роккан видел истоки партийных разломов, но в том, как социальные проблемы существуют в публичном дискурсе. Другими словами, на первый план выходит не проблема, но ее имидж. Представленное предположение представляется весьма убедительным, что доказывает динамика роста социального запроса на радикальные меры, которая переживает свой пик в моменты террористических атак, которые в концепции Дж. Кингдона [3] были описаны как вопросы, «взрывающие» публичную повестку и мгновенно попадающие в повестку государства. Озвученное вызывает к пересмотру концепции Стейна Роккана [4] о «партийных разломах» с большим акцентом на имиджевую сто-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

рону вопроса, а также к формулированию новой гипотезы представленного исследования следующим образом: *на изменение электоральных предпочтений в современной Европе оказывают влияние не ограничительные меры государства в области миграционной политики, но их имидж.*

Миграционный вопрос как новый раскол в партийно-политической системе. Кластер-анализ

Верификация представленного предположения подразумевает глубокий трехуровневый анализ, в рамках которого должны быть рассмотрены как индивидуальные факторы, действующие при принятии решений избирателем (микроуровень анализа), так и факторы, существующие на мезоуровне (уровень гражданских, корпоративных структур, не принимающих участие в борьбе за власть) и макроуровне (собственно политическом уровне, где действуют акторы). В данной статье будет представлена попытка проведения макрополитического анализа гипотезы.

Принимая имидж ограничительных мер государства в области миграционной политики за новый партийный раскол (вопрос, который определяет позиционирование партий на политической площадке), представляется логичным выделить два типа акторов: инкубент и оппозиция. Подобное разбиение определяется самой природой ограничительных мер, ответственность за которые несет инкубент, и при этом сами меры подвергаются критике со стороны оппозиции.

Существующие оппозиционные силы занимают различные позиции в отношении к ограничительным мерам государства в области миграционной политики. Для одних меры представляются недостаточными (эти политические партии объединены кластером «Прокурор»), а потому партии, включенные в эту группу, предлагают радикальные меры по уже-

сточению иммиграционного режима. В то же время оппозиция может критиковать проводимые меры и за их чрезмерность, вследствие чего представляется возможным выделить кластер «Мать Тереза», при котором партия использует гуманистическую риторику, обращаясь к принципам прав человека. Несмотря на то, что фокус представленной статьи сосредоточен на европейской практике, представленные кластеры могут быть наглядно проиллюстрированы риторикой кандидатов в президенты США в 2016 г. по причине того, что в выборах не участвовал инкубент и публичные позиции основных сил разделились на два выше обозначенных лагеря.

Что касается инкубентов, то наиболее частая стратегия со стороны этих политических сил описывается кластером «Самый мудрый», при котором инкубент апеллирует к богатому политическому опыту, наличию особого знания о специфике процессов планирования, имплементации решений и проч. При этом оппоненты часто обвиняются в популизме, нереалистичности предлагаемых мер и оторванности от политической реальности. Однако этим кластером позиции инкубента в политическом пространстве не исчерпываются. Кейс Венгрии позволяет выявить еще один кластер — «Перманентная оппозиция». В рамках этого кластера находятся такие политические акторы, которые выстраивают свои позиции и риторику в публичном пространстве, критикуя проводимые меры за их недостаточность, будучи отправителями политики. Данное положение, несмотря на заложенную внутреннюю неоднозначность, объясняется спецификой Европейского союза как наднационального объединения, также проводящего общую (хоть и неимперативную) иммиграционную политику. Это обстоятельство позволяет «перманентному оппозиционеру» делегировать ответственность за проводимый курс и формировать образ государственных мер как все еще недостаточных для

Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения

решения проблемы. Так, например, лидер партии Fidesz, Виктор Орбан, нередко говорит о необходимости большей свободы миграционного регулирования на национальном уровне, а также акцентирует внимание на том, что антимиграционные меры входят в число табуированных тем в европейской повестке, что позволяет ЕС насаждать свое решение проблемы.

Представленная гипотеза о новом типе партийно-политических расколов и партийном позиционировании вокруг имиджа ограничительных мер государства в области миграционной политики нуждается в дополнительных исследованиях и проведении глубоких кейс-стади. Не вызывает сомнений лишь одно: мигра-

ционный кризис значительно повысил уровень общей неопределенности и серьезно сказался на национальных политических системах стран — членов ЕС, которые сегодня претерпевают структурные трансформации. В этой связи нарастание ксенофобии и социального раскола чревато серьезными угрозами, на которые элита, мыслящая стратегически, должна отреагировать. Однако, как именно должна проявиться эта реакция в условиях формирования повестки широким кругом акторов и наличием непрогнозируемых социальных ответов, — большой вопрос, требующий качественного политического анализа.

Литература

1. *Csomor G.* The Fidesz party's affair with radical voters, *Reshaping Europe*, 2015.
2. *Kern S.* No Change to Open-Door Migration Policy, *Gatestone institute*, 2016.
3. *Kingdon J. W.* Agendas, alternatives and public policies, Boston. Longman classics in political science. 1985.
4. *Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties. — Oslo: Universitetsforlaget, 1970.
5. *Rydgren J.* Explaining the Emergence of Radical Right-wing Populism: The Case of Denmark., *West European Politics* 27 (3): 474–502, 2004.
6. *Wike R., Stokes B., Simmons K.,* Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs”, *Pew Research Center*, 2016.

Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий на материале стран Восточной Европы

Аннотация

В данной статье делается попытка эмпирически установить, существуют ли универсальные свойства, присущие данным электоральной статистики. Несмотря на то, что рядом исследователей предпринимаются попытки статистически установить, например, наличие признаков манипуляций результатами волеизъявления избирателей методами статистического анализа, политическая наука не готова предложить теоретических обоснований для характеристик, предполагающихся нормальными. Данная статья призвана отчасти восполнить пробел в знаниях о свойствах электоральной статистики, обратившись к материалу общенациональных выборов в постсоциалистическом пространстве Восточной Европы. Как показало исследование 98 случаев парламентских и президентских выборов, действительно существуют общие и стабильно воспроизводимые характеристики, которым соответствуют данные электоральной статистики большинства стран, а расхождения с нормой редки.

Ключевые слова: президентские выборы, парламентские выборы, статистический анализ, явка, электоральные аномалии, Восточная Европа.

Автор

Шалаев Никита Евгеньевич

Аспирант факультета политологии
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Контроль за честностью и прозрачностью проведения выборов является одной из важнейших проблем в современном мире. Стандартным способом достижения этой цели является привлечение наблюдателей, в особенности международных, для контроля за ходом выборов. Но это решение, которое представляется нам естественным и надежным, не лишено своих недостатков. Подобного рода миссии требуют огромных

финансовых и человеческих ресурсов, а цели достигают не всегда. Ведь даже авторитарные режимы охотно приглашают наблюдателей, считая это вопросом престижа или жестом доброй воли, который международным сообществом будет засчитан в их пользу в любой ситуации [10], а внутри страны может быть использован в качестве инструмента давления на оппозицию [15]. По мнению ряда авторов, наблюдение за выборами может

Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий

даже оказать негативное влияние на ситуацию в стране в целом, вытесняя электоральные манипуляции в другие, трудно поддающиеся наблюдению и контролю сферы [20], разлагая таким образом институты государства в целом.

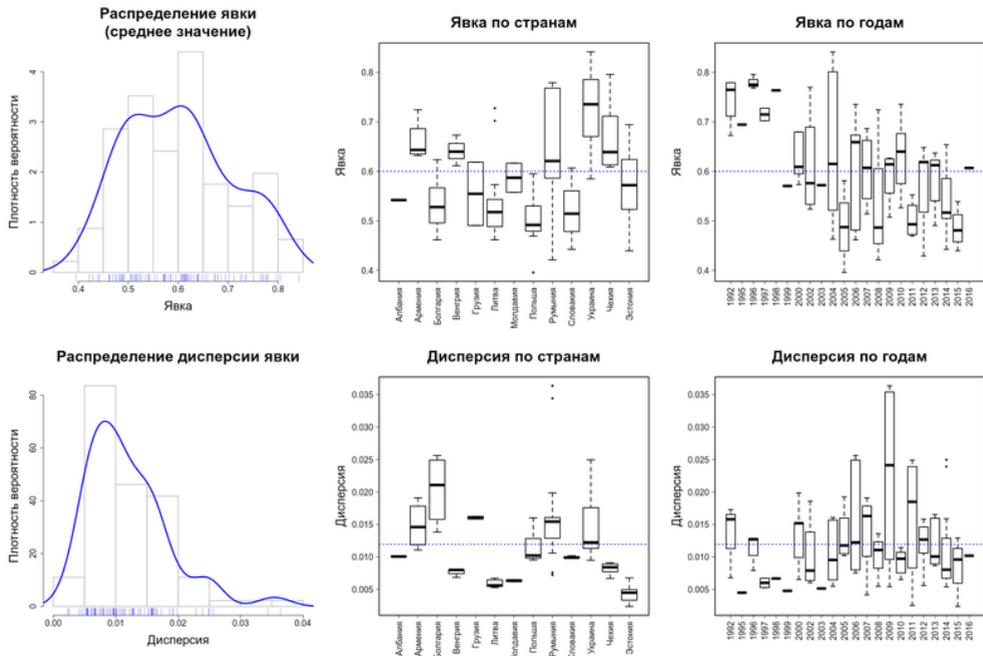
Электоральная криминалистика — направление электоральных исследований, ставящее своей задачей разработку и применение методов статистического контроля результатов выборов — претендует на роль если не замены, то компаньона для традиционного института наблюдателей. При этом, как отметил в своей диссертации Дж. Декерт, очевиден разрыв между исследованиями поведения избирателей и изучением электоральных фальсификаций [4]. Политическая наука не может предложить готовых теоретических обоснований для исходных положений методов, предлагаемых для обнаружения искажения результатов голосования. Например, не существует «всеобщей теории явки», которая могла бы предсказать, как должна быть распределена эта величина в случае честных выборов. Нет консенсуса и относительно того, является ли успех кандидатов не зависящим от уровня явки — существуют исследования, как подтверждающие отсутствие связи [6; 21], так и утверждающие ее наличие [14; 13]. Наконец, нет оснований утверждать, что цифры в протоколах будут встречаться с той или иной частотой — за исключением, пожалуй, психологических исследований, которые могут пролить свет на то, как систематически ошибается человек, пытающийся сымитировать случайные числа [1].

В такой ситуации единственным выходом представляется обращение к понятию электоральных аномалий — тех самых отклонений от ожидаемой картины, поиском которых занята электоральная криминалистика, и наличие которых она считает индикаторами фальсификаций. Если нельзя достоверно определить свойства нормы, исходя из чисто теоретических предпосылок, то можно попытаться выявить наличие и соотношение нормы

и отклонений сравнительным методом на основании эмпирических данных. Если никаких универсальных черт в параметрах электоральной статистики не наблюдается, то само направление электоральной криминалистики бессмысленно. Если же общие закономерности прослеживаются, то будет полезным определить их свойства и степень распространенности. Чем более редкими и существенными будут отклонения от нормы, тем более значимым будет поиск такого рода аномалий.

В этом смысле страны Восточной Европы предоставляют уникальную возможность для проведения сравнительных электоральных исследований: большое число государств практически одновременно начали переход от социалистических режимов «народной демократии» к рыночному капитализму и демократии электоральной. При этом общий культурно-исторический контекст позволяет называть эти страны одними из наиболее сравнимых между собой, лишенными в определенной степени специфических особенностей. В то же время в этом регионе присутствуют как страны с хорошей репутацией в разрезе прозрачности выборов, так и страны, к демократичности выборов в которых выдвигались претензии (например, Армения или Украина, особенно в 2004 г.).

Первой гипотезой, подвергнутой проверке, стало предположение о том, что явка является нормально распределенной величиной. Существует несколько способов операционализировать распределение явки, в данном случае было выбрано распределение числа избирательных участков по уровню достигнутой на них явки. Особый интерес именно к явке не случаен. Из показателей электоральной статистики явку можно назвать одним из самых известных и широко применяемых. Ее могут использовать для оценки степени легитимности выборов, как индикатор уровня доверия к политическим институтам, степени поддержки режима, уровня гражданской активности.

Рисунок 1. Свойства распределений УИК по уровню явки: средняя и дисперсия

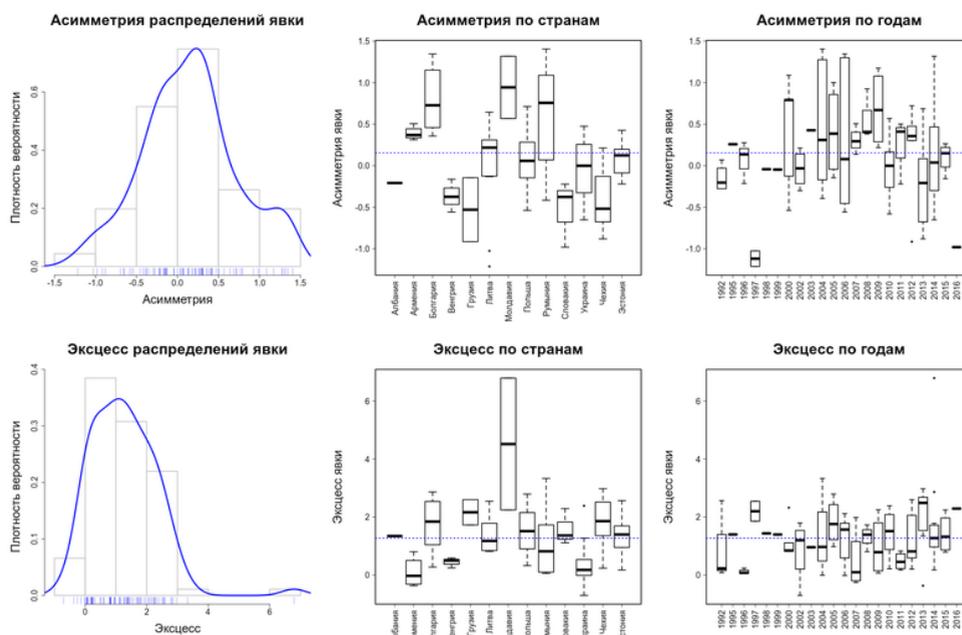
Нужно отметить, что подобные попытки осложняются тем, что свойства явки как статистической величины, как правило, не представляли большого интереса для исследователей. Вообще говоря, проблемы свойств распределений политически релевантных статистических величин являются темой, обделенной вниманием в исследователей, и явка здесь не является исключением. В качестве редких примеров таких работ можно привести исследование распределения числа голосов внутрипартийных списков на выборах в Польше [9] (которое оказалось логнормальным), распределение числа голосов, полученных кандидатами на выборах в Бразилии [7; 8] (был выявлен степенной закон), исследование соблюдения закона Ципфа для распределений результатов голосования [16] и работы о распределении уровня явки и результатов кандидатов в городах Франции [3] и ряде других стран Европы [2]. В подавляющем же большинстве случаев явка интересует исследователей лишь как показатель, полученный

по стране или региону в целом, а число голосов представляет интерес только как итоговый результат участия в выборах.

В результате на сегодняшний день политическая наука не готова дать уверенный и обоснованный ответ на вопрос, какое распределение является нормой для явки (или, например, для числа голосов) на выборах — нормальное (гауссовское) или какое-то иное, или существуют какие-то факторы, по которым можно будет заранее предсказать ожидаемое распределение. Меж тем, анализ распределений (хотя и другого рода) применяется для выявления искаженных и сфальсифицированных данных, например, в области финансового аудита [17]. Это дает основания полагать, что и в области электоральных исследований существенные расхождения свойств наблюдаемых распределений с ожидаемыми могут являться признаками внесения искажений в истинные результаты волеизъявления граждан.

Для анализа были взяты данные электоральной статистики на общенациональ-

Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий

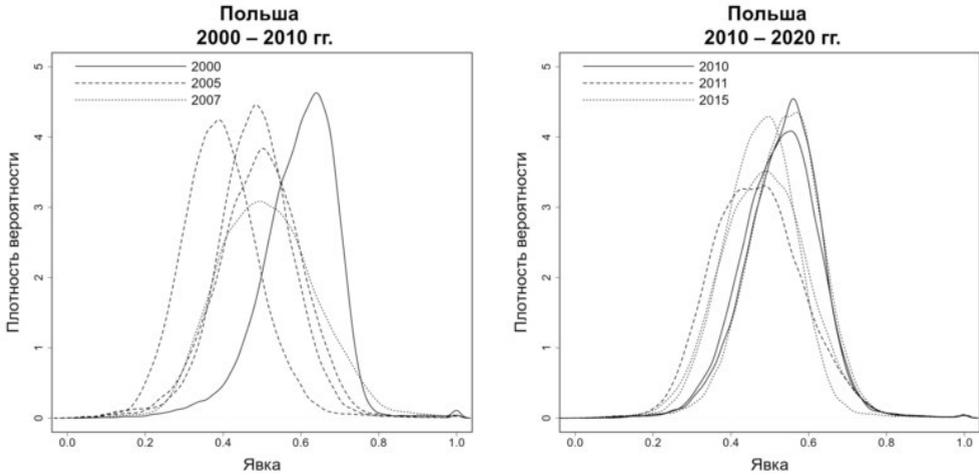

Рисунок 2. Свойства распределений УИК по уровню явки: асимметрия и эксцесс

ных выборах стран Восточной Европы, зафиксированные на уровне участков для голосования (УИК). Основных причин тому две: во-первых, это дает гораздо больше замеров и, следовательно, большую точность оценки распределения. Во-вторых, поскольку в перспективе результат подобных исследований может быть применен для мониторинга демократичности выборов, анализ нужно проводить на том уровне, на котором ожидается внесение искажений в результате волеизъявления граждан. Поскольку наиболее распространенные методы (принуждение избирателей, вбросы, фальсификация протоколов, «карусели» и т. п.) носят локальный характер и действуют в рамках отдельных участков (а не, скажем, муниципалитетов или регионов), то и данные необходимо рассматривать на этом же уровне. В результате эмпирическая база исследования охватила выборы в 13 странах. В их число входят как бывшие республики СССР (Литва, Эстония, Украина, Грузия, Армения, Молдавия), так

и страны «народной демократии» (Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Албания, Венгрия), входившие в Организацию Варшавского договора. Для анализа были взяты случаи общенациональных выборов — мажоритарных президентских и пропорциональных парламентских (нижняя палата для бикамеральных; в случае смешанной системы мажоритарная часть не учитывалась). В большинстве случаев данные были опубликованы в виде отдельных веб-страниц, и для их агрегации автору пришлось разрабатывать специализированные программы на языке Perl. В некоторых случаях использовались файлы данных, опубликованные центральными избирательными комиссиями стран (или аналогичными структурами).

К сожалению, несмотря на то, что публикация подробных результатов выборов в сети Интернет сейчас становится все более популярной, далеко не все страны могут похвастаться архивами, которые охватывали бы период 1990-х, а иногда и 2000-х гг. В большинстве случаев публи-

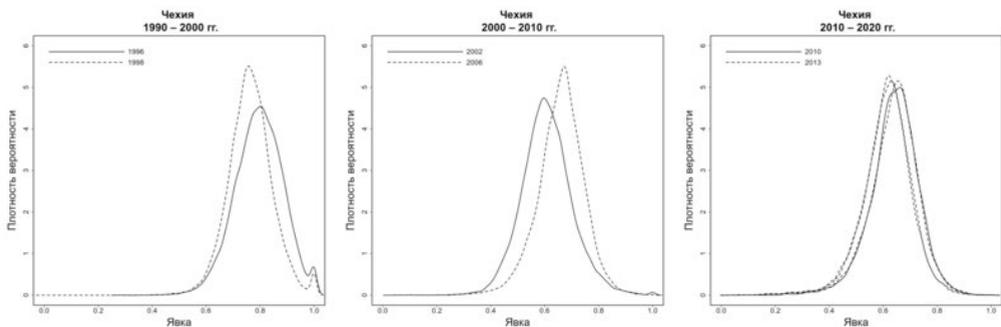

Рисунок 3. Распределение явки на уровне избирательных участков, Польша

кация начинается с середины или даже с конца 2000-х, а данные о более ранних выборах не публикуются вовсе или публикуются в крайне фрагментарном виде (например, только в виде результатов по стране в целом). Тем не менее можно подобрать достаточно представительную группу стран, архивы электоральной статистики которых уходят в прошлое на достаточную глубину. Прежде всего это Румыния и Эстония (данные доступны с начала 1990-х), Чехия и Литва (данные доступны с середины 1990-х), а также Польша (с начала 2000-х). С середины 2000-х стали публиковать данные на уровне УИК и остальные страны. В Латвии же, несмо-

тря на регулярную публикацию данных с конца 1990 гг., традиционно не указывают списочную численность избирателей на участках, что не дает вычислить явку на этом уровне, поэтому она была исключена из рассмотрения. Общие характеристики данных электоральной статистики исследуемых стран приведены в табл. 1.

Мы видим, что в части стран средний участок для голосования обслуживает небольшое количество избирателей (около полутысячи), а в других — примерно вдвое больше. Аналогично для числа участков: в некоторых странах их количество велико (десятки тысяч), в других — на порядок меньше. В рассматриваемой подборке

Рисунок 4. Распределение явки на уровне избирательных участков, Чехия

Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий

представлены почти все варианты сочетаний: большое число крупных участков (Польша, Румыния), большое число малых участков (Болгария, Венгрия, Чехия), малое число крупных участков (Литва, Эстония). Сочетание малой величины участка

и их малого количества не реализуется, но и по европейским меркам оно соответствовало бы карликовому государству с примерно 250 тыс. избирателей, т. е. в три раза меньше Эстонии.

**Таблица 1. Средняя списочная численность избирателей
и число участков для голосования**

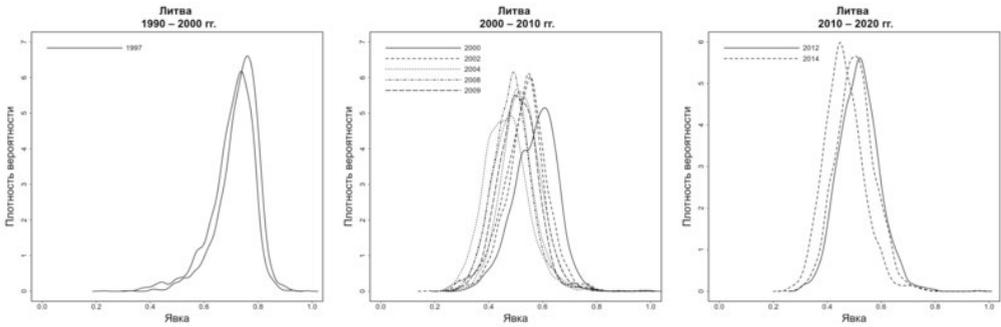
Страна	Выборы, число случаев	Среднее количество избирателей на участке	Среднее число участков для голосования
Албания	2	594	5133
Армения	4	1243	1951
Болгария	6	583	11633
Венгрия	3	749	10741
Грузия	2	1000	3648
Литва	9	1299	2024
Молдавия	2	1427	1972
Польша	8	1170	25711
Румыния	12	1073	16810
Словакия	2	740	5968
Украина	8	1093	32647
Чехия	7	561	14778
Эстония	7	1305	622

Также следует отметить, что в отличие от остальных стран Венгрия, Эстония и Чехия представляют собой парламентские республики без прямых выборов президента (в Чехии президент был выбран на прямом всенародном голосовании в 2013 г. впервые; прямые президентские выборы 2016 г. в Молдавии не рассматривались). Румыния и Литва — парламентско-президентские республики. Таким образом, в рассматриваемой группе стран оказалось представленным и некоторое разнообразие форм государственного правления. Наконец, часть рассматриваемых выборов по пропорциональной системе проходила с использованием открытых списков, а часть — закрытых.

Итак, соответствует ли распределение числа избирательных участков по уровню достигнутой на них явки распределению Гаусса? Для оценки формы распределений,

помимо визуального сравнения кривых ядерной оценки плотности вероятности, были использованы коэффициенты асимметрии и эксцесса (с поправкой Пирсона). От нормального распределения ожидаются нулевые значения обоих коэффициентов. Отрицательным значениям асимметрии соответствует смещение основной «массы» графика вправо, положительным — влево. Эксцесс выше нуля означает, что экстремальные значения вносят большой вклад в дисперсию распределения, ниже нуля — что основной вклад в дисперсию принадлежит большому числу незначительных отклонений от средней.

В результате сравнения оказалось, что типовое распределение действительно существует, но для большинства стран и случаев его характеристики отличаются от нормального (Рис. 1 и 2; пунктиром обозначены средние значения параметра для

Рисунок 5. Распределение явки на уровне избирательных участков, Литва

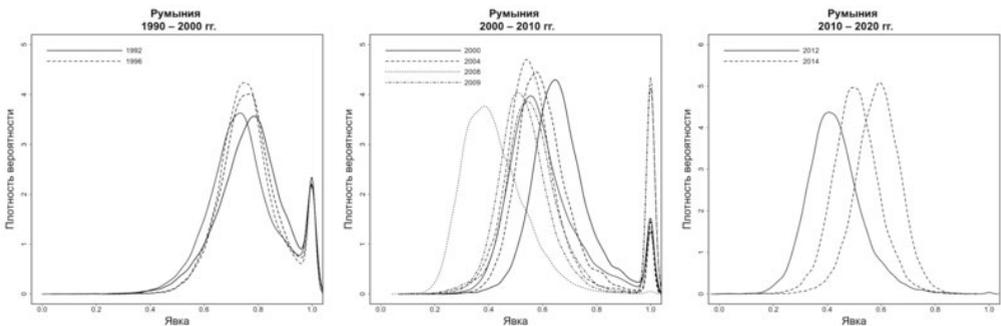
всех случаев).

Можно уверенно говорить о том, что в общем случае распределение характеризуется значениями эксцесса выше нуля (Рис. 2). Аномальными являются как раз случаи в Армении и Украине, когда эксцесс был примерно равен нулю. С точки зрения симметрии графика нормой является или симметричность (Литва, Польша, Украина, Эстония), или небольшое смещение основной массы графика вправо (Венгрия, Грузия, Словакия, Чехия). Смещение влево — характерное для Армении, Болгарии, Молдавии и частично Румынии — является наименее распространенным вариантом.

Таким образом, мы видим, что в свойствах электоральной статистики действительно прослеживаются некоторые универсальные черты — пусть и в рамках конкретной группы стран. Однако описание распределений с помощью коэффициен-

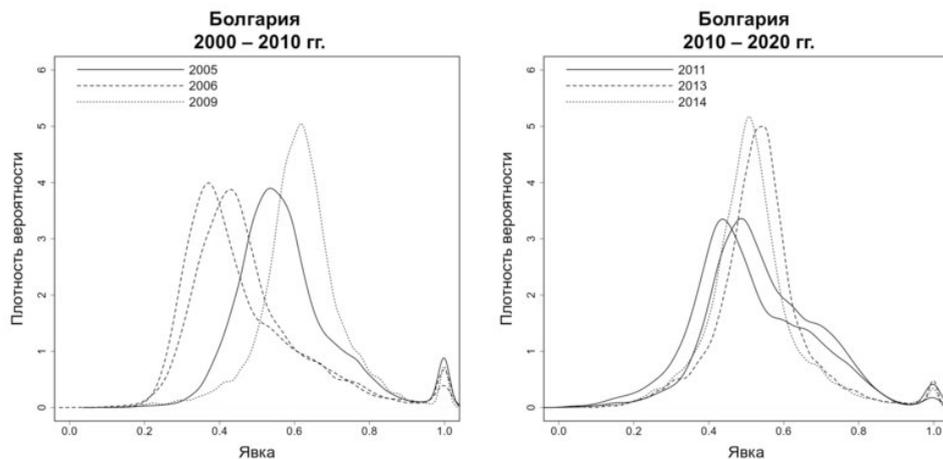
тов не является достаточно наглядным. Далее будут рассмотрены некоторые наиболее интересные и представительные примеры с помощью более наглядных графиков.

Для оценки свойств распределения явки (на уровне избирательных участков) было также использовано сопоставление кривых ядерной оценки плотности вероятности. Ядерная оценка плотности вероятности (далее ЯОПВ) — непараметрический метод для оценки функции плотности распределения случайной величины [19]. В отличие от гистограмм, результат применения ЯОПВ представляет из себя отдельные кривые, которые легко сравнивать между собой (пример их соотношения можно найти в левых частях графиков 1 и 2). В то же время такой подход снимает необходимость обосновывать адекватность идентификации наблюда-

Рисунок 6. Распределение явки на уровне избирательных участков, Румыния

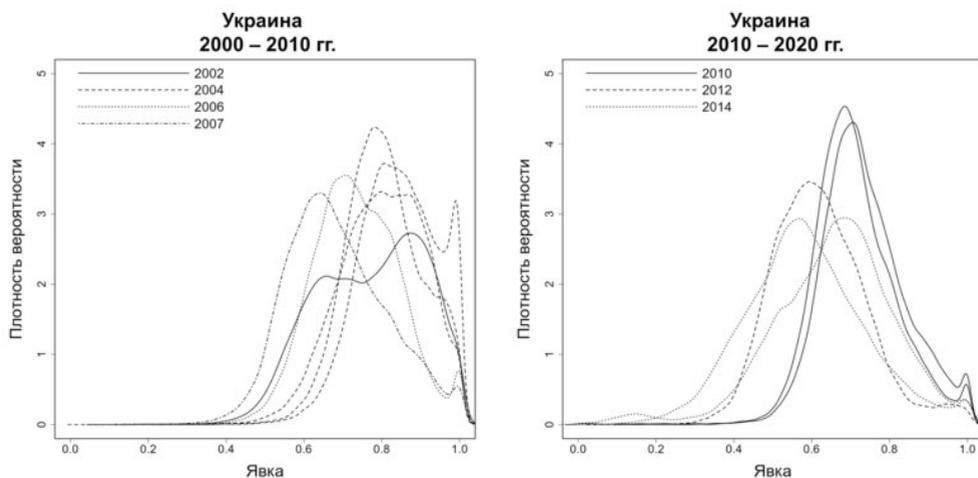
Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий

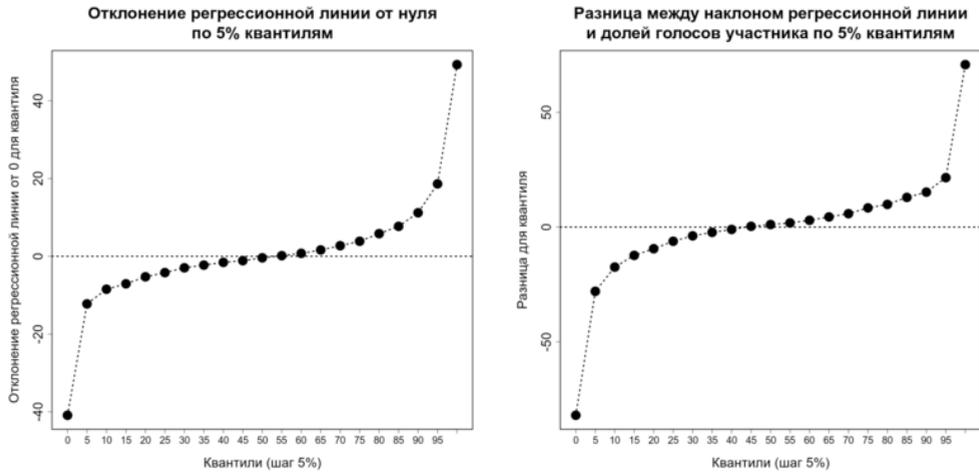
Рисунок 7. Распределение явки на уровне избирательных участков, Болгария

емого распределения, что являлось бы существенной проблемой при подборе параметрических распределений. Пример сравнения кривых ЯОПВ представлен на рис. 3 (Польша). На этом графике мы видим довольно однотипные симметричные кривые, которые мы ожидали бы увидеть от нормально распределенной величины. Однако, насколько «стандартными» являются такие распределения? Изменялись ли они с течением времени? Ответить на этот вопрос можно только в сравнительной перспективе, что и будет сделано далее.

На последующих графиках распределения участков для голосования по уровням явки в отдельных странах будут представлены по декадам; в результате для большинства стран случаи делятся на примерно равные группы. Поскольку не во всех странах доступна информация о выборах в 1990 г., то в некоторых случаях представленными оказываются только две декады (2000–2010 гг. и с 2010 по настоящее время). В рамках каждой декады кривые ЯОПВ для проведенных в эти годы выборов наложены друг на друга (президентские выборы — в случае проведения

Рисунок 8. Распределение явки на уровне избирательных участков, Украина

Рисунок 9. Отклонение параметров регрессионных моделей от ожидаемых значений

второго тура — дают две кривые).

Ближе всего к ожидаемым показателям оказались распределения явки в Польше (Рис. 3). После 2004 г. наблюдается некоторое снижение уровня явки (что видно по смещению пика кривых ЯОПВ влево), но затем она снова растет и к 2015 стабилизируется в районе 50 %. Форма распределения симметричная, «хвосты» распределения тонкие. Средняя асимметрия распределений равняется 0,1; коэффициент эксцесса (здесь и далее указывается с поправкой Пирсона) в среднем составляет 1,57. Таким образом, распределения похожи на нормальные в том, что являются симметричными относительно вершины, но в то же время отличаются тем, что общая дисперсия распределения в большей мере определяется редкими экстремальными значениями (а не большим количеством умеренных отклонений от средней).

Аналогичная траектория наблюдается и для явки в Чехии (Рис. 4): явка в 1990 гг. была существенно выше, чем в последующих. Несмотря на то, что в 2010-х наблюдается смещение явки в область более высоких значений, до уровня 1990 гг. она не доходит. Коэффициент асимметрии для распределений в Чехии в среднем составляет — 0,42. Коэффициент эксцес-

са оказался равен 1,94. При этом в Чехии более ранние распределения носят слабо выраженный бимодальный характер — в области высоких значений (~100 %) наблюдается вторая, хотя и небольшая по величине, вершина. Аналогичный пик можно рассмотреть и в распределениях, наблюдаемых на выборах в Польше, но там он выражен гораздо слабее. В его наличии, впрочем, нет ничего удивительного — всегда существуют участки, где высокая явка получается совершенно естественным образом (например, на кораблях или в больницах). Более странным является то обстоятельство, что после середины 2000-х такие участки в Чехии исчезли.

В Литве можно наблюдать иную тенденцию: явка, снизившись в целом по сравнению с 1990 гг., в 2000-х зафиксировалась в районе одних и тех же значений (Рис. 5). При этом хорошо видно, что форма распределений воспроизводится из года в год с большой точностью. Интересным моментом является наличие более тяжелого «хвоста» слева (а не справа) у распределений на выборах 1997 г. Средняя же асимметрия распределений равна 0,03, а эксцесс — 1,33. По этим параметрам распределения в Литве ближе к распределению Гаусса, чем рассмотренные выше.

Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий

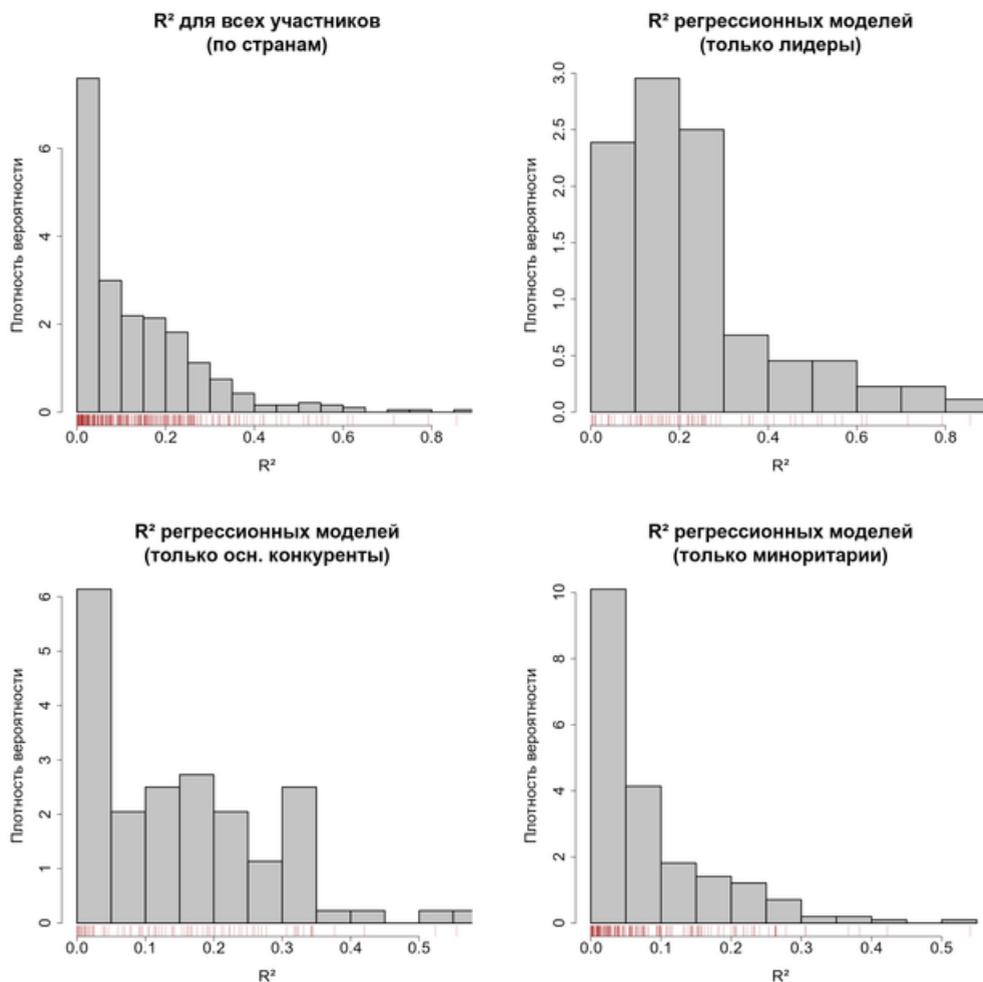
Итак, несмотря на то, что с точки зрения тенденций в изменении уровня явки, в пяти рассмотренных выше странах наблюдается различная картина, характер распределения явки остается аналогичным. То есть безотносительно уровня активности избирателей совокупный результат их поведения имеет одни и те же статистические характеристики (в т. ч. как до, так и после вступления в ЕС; как на выборах парламента, так и президента). Это наблюдение могло бы показаться тривиальным, если бы на фоне этого единообразия свойств распределения явки на избирательных участках не выделялось два исключения: Румыния и Болгария. Несмотря на то, что в случае Румынии (Рис. 6) можно обнаружить те же тенденции к постепенному снижению явки, в распределениях явки мы видим нечто, чего в других странах не наблюдалось: «толстый» правый хвост распределения. Сразу следует оговориться, что второй пик на значении явки в 100 % во многом вызван техническими причинами: в архиве электоральных данных Румынии за более ранние годы указывалась только списочная численность зарегистрированных на территории участка избирателей; для многих участков она была равна нулю (как, например, в случае избирательных участков на вокзалах). Для таких УИК явка по необходимости принималась равной 100 %. Однако большое число участков с явкой, приближающейся к 100 %, артефактом обработки данных не является.

Румыния вошла в Европейский союз в 2007 г. И на выборах 2008 г. впервые исчезает второй пик графика в правой части. Кроме того, постепенно сходил на нет и правый «хвост» распределения в целом. На выборах 2009 г. вторая вершина графика, впрочем, снова проявляется — уже в последний раз, и не сопровождаясь «толстым» правым хвостом (следовательно, в большей мере являясь артефактом представления данных). После 2009 г. распределение участков по уровню явки становится идентичным тому, что можно

было зафиксировать в остальных странах. В результате средняя асимметрия распределений в Румынии оказывается одной из максимальных (уступая только Болгарии) и равна 0,56. Средний эксцесс при этом равняется единице.

На фоне всех остальных стран (включая и Румынию) Болгария (Рис. 7) показывает совершенно уникальную картину. Некоторые распределения имеют не две, а три вершины: в районе собственно среднего значения явки (в середине графика), в области максимальных значений (100 %) и между ними (выраженную слабее) (в особенности 2011 г., первый и второй туры выборов президента). В то же время распределения, наблюдавшиеся в 2013 и 2014 гг. аналогичны распределениям в других странах. Следует отметить также, что с течением времени снижается количество участков, на которых фиксируется 100 % явка. Средняя асимметрия распределений в Болгарии максимальна и составляет 0,8.

Кроме того, появление «промежуточной вершины» не связано с типом выборов — ее можно заметить в распределениях 2011 г. (выборы президента) и 2005 г. (парламентские выборы). Можно отметить также, что форма распределения заметно меняется в течение года или двух. Если бы подобное распределение было порождено сочетанием в Болгарии двух типов электората (с «обычной» явкой и со склонностью к более высокой явке), то можно было бы ожидать устойчивого воспроизведения соответствующего паттерна — такого рода группы обычно связываются с социальными расколами (например, город — село), а их структура обладает большой инерцией и не склонна к постоянному изменению. В качестве аналогичного случая можно привести страну, которая также шла по пути обратной трансформации и демократичность выборов в которой неоднократно становилась спорным вопросом, — Украину (Рис. 8). Здесь наблюдается большое разнообразие форм распределений, которое сложно

Рисунок 10. Величина R² для регрессионных моделей (в целом и по категориям участников выборов)

было бы объяснить только неоднородностью электората — в таком случае требовались бы также факторы, которые приводили бы к постоянному изменению его характеристик. Особенно яркие различия между распределениями, наблюдавшимися в 2004 г., когда в течение трех месяцев украинский электорат три раза повел себя совершенно различным образом.

Начиная с 2010 г., можно также наблюдать тенденцию распределений к тому, чтобы сблизиться с теми, что были обнаружены в других странах. И, очевидно, эти изменения нельзя объяснить событиями

2014–2015 гг., когда в электоральной статистике Украины перестали быть представлены регионы, с «уникальностью» электората которых можно было бы связать предшествовавшие аномалии.

Можно сделать предварительный вывод о том, что в подавляющем большинстве рассмотренных стран тенденции в электоральном поведении граждан схожи: на парламентских и президентских выборах распределение активности граждан по избирательным участкам одинаково, и форма распределения воспроизводится с большой точностью из года в год даже в

Сравнительный анализ данных электоральной статистики и выявление электоральных аномалий

разных странах. Может изменяться средний уровень явки (положение вершины графика), но характеристики распределения остаются в одних и тех же (довольно узких) пределах. За исключением Румынии, мы не наблюдаем перекоса в сторону больших уровней явки — но в Румынии можно также отметить и последовательную трансформацию распределений, в результате которой картина электоральной активности в этой стране сблизилась с «типовой». Был ли массивный «правый» хвост распределения наследием коммунистического режима или результатом фальсификаций, сейчас сказать затруднительно. Но в любом случае эти аномалии с течением времени сошли на нет. Это наблюдение согласуется как с демократизацией электоральных институтов, так и с нормализацией электорального поведения избирателей. Этот вопрос, безусловно, должен быть исследован полнее в дальнейшем.

Картина, наблюдаемая в Болгарии, напротив, не поддается разумному объяснению. В некоторых случаях избиратели этой страны ведут себя так же, как и в соседних, — особенно на выборах в 2013 и 2014 гг. В других почему-то проявляют совершенно иные свойства, как если бы электорат страны был разделен на две группы с существенно разной склонностью к абсентеизму. При этом переходы от одной модели к другой происходят быстро и резко и не зависят от типа выборов. В то время как объяснить такие метаморфозы изменением самих избирателей затруднительно, на подозрения в искусственном их характере наводит параллель с распределениями, наблюдавшимися на Украине. Там резкие смены видов распределений сопутствовали беспрецедентным скандалам относительно фальсификации результатов выборов. Поэтому из рассмотренных выше стран Болгария более, чем какая-либо иная страна, заслуживает пристального внимания исследователей.

Второй подвергнутой проверке гипотезой стало предположение о том, что в нормальных условиях результаты канди-

датов не зависят от уровня явки на участке. Это предположение является основой, например, метода Собянина-Суховольского, использующего линейную регрессию для анализа связи между явкой и долей голосов (относительно списочной численности избирателей), набранных участниками выборов. Здесь предполагается, что в нормальных условиях константа регрессионного уравнения (т. н. СРЛ) будет равна нулю, коэффициент наклона (т. н. ПДИ) будет соответствовать итоговой доле голосов, набранных участником выборов, а объяснительная сила регрессионной модели будет невелика (значение коэффициента детерминации R^2 будет малым). Этот метод и был применен к имеющимся данным.

На рис. 9 отражено расхождение наблюдаемых показателей регрессионных прямых с ожидаемыми для 5 % квантилей из числа рассматриваемых моделей. Можно отметить, что в целом предположения о характере регрессионных моделей соответствуют эмпирическим данным: прямые проходят близко к началу координат (разница между СРЛ и 0 обычно невелика), а коэффициент наклона в целом соответствует доле голосов, полученных участником. Конечно, идеального соответствия не наблюдается, но для подавляющего большинства 5 % квантилей расхождение крайне мало, и резко возрастает только для 5 или 10 % наиболее экстремальных случаев.

На рис. 10 представлены результаты регрессионного анализа для участников выборов (партий и кандидатов) в рассматриваемых странах. Как и следовало ожидать — объяснительная сила моделей в подавляющем большинстве случаев крайне мала. Только для единичных случаев регрессионная модель смогла объяснить более половины дисперсии. В 95 % моделей доля объясненной дисперсии составила менее 0,395. При этом наиболее «хорошо» объясняемые случаи (т. е. с аномально высокими значениями R^2) относятся к лидерам выборной гонки, и только в двух случаях — к их главным конкурентам (т. е. тем участникам, которые в итоге заняли

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

второе место по числу голосов). Всего в одном случае R^2 превысил 0,5 для миноритарного участника, а в целом среди моделей миноритариев доминируют предельно низкие значения коэффициента детерминации.

Оставшейся гипотезой стало предположение о том, что в полученных «естественным образом» данных электоральной статистики распределение цифр в различных разрядах чисел соответствует закону Ньюкомба-Бенфорда, а в искаженных данных — нет. Кроме закона Ньюкомба-Бенфорда была проверена его модификация, предложенная Л. Перикки и Д. Торресом [18] и призванная учесть ограничение на диапазон допустимых значений (в силу ограниченного количества избирателей на участках). Также для первой цифры чисел было проверено соответствие наблюдаемых частот закону Стиглера [11]. Наконец, была проверена альтернативная методика, предложенная Б. Бебером и А. Скакко [1], заключающаяся в том, что распределение парных цифр в двух последних разрядах чисел должно отличаться от естественного (в качестве которого они полагали равновероятное) в случае, когда данные генерируются человеком, пытающимся создать видимость «случайных чисел». В этом случае полученные частоты были сопоставлены также с предсказываемыми законом Ньюкомба-Бенфорда (использовался принцип вычисления ожидаемой вероятности в совокупности чисел различной разрядности, предложенный Л. Лееманном и Д. Бохслером [12]). На этом этапе исследования оказалось возможным учесть также данные из Латвии, доведя число исследуемых стран до 14.

Все вышеперечисленные тесты потерпели неудачу. G-тест (тест максимального правдоподобия; тест χ^2 является его аппроксимацией) по первому разряду (для результатов всех участников вместе взятых) для закона Ньюкомба-Бенфорда из 98 случаев (различные туры президентских выборов учитываются отдель-

но) прошли только 2, по второму разряду — 16, по последнему разряду — 10. Для закона с поправкой Перикки-Торреса результаты составили соответственно 0,6 и 3 случая. Совпадения с равновероятным распределением наблюдались в 17 случаях, но только для последних разрядов. Наконец, частоты парных цифр на концах чисел совпали с ожидаемыми по закону Ньюкомба-Бенфорда в 11 случаях, по нему же с поправкой Перикки-Торреса в 47 случаях, и с ожидаемыми при равновероятном распределении — в 37 случаях. Нужно также отметить, что, например, все парламентские выборы и все первые туры президентских выборов в Польше тест по исходной методике Бебера-Скакко не прошли, а все вторые туры президентских выборов — прошли. Очевидно, что это является результатом разного уровня фрагментации, которая никак не учитывается такого рода тестами, а не тем, что в Польше повально фальсифицируют выборы, но только при числе участников больше двух.

Следовательно, как раз совпадение частот появления цифр в том или ином разряде с предсказываемыми законом Ньюкомба-Бенфорда (а равно и иными протестированными законами) является аномалией, а отсутствие совпадения — нормой. Этот результат согласуется с предыдущими работами [5], опровергавшими принципиальную применимость закона Бенфорда для анализа электоральной статистики. Впрочем, это оставляет возможность использования такого подхода в случае выявления дальнейшими исследованиями истинного закона распределения цифр, если таковой в принципе существует. В то же время перспективы анализа свойств явки и зависимостей между показателями электоральной статистики выглядят гораздо более оптимистично. Мы могли наблюдать, что в этих областях прослеживается общность характеристик для большинства рассмотренных случаев выборов, а расхождения с ожидаемыми значениями являются редкими и заслуженно претендующими на статус аномальных.

Сравнительный анализ данных электоральной статистики
и выявление электоральных аномалий

Литература

1. *Beber B., Scacco A.* What the Numbers Say: A Digit-Based Test for Election Fraud // *Political Analysis*. — 2012. — Vol. 20. — P. 211–234.
2. *Borghesi C.* Election Turnout Statistics in Many Countries: Similarities, Differences, and a Diffusive Field Model for Decision-Making / *Borghesi C., Raynal J. — C., Bouchaud J. — P.* // *PLoS ONE* — 7 (5). — 2012. — P. e36289.
3. *Borghesi C.* Spatial correlations in vote statistics: a diffusive field model for decision-making / *Borghesi C., Bouchaud J. — P.* // *Eur. Phys. J. B.* — 2010. — Vol. 75. — P. 395–404.
4. *Deckert J.* Patterns of Fraud: Tools for Election Forensics. University of Oregon. — 2013. — URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/handle/1794/13331>.
5. *Deckert J., Myagkov M., Ordeshook P. C.* The Irrelevance of Benford's Law for Detecting Fraud in Elections // *Caltech/MIT Voting Technology Project Working Paper*. — 2010. — № 9.
6. *Ferwerda J.* Electoral consequences of declining participation: A natural experiment in Austria // *Electoral Studies*. — 2014. — Vol. 35. — P. 242–252.
7. *Filho C.* Brazilian elections: voting for a scaling democracy / *Costa Filho, R. N.; Almeida, M. P.; Moreira, J. E.; Andrade, J. S.* // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. — 2003. — Vol. 322. — P. 698–700.
8. *Fortunato S.* Scaling and Universality in Proportional Elections / *Fortunato S., Castellano C.* // *Phys. Rev. Lett.* — 99. — 2007. — 138701. — 4 p.
9. *Gradowski T. M.* Statistical Properties of the Proportional Voting Process / *Gradowski T. M., Kosinski R. A.* // *ACTA PHYSICA POLONICA A*. — 2008. — Vol. 114. — № 3. — P. 575–580.
10. *Hyde S. D.* Catch Us If You Can: Election Monitoring and International Norm Diffusion // *American Journal of Political Science*. — April 2011. — Vol. 55. — № 2. — P. 356–369.
11. *Lee J., Tam Cho W. K., Judge G. G.* Stigler's approach to recovering the distribution of first significant digits in natural data sets // *Statistics & Probability Letters*. — 2010. — Vol. 80. — Issue 2. — P. 82–88.
12. *Leemann L., Bochsler D.* A systematic approach to study electoral fraud // *Electoral Studies*. — 2014. — Vol. 35. — P. 33–47.
13. *Lijphart A.* Unequal Participation: Democracy's Unresolved Dilemma // *The American Political Science Review*. — Vol. 91. — № 1 (Mar., 1997). — P. 1–14.
14. *Linder W.* *Swiss Democracy: Possible Solutions to Conflict in Multicultural Societies* (Third Edition). — Palgrave Macmillan. — New York. — 2010.
15. *Little A. T.* Fraud and Monitoring in Non-competitive Elections // *Political Science Research and Methods*. — Vol. 3. — Issue 01. — January 2015. — P. 21–41.
16. *Lyra M. L.* Generalized Zipf's law in proportional voting processes / *Lyra, M. L., Costa, U. M. S., Costa Filho, R. N., Andrade (Jr), J. S.* // *Europhysics Letters*. — 2003. — Vol. 62. — P. 131.
17. *Nigrini M. J.* *Benford's law: applications for forensic accounting, auditing, and fraud detection*. — John Wiley & Sons, Inc. — Hoboken, New Jersey. — 2012. — 330 p.
18. *Pericchi L., Torres D.* Quick Anomaly Detection by the Newcomb-Benford Law, with Applications to Electoral Processes Data from the USA, Puerto Rico and Venezuela // *Statistical Science*. — 2011. — Vol. 26. — № 4. — P. 502–516.
19. *Silverman B.* *Density estimation for statistics and data analysis*. — Chapman and Hall. — London. — 1986. — 175 p.
20. *Simpser A., Donno D.* Can International Election Monitoring Harm Governance? // *The Journal of Politics*. — Vol. 74. — № 2. — April 2012. — P. 501–513.
21. *Tóka G., Popescu M.* Inequalities of Political Influence in New Democracies // *International Journal of Sociology*. — Vol. 37. — № 4, Causes and Consequences of Political Inequality in Cross-National Perspective (Winter, 2007/2008). — P. 67–93.

Президентские избирательные кампании в Республике Беларусь: комплексный анализ

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу результатов и последствий электоральных кампаний в Республике Беларусь в постсоветский период социально-политического развития. Конструируется логика и последовательность электоральных процессов, следствием которых выступило формирование социально-ориентированного государства с сильной президентской властью. Анализируются результаты преимущественно президентских электоральных кампаний.

Ключевые слова: Республика Беларусь, выборы, электоральный процесс, президент, постсоветское пространство.

Авторы

Посталовский Александр Владимирович

Научный сотрудник
Центра социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
(Минск, Республика Беларусь)

Посталовская Ольга Александровна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
Белорусского государственного
экономического университета
(Минск, Республика Беларусь)

Распад СССР оказал значительное влияние на формирование электорального процесса в государствах постсоветского пространства. Взамен советской формы циркуляции правящей политической элиты, заключающейся в латентной борьбе организованных

групп интересов и клиентел партийного аппарата, на первый план вышли электоральные кампании как легитимные инструменты социально-политических трансформаций. Введение института выборов главы государства стало необходимым атрибутом функционирования

Президентские избирательные кампании в Республике Беларусь: комплексный анализ

политических систем новых государств и фактором формирования среды для легитимной трансформации правящих элит, участниками которой становятся не только сами акторы политического поля, но и непосредственные участники избирательного процесса (электорат).

Двадцатипятилетний период функционирования новых независимых государств постсоветского пространства представляется содержательным в истории президентских и парламентских избирательных кампаний. В ряде стран бывшего СССР результаты электоральных кампаний приводили к самым разным последствиям, начиная от «революции роз» в Грузии (2003), «оранжевой революции» в Украине (2004), «тюльпановой революции» в Киргизии (2005), заканчивая формированием авторитарных моделей в государствах среднеазиатского региона (Туркмения, Узбекистан). Сформированные посредством народного волеизъявления институты управления государством нередко вступали в конфликт между собой (противостояние исполнительной и законодательной власти) относительно распределения властных полномочий в государстве (события 3–4 октября 1993 г. в Москве, противостояние Верховного Совета Беларуси и президента в ноябре 1996 г., «сиреневая революция» в Молдове 7 апреля 2009 г. и др.). Результаты и последствия электорального процесса в указанных контекстах представляются важнейшим аналитическим конструктом, позволяющим объяснить логику развития политического поля в конкретном государстве. В настоящей статье представляется актуальным рассмотрение белорусского варианта президентских электоральных кампаний и их влияния на формирование модели социально-ориентированного государства, которую мы можем наблюдать в настоящее время.

Белорусский вариант президентских электоральных кампаний является уникальным для постсоветского простран-

ства. С одной стороны, в Беларуси позже всех (10 июля 1994 г.) государств бывшего СССР был избран президент. К этому времени в отдельных государствах постсоветского пространства уже прошло несколько президентских электоральных кампаний, вследствие которых в первые годы независимости в странах сменилось несколько президентов (избрание А. Муталибова (1991), А. Эльчибея (1992) и Г. Алиева (1993) в Азербайджане; Р. Набиева (1991) и Э. Рахмона (1994) в Таджикистане; Л. Кравчука (1991) и Л. Кучмы (1994) в Украине). С другой стороны, результаты электоральных кампаний в Беларуси демонстрируют стабильность функционирования местной политической системы и сохранение высокого рейтинга действующего президента среди населения, в то время как в ряде окружающих Беларусь государств результаты электорального процесса не всегда носили однозначный характер и в ряде случаев приводили к дестабилизации социально-экономической и политической обстановки.

Институт президента начал формироваться в союзных республиках в период поздней перестройки (1990–1991 гг.), выступая результатом номенклатурного конфликта региональных (республиканских) политических элит и союзного центра. Снижение роли КПСС в государственном управлении обусловило введение института президента как наивысшей ступени во властной вертикали. Введение института президента усиливало центробежные тенденции в федеративном союзном государстве, учитывая стремление региональных (республиканских) политических элит к автономии и последующему отдалению от союзного центра. Избрание Президентом РСФСР Б. Н. Ельцина 12 июня 1991 г. дестабилизировало отношения центра и субъектов союзной федерации, учитывая тот факт, что Президент СССР М. С. Горбачёв был избран на свою должность Съездом народных депутатов, что ставило главу Советского Союза в заведомо проигрышное положение.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

К началу декабря 1991 г. на президентские должности в республиках пока еще действующие союзного территориального пространства были избраны Б. Ельцин (Россия), Р. Набиев (Таджикистан), А. Акаев (Киргизия), Л. Кравчук (Украина), С. Ниязов (Туркмения), А. Муталибов (Азербайджан), Л. Тер-Петросян (Армения), З. Гамсахурдия (Грузия). Получение мандата пусть и не всегда в конкурентных условиях, но все же посредством участия в избирательной кампании способствовало окончательной дезорганизации прежних отношений союзного центра с республиками. Президент СССР в сложившейся обстановке стал фактически номинальной фигурой, который логичным образом подал в отставку 25 декабря 1991 г., ознаменовав окончательный распад некогда единого союзного территориального пространства.

В Республике Беларусь сложилась несколько иная ситуация в отличие от абсолютного большинства государств бывшего СССР. Здесь не было акцентированной конфликтной модели взаимоотношений с союзным центром по примеру государств прибалтийского региона. Национальное движение находилось в эмбриональном состоянии, которое априори не предполагало радикальной политической направленности. Здесь не было своего «Саюдиса» (Литва) или «Руха» (Украина), а сформированный З. Позняком в 1988 г. Белорусский Народный Фронт выступал скорее социокультурной общественной организацией, нежели радикальной политической силой. Даже в период наибольшей популярности возрожденного национального движения (1989–1991 гг.) представители БНФ получили лишь 37 мандатов в Верховном Совете БССР XII созыва (выборы 4 мая 1990 г.) среди допустимых 345 мест.

Реальная власть принадлежала консервативной партийно-хозяйственной номенклатуре, которая не стремилась к восприятию себя в качестве правящей элиты независимого государства, предпочитая

сохранение крепких связей с союзным центром. Создание ГКЧП 19 августа 1991 г. было полностью поддержано правящей элитой. Политическая автономизация республики в конфигурации новой выстраиваемой вертикали взаимоотношений союзного центра и регионов не ставилась в качестве приоритетной задачи. Для населения Беларуси в своем абсолютном большинстве были характерны консервативные ценностные ориентации, содержанием которых было ментальное неприятие одномоментного отказа от советского прошлого и привычного жизненного уклада, который предполагал стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Как отмечает Ю. В. Шевцов, «успешная индустриализация вела к усилению позиций внутри БССР директората крупных промышленных предприятий и к усилению зависимости белорусских областных и республиканских элит от промышленных гигантов, к поглощению остальных белорусских социальных групп промышленными гигантами и связанными с ними фрагментами социума» [3. — С. 200]. Промышленный уклад повседневности и социальных практик предполагает размеренный ритм личностного сознания, который функционирует на основе заданного алгоритма. Данная установка априори не предполагает стремления к кардинальным изменениям и переменам, которые были характерны для эпохи поздней перестройки. Перемена, трансформация, изменение в данном случае не предполагали наличие риска и неопределенности, в отличие от населения той же Литвы, которое готово было преодолевать все потенциальные угрозы и лишения переходного периода ради реализации идеи национальной независимости и стремления к европейской интеграции [2. — С. 86].

Кроме того, необходимо отметить такой важный (и где-то даже смежный) аспект как милитаризация общества. Белорусский военный округ был одним из самых многочисленных и передовых в плане боевой подготовки ввиду преду-

Президентские избирательные кампании Республике Беларусь: комплексный анализ

преждения потенциальной угрозы со стороны западного стратегического направления. Военная среда, включающая в себя не только офицерский и личный состав, но и обслуживающий персонал и членов их семей, так же как и промышленные социальные группы, не были склонны идти в направлении «ветра перемен» перестроечной эпохи. По меткому замечанию писателя А. Адамовича, Беларусь в конце 1980 г. являлась «Вандеей Перестройки» — консервативным обществом, которое всячески отвергало даже малейшие попытки социетальной трансформации и потенциальные изменения сложившегося уклада.

Местная правящая элита также отличалась консерватизмом и нежеланием менять что-либо вокруг себя. Наглядной иллюстрацией могут служить Беловежские соглашения 8 декабря 1991 г., когда статус президента, избранного посредством народного волеизъявления, имели главы России и Украины, в то время как лидер Беларуси С. С. Шушкевич являлся Председателем Верховного Совета.

В Беларуси не было радикальной трансформации правящей политической элиты по примеру России, которая де-факто ликвидировала союзный государственный аппарат после событий 19–21 августа 1991 г. Так же как и не был реализован по понятным причинам прибалтийский сценарий, предполагавший полный отказ от советского прошлого. Избранный в 1990 г. Верховный Совет XII созыва состоял преимущественно из представителей партийной номенклатуры, которая не была ориентирована на радикализацию отношений с союзным центром. По сути, в 1992 г. с момента обретения Республикой Беларусь статуса независимого государства, правящая элита не претерпела кардинальных кадровых изменений, как это было в ряде государств постсоветского пространства. И в 1993, и в 1994, и даже в первые годы президентских полномочий А. Г. Лукашенко белорусский политический истеблишмент, по сути, и

в кадровом, и в ментальном плане, оставался таким же, как и в середине 1980 г. «Принцип домино» в контексте постсоветских социально-политических трансформаций в отношении Беларуси не работал по причине взаимного консерватизма правящей элиты и населения, которые желали не создания нового, а сохранения и, по возможности, возвращения старого. «Если для коммунистических стран Центральной Европы, — отмечает В. И. Карбалевич, — республик Балтии достаточно было слабого сигнала из столицы ССР, чтобы прежние режимы быстро развалились, то в Беларуси, наоборот, общество всячески сопротивлялось изменениям из центра» [1. — С. 103]. «Импорт реформ» (по Карбалевичу) оказался просто не принят местным ценностным сознанием. В условиях распада единых экономических и хозяйственных связей с последующим переходом к рыночным отношениям привычная промышленно-милитаризованная повседневность испытывала кризисное состояние.

Введение института президента и выборной процедуры его избрания в большинстве стран бывшего СССР выступало закономерным результатом социально-политических трансформаций поздней перестройки, выразившейся в конфликте региональных (республиканских) политических элит с союзным центром. В Республике Беларусь введение института президента в 1994 г. было обусловлено, прежде всего, необходимостью разрешения конфликта исполнительной и законодательной ветвей власти. Номинальным главой государства выступал Председатель Верховного совета, в то время как реальная власть де-факто принадлежала премьер-министру. По «старинке» главными в стране продолжали оставаться «советы», при этом управленческая вертикаль находилась в руках партийно-хозяйственной номенклатуры. Одномоментный переход к национальному государству и ускоренное формирование конкретно белорусской культурной

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

идентичности были априори невозможны ввиду ментальной неспособности личностной мгновенной трансформации большинства населения и подавляющего количества носителей русскоязычной культуры, всячески отвергавших искусственную «белорусизацию». В изменяющихся условиях внезапно наступившей независимости в проигрышном положении оказались все три сегмента политического поля Беларуси. Верховный Совет погряз в интригах и противостояниях с исполнительной властью, исполнительная власть оказалась неспособна разрешить экономические трудности и вернуть уверенность в завтрашнем дне, патриотическая интеллигенция и национальное движение оказались просто не поняты абсолютным большинством населения. Рынок и неупорядоченность начала 1990-х сформировали социальный запрос на «стремление назад в прошлое» к привычному промышленно-милитаризованному алгоритмичному укладу.

В указанных контекстах развития политического поля Беларуси была названа дата проведения первых президентских выборов — 23 июня 1994 г. Сформированный к этому времени идеологический политический ландшафт состоял из следующих кандидатов в президенты: «национал-патриоты» (З. Позняк), «коммунисты-аграрии» (А. Дубко, В. Новиков), «либералы» (С. Шушкевич), «номенклатура — административный аппарат» (В. Кебич), «протестный электорат» (А. Лукашенко). В условиях недовольства населением «власть имущих» и идеологически родственных с ними политических субъектов («коммунисты-аграрии») основные симпатии электората сосредоточились вокруг А. Г. Лукашенко, который сумел аккумулировать «протестного избирателя» и ностальгию по советскому прошлому. Национал-патриоты в купе с либеральной идеей априори находились в проигрышном для себя положении, сосредоточившись, в основном, на борьбе с командой премьер-министра В. Ф. Кеби-

ча. Результаты первого и, особенно, второго тура президентских выборов позволили высказать тезис о протестно-ментальной революции массового сознания, которая, на первый взгляд, шла вразрез с логикой происходящих политических процессов на постсоветском пространстве. Электоральная революция, вопреки административному ресурсу, в белорусском варианте означает не слом старого и стремление к новому, а «свертывание нового» и возвращение к привычному «старому».

Если избрание Б. Н. Ельцина в России означало победу демократического лагеря и движение к принципиально новой общественно-экономической формации, то убедительная победа на выборах А. Г. Лукашенко ознаменовала возврат в светлое прошлое и отказ от рыночной современной неопределенности. Избирателю не нужна была непонятная утопическая для него либеральная идея, равно как чужды были национально-патриотичные лозунги. Партийно-хозяйственная номенклатура выступала источником всех бед новых реалий независимости. Электорат первого избранного Президента Республики Беларусь был заинтересован, прежде всего, в возвращении привычного уклада, а мода национального движения и демократических реформ 1990-х всячески им отторгалась, чего, в свою очередь, абсолютно не учитывали оппоненты А. Г. Лукашенко.

Несоответствие реальных пожеланий и настроений потенциальной электоральной базы предлагаемым идеологическим программам оппонентов действующего президента выступает характерной чертой национальной оппозиционной среды.

После 1996 г. оппозиция де-факто обрела несистемный статус. Ее представители бойкотировали парламентскую избирательную кампанию 2000 г., практически утратив легитимные рычаги влияния на происходящие в стране процессы. Соответственно, именно с этого периода происходит обратный процесс — укрепление президентской вертикали. Оппозиция оперирует чуждыми для населения иде-

Президентские избирательные кампании Республике Беларусь: комплексный анализ

ологическими конструктами: «свобода», «демократия», «Европа», «рынок», в то время как потенциального избирателя интересует, прежде всего, стабильность, размеренный жизненный уклад и уверенность в завтрашнем дне. Критикуя А. Г. Лукашенко за возврат к советскому прошлому, в то же самое время оппозиция также проявляет себя самым консервативным образом, не желая менять свои идеологемы и программы, заключающиеся в оперировании теоретическими атрибутами либеральной идеи, которая ментально непонятна абсолютному большинству населения. В белорусском варианте важнейшим фактором электорального поведения выступает ценность стабильности и порядка, которой заметно уступает непредсказуемая свобода с последующим в сознании большинства населения потенциальным хаосом.

Начиная с 2001 г., основной задачей оппозиционных кандидатов выступает мобилизация радикально настроенного протестного электората с целью формирования оппонировавшей действующему президенту критической массы. Как правило, предложенная оппозицией стратегия заключается в формировании визуального эффекта массовости протеста правящей элите. При этом, аккумулируя значительное количество своих сторонников в пределах конкретного уличного пространства, лидеры оппозиции не предлагают конкретной программы действий. Во время президентской кампании 2006 г. лидеры оппозиции А. Козулин и А. Милинкевич организовали многотысячный митинг своих сторонников в центре Минска. При этом массовая демонстрация оказалась безрезультатной по своим последствиям ввиду того, что у собравшихся на площади банально не было программы дальнейших действий. В результате акция закончилась визуальной демонстрацией мнимого большинства путем создания визуального эффекта массовости. В концептуальном плане программы и лозунги оппозиции оставались такими же, как и

у либерально-национальных кругов середины 1990-х, — те же «свобода», «рынок», «демократия».

Белорусская оппозиция продолжала сохранять курс на демонстрацию визуального эффекта массового неповиновения с перспективой реализации модного в середине 2000 г. сценария цветных революций. Заявленная стратегия априори была обречена на неудачу ввиду явных негативных последствий реализации «оранжевого» сценария в Грузии, Киргизии, Украине. Учитывая ориентацию большинства населения на стабильное функционирование общества и личной повседневности, у потенциального электората естественным образом формируется ментальное неприятие радикальных политических преобразований. Стремясь соответствовать моде популярных ненасильственных форм циркуляции политических элит (цветная революция по Д. Шарпу), оппозиция совершенно не учитывает особенности менталитета и национальной политической культуры. Так же как в эпоху поздней перестройки в Беларуси не были популярными идеи национального движения и курса конфронтации с союзным центром, так и в XXI в. здесь не работает революционный «эффект домино».

Вторым фактором, затрудняющим влияние оппозиции на происходящие в стране процессы, выступает невозможность выдвижения единого кандидата от оппозиционных сил. Такая модель была частично реализована в 2001 г. (кандидат от оппозиционных сил В. Гончарик, который был одним из лидеров профсоюзного движения, не связанных с национально ориентированными политическими кругами). При этом последующие избирательные кампании (2006, 2010) были фактически озаменованы дополнительной борьбой в среде самих оппозиционных кругов за роль «говорящей головы» — оппонента действующему президенту.

В 2010 г. оппозиция предприняла попытку мобилизации протестного электо-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

рата путем «рассеивания» образа единого кандидата, предлагая массовое выдвижение представителей либерального крыла (Я. Романчук), национального (В. Рымашевский, Г. Костусев, А. Михалевич) и политических радикалов (А. Санников, Н. Статкевич, В. Некляев). Заявленная стратегия предполагала получение каждым из кандидатов условных 5–10 % голосов избирателей, которые в совокупности не позволили бы, по мнению оппозиционных кандидатов, победить А. Г. Лукашенко в первом туре голосования. Создание массовости своих представителей на выборах не привело к тем результатам, на которые рассчитывали представители оппозиции. Протестный электорат был фактически рассеян ввиду отсутствия конкретного кандидата, который в полной мере отвечал бы избирателям, не собиравшимся голосовать за А. Г. Лукашенко. В результате в плане электоральных предпочтений на Октябрьской площади города Минска собрались не сторонники кого-либо из оппозиционных кандидатов, а противники действующего президента, которые всегда будут голосовать против него, при этом у них будет отсутствовать «свой кандидат», в полной мере отвечающий их ценностным ориентациям.

Оппозиционным кандидатам электоральной кампании 2010 г. удалось аккумулировать 19 декабря на Октябрьской площади Минска многотысячную толпу своих сторонников. При этом, как и в предыдущих избирательных кампаниях, у оппозиции не было четкого плана, что именно с этой критичной массой делать и какую программу действий им предложить. В предвыборных видеороликах и публичных дебатах оппозиционные кандидаты в президенты неоднократно заявляли о необходимости «собраться на площади», при этом было абсолютно непонятно, чем именно собравшийся протестный электорат там будет заниматься. В результате была предпринята стихийная попытка штурма Дома Правительства и публично-предъявления претензий действующей

власти, которая закончилась массовыми беспорядками с последующим разгоном толпы органами правопорядка и арестом ряда оппозиционных кандидатов.

В 2010 г. оппозиция по инерции продолжила стратегию популяризации идей цветной революции в Беларуси, при очевидном проигрышном результате заявленной программы действий ввиду идеологического неприятия ускоренных социально-политических трансформаций и очевидных негативных результатов проведения данного рода мероприятий в ряде государств постсоветского пространства. Оппозиция в Беларуси долгое время предпочитала применять на практике «импорт» зарубежного оппозиционного радикального поведения, при этом она всегда оставалась в программном и ситуационном плане в арьергарде происходящих политических событий, как бы опаздывая в своих действиях ввиду разочарования «оранжевыми проектами» населением в странах, где эти революции произошли.

Президентская кампания 2015 г. ознаменована отказом оппозиции от радикального противостояния с властью и демонстрации визуального эффекта массовости протеста. Заявленная стратегия выступала априори проигрышной ввиду наглядного примера негативных последствий радикальной смены политического режима в Украине (18–21 февраля 2014 г.). Электоральная модель представительства оппозиции в 2015 г. частично напоминала кампанию — 2001. Кандидатом от оппозиционных сил не являлся харизматичный и известный политик (Т. Короткевич), при этом тактика предвыборного штаба была направлена не на организацию массового визуального протестного действия, а на максимальное расширение своей потенциальной электоральной базы посредством привлечения не определившихся в своих предпочтениях избирателей. Данная стратегия не предполагала открытого конфликта с действующей властью, при этом несколько нивелиро-

Президентские избирательные кампании в
Республике Беларусь: комплексный анализ

вался образ современного белорусского оппозиционера, который в представлении обывателя ранее являлся, прежде всего, бескомпромиссным политическим радикалом.

Подводя итоги президентских избирательных кампаний в Беларуси, необходимо отметить, что «теория домино» в качестве обязательного фактора обусловленности электорального поведения в белорусском варианте абсолютно не работает. В условиях поздней перестройки и очевидного социально-политического кризиса в СССР в Беларуси отсутствовала мода на популярные в то время национальные движения, вступающие в конфронтацию с союзным центром, и обязательное проведение ускоренных демократических реформ. Введение института президента также происходило вразрез с общими закономерностями

постсоветского развития стран бывшего СССР. Данная тенденция нашла отражение и в электоральных кампаниях 2000 гг., когда в ряде государств постсоветского пространства был реализован сценарий цветной революции при очевидной первоначальной поддержке населения. Ставка на либеральные идеи белорусской оппозиции в качестве контраргумента сильной президентской вертикали по примеру западных демократий также не находит поддержки у электората. Белорусский избиратель предпочитает, прежде всего, ценности стабильности и порядка в противовес непонятным для него лозунгам свободного хаоса, ментальное неприятие которых только увеличивается ввиду негативных последствий реализации проекта «цветных революций» в странах бывшего СССР, в частности, в Украине.

Литература

1. *Карбалевич В. И.* Александр Лукашенко: политический портрет / В. И. Карбалевич. — М.: Партизан, 2010. — 720 с.
2. СССР после распада. Под общей редакцией О. Л. Маргания. — СПб: Экономическая школа, 2007. — 480 с.
3. *Шевцов Ю. В.* Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю. В. Шевцов. — М.: Издательство «Европа», 2005. — 256 с.

Особенности партийного строительства перед президентскими выборами во Франции 2017 г.

Аннотация

Статья посвящена влиянию президентских выборов 2017 г. во Франции на партийное строительство в Пятой республике. Методологическим основанием данной работы является теория социальных расколов С. Липсета и С. Роккана, дополненная теорией транснационального раскола Л. Хоогхе и Г. Маркса. Выборы президента Франции в 2017 г. рассматриваются как качественно новый этап партийного строительства, ставший результатом кризиса некогда стабилизировавшейся партийной системы Пятой республики. Рассматриваются механизмы создания новых политических партий-движений на президентских выборах; делается вывод о двойственности механизма их формирования. В статье дается заключение о значимости данной трансформации для консолидированных демократий ввиду необходимости адекватного соответствия политических партий общественным настроениям; также утверждается незавершенный характер трансформации.

Ключевые слова: избирательный процесс, партийное строительство, партийная система, консолидированная демократия, Франция, французская политика, выборы.

Автор

Гудзенко Мария Дмитриевна

Бакалавр политологии (Москва, Россия), в настоящее время проходит обучение на франкоязычном отделении по направлению «Право» Французского Университетского Колледжа при МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Стабильность партийной системы нередко рассматривается как одна из основных характеристик консолидированной демократии (embedded democracy), позволяющая гражданам использовать свои политические права [14]. Партийное строительство, понимаемое как процесс формирования политических партий в стране, их политической и правовой институционализации, имеет незавершенный характер прежде

всего в переходных демократиях. Тем не менее устойчивая партийная система не может быть вечной — по мере развития общества меняются и базовые расколы интересов, на основе которых возникают партии. Ригидность партийной системы, таким образом, является угрозой ее устойчивости — она должна адаптироваться согласно изменениям в обществе.

В настоящий момент партийные системы стран Западной Европы, таких

как Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания и др., переживает трансформацию — классическая схема «левые — правые» представляется размытой. Экономический кризис 2008 г. и миграционный кризис 2015 г. позволили политическую легитимацию различных популистских партий и движений как крайне правого («Национальный Фронт» во Франции, «Партия Независимости Соединенного Королевства» в Великобритании, «Альтернатива для Германии» в ФРГ), так и крайне левого толка («Движение Пяти Звезд» в Италии, «Подemos» в Испании). В свете данной трансформации партийных систем, которая не является окончательной, представляется актуальным анализ особенностей партийного строительства в Западной Европе. Данное исследование основано на «case study» современной партийной системы Франции ввиду наличия значимых тенденций, свидетельствующих о качественно новом этапе партийного строительства в Пятой республике. Они проявились на фоне кампании перед президентскими выборами 2017 г. и ознаменовали как полноценный кризис традиционных правых и левых, так и появление нового раскола в политике.

Методология исследования

Данная работа основывается на методологии «социальных расколов» (social cleavages), представленной С. Липсетом и С. Рокканом [12]. В своей работе 1967 г. «Party systems and voter alignments» они выделили четыре основных социальных раскола, на основе которых формировались партии в западных демократиях по мере их социального и экономического развития: центр и периферия, церковь и государство, землевладельцы и производители и, в конечном итоге, капиталисты и рабочие. Значение данных расколов было ограничено самими авторами в 1990 г. по мере появления новых тенденций в развитии общества [9].

Экономический кризис 2008 г., миграционный кризис 2015 г., а также кризис доверия институтам Европейского союза, сопряженный с углублением интеграции¹ в него стран-членов, привел, по мысли Л. Хоогхе и Г. Маркса, изложенной в работе начала 2017 г., посвященной теории расколов на фоне кризисов в Европе, к появлению пятого раскола, носящего не только политико-экономический, но и культурный характер. Это так называемый «транс-национальный раскол» (transnational cleavage) — раскол между универсалистскими ценностями и либеральным подходом к экономике, с одной стороны, и националистскими и партикуляристскими тенденциями, с другой [7]. По мысли авторов, он появился на фоне объективных изменений в жизни общества и не заменяет собой существующие расколы, но накладывается на них и взаимодействует с ними — разделение между «левыми» и «правыми» не отрицает полностью, но его характер существенно меняется. Обстоятельствами возникновения данного раскола, согласно авторам, являются:

- 1) углубление международной торговли и снижение издержек, связанных с данным процессом;
- 2) углубление интеграции европейских стран в ЕС;
- 3) рост международной миграции;
- 4) кризис национального суверенитета.

В данном контексте происходит деление общества на тех, кто выиграл от глобализации и интеграции в ЕС, и на тех, кто оказался в проигрыше в результате данных процессов. У этих групп различаются экономические (средний класс и рабочие) и культурные (вопрос об образовании) интересы. Для проигравших характерна компенсация своей потери в приверженности экономическому и политическому суверенитету страны и

¹ В данном контексте интеграция понимается как процесс необратимого трансферта компетенций национальных государств на уровень институтов ЕС.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

к ее культурным особенностям. «*Национализм — убежище незащищенных* [слоев населения], *испытывающих утрату социального статуса и ищущих идентификации с группой*» [7 — С. 10]. Основным критерием раскола авторы видят образованность, которая позволяет адаптироваться к «мобильному миру»; они приводят исследования, демонстрирующие корреляцию между уровнем образованности индивида и степенью его открытости ценностям экономического либерализма и культурного универсализма. Соответственно, новые политические партии должны отражать именно этот раскол для того, чтобы адекватно представлять те общественные группы и слои, на которые они опираются.

Иллюстрацией качественно нового этапа партийного строительства, в основе которого в полной мере лежал транснациональный раскол по Г. Хоогхе и Г. Марксу, являются президентские выборы во Франции 2017 г. Они ознаменовали кризис традиционных политических партий: впервые в истории Пятой республики ни кандидат от Социалистической партии, ни кандидат от голлистов не были представлены во втором туре президентских выборов. Эти выборы стали стимулом для строительства новых политических партий-движений, успех которых дестабилизировал существующие политические силы.

Особенности партийной системы Пятой республики

Традиционный политический спектр в Пятой республике с момента падения СССР и до недавнего времени был представлен Социалистической партией Франции (Parti Socialiste) и голлистской партией, носящей ныне название «Республиканцы» (Les Républicains). Социалистическая партия представляла городских жителей, интеллигенцию, а также рабочих. Голлисты же опирались на электорат из сельской местности и богатых предпринимателей. Другие партии

Пятой республики либо входили с ними в альянс (например, объединение всех левых в 1997 г. позволило им выиграть парламентские выборы), либо были самостоятельны, однако большинство мест в парламенте было за традиционными «правыми» и «левыми», и почти каждый президент (исключение до 2017 г. составлял разве что Валери Жискар д'Эстен) принадлежал либо к той, либо к другой партии. Обособленно в данном спектре существовала партия «Национальный Фронт» (front National), маргинальная партия крайне правых традиционалистов, возглавляемых Жаном-Мари Ле Пенем. Маргинальное положение «Национального Фронта» было подтверждено президентскими выборами 2002 г.: выход Ж.-М. Ле Пена во второй тур на фоне всеобщей политической апатии был встречен массовым голосованием за его оппонента, Жака Ширака, антирейтинг которого был также довольно высок, особенно среди левых.

Кризис политического представительства во Франции: основные предпосылки

До 2017 г. во Франции назревал кризис политического представительства, связанный с множеством взаимодействующих факторов. Во-первых, изменилась структура экономики страны: экономический кризис стал причиной медленного экономического роста, сопровождающегося ростом безработицы. Вместе с тем экономика Франции стала открытой как для глобализации, так и для интернет-технологий, и в выигрыше от этого оказались далеко не все. Как следствие, несмотря на традиционную силу профсоюзов во Франции, отстаивающих стабильность труда, растет тенденция прекаризации [1]. Ее суть в нестабильных рабочих отношениях между работодателем и работником, в которых последний поражен в своих правовых и социальных гарантиях. Особой формой таких отношений также является уберизация, при которой работник не располагает никакими гарантиями перед

Особенности партийного строительства

перед президентскими выборами во Франции 2017 г.

лицом работодателя [15]. Как следствие, произошла трансформация традиционно-го «пролетариата».

Во-вторых, изменилась и политическая конъюнктура: с 2002 г. с введением пятилетнего президентского мандата усилилась роль президента и подконтрольного ему правительства¹. В результате исполнительная власть стала основным центром принятия решений, оттеснив на второй план представительную. Правительство же формировалось назначенным президентом премьер-министром по принципу президентского большинства — политическая принадлежность президента и правительства полностью совпадали, что позволяло ему проводить самостоятельную политику. Вместе с тем парламентское меньшинство располагает очень ограниченными средствами воздействия на большинство.

Помимо этого в традиционных политических партиях Франции замедлилась ротация кадров — партии консолидировались в вертикальные иерархические организации, руководством которых занимаются белые «энархи»² в основном мужского пола и старшего возраста, принадлежащие к высшим слоям общества. Такая картина партий не вызывает доверия у большинства французского общества, так как мно-

---

¹ Пятилетний президентский мандат был приведен в соответствие с пятилетним мандатом депутатов нижней палаты парламента, а дата президентских выборов была назначена за несколько месяцев до парламентских. Это обеспечило не только отсутствие «сожительства» — рассогласования между политической принадлежностью президента и правительства — но и усиление роли президента. Парламентские выборы стали восприниматься как подтверждающие приверженность граждан к предвыборной программе президента.

² От Ecole Nationale de l'Administration (ENA) — высшего элитного учебного заведения во Франции, готовящего к государственной службе будущих чиновников.

гие группы (женщины, цветное население, молодежь) не чувствуют себя представленными. Результатом закрытости традиционных политических партий стала не только утрата ими легитимности, но и неспособность выдвинуть кандидата на президентские выборы — если «Республиканцы» испытывали кризис после возвращения Н. Саркози, связанный с необходимостью выдвинуть другого, более конкурентоспособного кандидата, то Социалистическая партия переживала кризис после неисполнения предвыборных обещаний Ф. Олландом и его правительствами.

Свидетельством кризиса традиционных партий стало введение процедуры открытых праймериз перед президентскими выборами как у голлистов, так и у социалистов. Согласно Р. Лефевру, их причиной стала как раз неспособность партий не только к самостоятельному выдвижению кандидатов, но и к обеспечению их легитимности. Если раньше партии выдвигали «естественных кандидатов» — своих председателей, то сейчас их политический вес настолько сильно уменьшился, что им приходится искать в голосовании сторонников внешний источник их легитимности [10].

В-третьих, следует также отметить влияние изменений в мировой политике. Миграционный кризис 2015 г. и террористические атаки в Париже в 2015 г. и в Ницце в 2016 г. привели к обострению проблемы безопасности для французов [13] и к медиатизации проблемы миграции. Вместе с экономической стагнацией и отдалением традиционных политических партий от своего электората, проблема безопасности создала не только угрозу для правящей Социалистической партии, но и благоприятную почву для консолидации поддержки «Национального Фронта», который с 2011 г. под руководством Марин Ле Пен целенаправленно работал над своим имиджем. В результате «де-демонизации» партия Марин Ле Пен превратилась в третью политическую силу Пятой республики,

слабость которой была в неспособности справиться с мажоритарной избирательной системой. Кризис же традиционных политических сил только усилил поддержку «Национального Фронта»: его праворадикальная в политическом плане, но левая с точки зрения экономики риторика (сохранение социального государства, протекционизм и защита малоимущих) превратила партию «фашистов» в партию рабочих и «прекариата» [5].

Партийное строительство перед президентскими выборами 2017 г.: новые силы

Тем не менее консолидация поддержки «Национального Фронта» сама по себе не свидетельствует о кризисе партийной системы Пятой республики, равно как и не говорит о новом этапе партийного строительства. Она, несомненно, является неотъемлемой частью нового, «транснационального» раскола, олицетворяющей протекционизм, партикуляризм и национализм.

Выборы во Франции 2017 г. ознаменовали прежде всего консолидацию новых политических сил, которые отражают «транснациональный» раскол, взаимодействующий с традиционным разделением на левых и правых. Предвыборная кампания была отмечена партийным строительством как минимум двух политических движений, лидеры которых достигли беспрецедентных для беспартийных¹ кандидатов результатов.

«Вперед!» Э. Макрона: уроки кампании Б. Обамы 2012 г.

В первую очередь, новой на политическом поле Пятой республики силой стало движение «Вперед!»

¹ Не принадлежащих к основным политическим партиям Франции и представляющим движения, сформированные непосредственно перед выборами.

(En Marche!)², основанное 6 апреля 2016 г. в преддверии президентских выборов бывшим министром финансов Эммануэлем Макроном, ныне являющимся президентом Франции. Новое движение — слово «движение» использовалось вместо слова «партия», чтобы привлечь больше внимания и избежать негативных коннотаций и параллелей — было создано в политически удобный момент, когда правящая Социалистическая партия испытывала кризис легитимности, а рейтинг Ф. Олланда опустился до беспрецедентных на тот момент 14 % [16]. Разработкой организации и идеологии движения занялись технократы, политики и экономисты, близкие к Э. Макрону — в основном «энархи» 30–40 лет.

Консолидация новой политической силы изначально строилась на создании информационных поводов, которые заставляли СМИ говорить о движении «Вперед!». Им стала, прежде всего, отставка Э. Макрона с поста министра финансов при Ф. Олланде в августе 2016 г., что существенно подняло его рейтинг за счет размолвки с политически недееспособным президентом. До этого шел активный процесс медиатизации нового движения: запрет присутствия журналистов на мероприятии в честь основания новой партии, личное интервью с женой Брижит, старше своего мужа более чем на 20 лет, а также многочисленные интервью самого Э. Макрона, в которых он делился своими политическими взглядами, оставляя тем не менее место для вопросов, — все это способствовало раскрутке движения и, прежде всего, его лидера, в СМИ [2]. Таким образом, первым шагом в создании новой партии был не организационный, но информационный — кампания по продвижению «Вперед!» предшествовала собственно партийной деятельности, что представляет

² После 8 мая 2017 г. — «Республика, Вперед!» (La République en Marche).

собой новую тенденцию в партийном строительстве.

Для создания политической программы движения Э. Макрон воспользовался кампанией «от двери к двери» (названной, по ассоциации с движением «Grande marche»), которая была проведена в мае 2016 г. с помощью консультационного бюро Liégey, Muller et Pons, которое работало по сходной схеме на президентской кампании Ф. Олланда в 2012 г. Мобилизованные для кампании четыре тысячи волонтеров стали не только операторами в деле сбора пожеланий граждан, но и первыми членами партии, пришедшими в нее снизу. Кампания, таким образом, совмещала продвижение с рекрутированием сторонников и членов партии. Параллельно шла кампания по вовлечению в деятельность партии: в движение «Вперед!» можно вступить через Интернет и не оплачивая партийный взнос, что привлекло значительное число сторонников (80 тысяч на осень 2016 г.) [17].

Активность сторонников строилась на основе пирамидальной модели, которая использовалась во время кампании Б. Обамы 2012 г. Первые члены партии обучались создателями движения и вовлекались в создание местных ячеек движения с целью привлечения еще большего количества сторонников; в декабре 2016 г. насчитывалось около 2 600 местных ячеек. Активное участие в кампании со стороны члена партии показало себя более эффективным, чем традиционный поквартирный обход [4].

С содержательной точки зрения основной посыл кампании соответствовал неспособности традиционных политических партий обеспечить продвижение новых лиц: движение было запущено под лозунгом «политического обновления» и состоит в основном из молодежи, городского населения и интеллигенции. Кризис Социалистической партии, таким образом, оттолкнул от себя большую часть электората; именно на нее была нацелена стратегия «Вперед!». Также движение активно рекрутирует никогда не занимавшихся полити-

кой граждан как представителей «гражданского общества», что также является действенным элементом его имиджевой стратегии [4]. Движение позиционирует себя как центристское и активно заявляет об устаревании разделения на «левых» и «правых», что делает отсылку к кризису традиционных политических сил Франции по технологии «отстраивания». Концепция движения как объединяющего молодых и активных обеспечила ему как уникальность на политическом рынке, так и значительную поддержку. Помимо этого, движение позиционирует себя как проевропейское и оптимистично оценивает глобализацию.

Что же касается контрпропагандистского направления, оно было полностью перенесено в Интернет: волонтеры кампании Э. Макрона занимались поиском критики в его адрес, а также «fake news», чтобы ответить на «дезинформацию». Они также участвовали в упрощении программы Э. Макрона: так, налоговые предложения кандидата они объясняли через эмодзи (emoji)¹ [11]. Данный процесс был направлен не только на непосредственное информирование избирателей, но и на консолидацию сторонников движения.

Таким образом, партия-движение «Вперед!» создавалась под президентские выборы и формировалась непосредственно в ходе избирательной кампании Э. Макрона. Последний являлся ее центральной фигурой и, фактически, смыслом ее существования. Такое стало возможно благодаря чрезмерной персонализации политической жизни Франции, которая стала результатом усиления роли президента в Пятой республике. Кампания Макрона учитывала как недовольство традиционными политическими силами, так и необходимость активного участия для создания консолидированной поддержки. Несмотря на то, что она создавалась сверху и вокруг отдельной личности, пирамидальные технологии вовлечения сторонников превратили ее также в движение снизу. В резуль-

¹ Символы, используемые на смартфонах.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

тате кампании была создана политическая партия с активной сетью сторонников, которая на настоящий момент проводит избирательную кампанию перед парламентскими выборами. Самым же значимым ее результатом стала победа Э. Макрона на президентских выборах 2017 г.

«Несдающаяся Франция»: история одной геймификации

Другим новым политическим движением стала «Несдающаяся Франция» (La France Insoumise) Жана-Люка Меланшона, крайне левого депутата Европарламента и бывшего министра образования и сенатора. Она была образована на основе его же «Левой партии» (Parti de gauche) 10 февраля 2016 г. — также чуть более чем за год до президентских выборов. По своей программе движение Ж.-Л. Меланшона существенно отличается от «Вперед!»: оно делает акцент на изменении Конституции с целью перераспределения власти от президента к парламенту, которое отвечает критике «суперпрезидентской» Пятой республики, а также — на отмене нового либерального закона о трудоустройстве, вызвавшего массовое недовольство. Движение шло на выборы под лозунгами «Шестая республика» (в честь предлагаемой конституционной реформы) и «раздел богатств», свидетельствующий о крайне левой ориентации движения [8].

Программа партии была представлена в виде комиксов, что делало ее доступной

для аполитичной молодежи. Красный же и синий цвета минималистичного логотипа напоминают цвета кампании Берни Сандерса, кандидата на праймериз Демократической партии США в 2016 г. С содержательной точки зрения программа и, прежде всего, ее идейный вдохновитель, Ж.-Л. Меланшон, была направлена на расширение социального государства, выход из экономических договоров ЕС с целью избежать конкуренции между европейскими странами, а также содержала заявление против либерализма в экономике.

Несмотря на существенное содержательное расхождение между «Вперед!» и «Несдающейся Францией», в них использовались *сходные технологии образования, позиционирования и вовлечения сторонников*.

Во-первых, «Несдающаяся Франция» также представляла собой политическую силу, объединенную вокруг своего политического лидера — Жана-Люка Меланшона, который также являлся ее смыслом существования. Его активные перемещения по стране в рамках организационно-массового направления кампании, позволившие ему проявить свои ораторские способности, а также участие в дебатах, обеспечили значимую часть поддержки движения. Использование же им «голограммы», которая позволила провести два митинга параллельно в Париже и в Лионе, создало информационный повод для раскрутки кампании со стороны СМИ. Кампания, таким образом, была персонализирована столь же сильно, что и кампания Э. Макрона, однако в данном случае делался акцент не на «проекте», который продвигал политик, но на его самопрезентации.

Харизма и чувство юмора Ж.-Л. Меланшона оказали мобилизационный эффект как на избирателей Социалистической партии Франции, разочаровавшихся в ней после президентства Ф. Олланда, так и на аполитичные группы, и прежде всего на молодежь. Жесткая сатира Ж.-Л. Меланшона над оппонентами и над

Beat them all – жанр компьютерных игр, сценарий которых разворачивается вокруг драки управляемого геймером персонажа с виртуальными «врагами».

политической обстановкой в стране воспринималась как смелость, что гарантировало уважение со стороны электората. О доверии свидетельствуют значительные результаты кампании по краудфандингу: в среднем один из шести сторонников движения сделал пожертвование в его пользу [8]. Популистская же риторика кандидата позволяла ранее аполитичным слоям населения воспринять политику как «простое» и «смешное» дело.

Во-вторых, несмотря на юридический статус партии, «Несдающаяся Франция» позиционировалась как движение в рамках того же механизма отстранения от партий, дискредитировавших себя в глазах избирателей. Оно также принимало членов через регистрационные формы в сети Интернет и не требовало платы за вступление. Следует отметить, что само слово «членство» (*adhésion*) не использовалось — вместо него использовалось слово «поддержка» (*appui*), что психологически упростило для сторонников выбор в пользу Ж.-Л. Меланшона. К первому туру президентских выборов, 23 апреля 2017 г., количество «поддерживающих» составляло более 450 тысяч — цифра намного

более внушительная, чем количество членов «Вперед!» [8].

В-третьих, движение также использовало пирамидальную модель мобилизации сторонников — их также побуждали к созданию местных ячеек (5–12 человек) под не обязывающим ничем названием «групп поддержки» (*groupes d'appui*). В начале марта 2017 г. насчитывалось более 2 800 таких ячеек, занимавшихся привлечением новых сторонников. Особенно они были активны в сети Интернет (впрочем, как и волонтеры Э. Макрона): они создавали «виральный»¹ контент в социальных сетях и делали видео с Ж.-Л. Меланшона и в его поддержку для сети YouTube. Жан-Люк Меланшон был самым активным на YouTube кандидатом на президентских выборах 2017 г. как ввиду бюджетности сервиса, так и ввиду возможности «близкого контакта с избирателями» [18]. Активность кампании

¹ Виральный (*viral*) контент — контент, который, благодаря своей способности интересовать пользователей и привлекать их внимание, очень быстро расходуется в социальных сетях.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

в Facebook позволила около 80 тысячам пользователей посмотреть «голографические» митинги в прямом эфире социальной сети.

Следует также отметить особенность медийного направления кампании «Несдающейся Франции»: оно включало в себя геймификацию политической кампании. Совместно с директором кампании М. Бомпаром, волонтеры движения создали игру «Fiscal Komбат», довольно простую по графическому оформлению и по концепции — речь идет об игре жанра «beat them all»¹. В данной игре Жан-Люк Меланшон борется с «олигархами» (соперниками Меланшона по президентской гонке и их богатыми спонсорами) на благо государственной казны [3]. Таким образом, основной посыл кампании был передан максимально просто и интерактивно в форме компьютерной игры, что также было направлено на вовлечение молодежи.

Результатом кампании «Несдающейся Франции» стало четвертое место Ж.-Л. Меланшона на президентских выборах 2017 г. и почти 20 % голосов. Сейчас движение консолидирует кандидатов в депутаты для парламентских выборов, которые пройдут в конце июня 2017 г. по сходной с «Вперед!» схеме: вовлечение молодых кандидатов от «гражданского общества», которые до 2017 г. не участвовали в политической жизни.

Заключение

В технологическом плане партийное строительство перед президентскими выборами было отмечено как консолидацией и расширением поддержки партии «Национальный Фронт», имиджевая стратегия которой вывела ее с маргинальной позиции, так и созда-

нием двух принципиально новых партий, которые привлекли на свою сторону почти половину избирателей в первом туре президентских выборов 2017 г. Несмотря на их принципиальное идеологическое различие, они опирались на сходные механизмы организации, формирования и консолидации поддержки. С одной стороны, они создавались «сверху», вокруг харизматических лидеров — Э. Макрона и Ж.-Л. Меланшона, которые являются смыслом их существования. С другой стороны, они формировались и с учетом объективной базы — четкой идеологической ориентации (либеральной у Э. Макрона и крайне левой у Ж.-Л. Меланшона) и опоры на конкретные социальные группы и слои, проблемы которых данные партии-движения смогли успешно агрегировать и артикулировать. Технологии вовлечения строились по сходной схеме: позиционирование-отстраивание в качестве движения, а не партии; пирамидальная модель вовлечения сторонников; максимальное упрощение политической программы и опора на социальные сети как инструмент продвижения. Таким образом, обозначились новые тенденции в партийном строительстве.

В более глобальном плане радикальное изменение политического ландшафта стало возможным благодаря изменениям социально-экономического характера, которые в конечном итоге привели к «транснациональному» расколу. Старые политические силы — социалисты и голлисты — оказались неспособными принять его во внимание и построиться под новую политическую повестку. Новые же политические силы активно воспроизводят паттерны, описанные Л. Хоогхе и Г. Марксом: если «Вперед!» Э. Макрона привлекает в основном людей с образованием, выигравших от глобализации, свободной торговли и углубления интеграции ЕС, то и «Национальный Фронт» Марин Ле Пен, и «Несдающаяся Франция» Ж.-Л. Меланшона пользуются популярностью либо у проигравших от данных процессов рабочих, либо у молодежи с нестабильным и

¹ Beat them all — жанр компьютерных игр, сценарий которых разворачивается вокруг драки управляемого геймером персонажа с виртуальными «врагами».

Особенности партийного строительства

перед президентскими выборами во Франции 2017 г.

неясным в период рецессии и десятипроцентной безработицы будущим. Именно транснациональный раскол объясняет столь быстрый рост новых политических сил и завоевание ими доминирующих позиций — они смогли адаптироваться под запрос электората, который делится в 2017 г. по новым признакам.

Вместе с тем нельзя утверждать окончательное становление сформировавшихся политических сил: парламентские выборы, которые пройдут в июне 2017 г., позволят более точно судить о характере и долгосрочности результатов данной трансформации.

Литература

1. *Стэндинг, Гай* Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем, 2014. — 328 с.
2. *Baldit, Étienne, Lepelletier, Pierre* La folle séquence médiatique d'Emmanuel Macron // Le Lab Politique, 22 avril 2016. — URL: <http://lelab.europe1.fr/la-folle-sequence-mediatique-demmanuel-macron-2726665> (дата обращения: 30.05.2017).
3. *Batard, Al* On a joué à Fiscal Kombat // Vice Motherboard, 14 avril 2017. — URL: <https://motherboard.vice.com/fr/article/on-a-joue-a-fiscal-kombat-et-cest-vraiment-pas-mal> (дата обращения: 30.05.2017).
4. *Bordenet, Camille* Ces militants qui marchent avec Macron // Le Monde, 10 décembre 2016. — URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2016/12/10/derriere-macron-des-militants-persuades-d-avoir-enfin-trouve-le-renouveau-politique_5046759_4854003.html (дата обращения: 30.05.2017).
5. *Crépon, Sylvain, Dézé, Alexandre, Mayer, Nonna* (dir.) Les faux semblants du Front national. Sociologie d'un parti politique, Paris, Presses de Sciences Po, 2015. — 590 p.
6. *Herreros, Romain* Le programme de Jean-Luc Mélenchon décliné en bande-dessinée // Huffington Post, 3 mars 2017. — URL: <http://www.huffingtonpost.fr/2017/03/03/le-programme-de-jean-luc-melenchon-decline-en-bande-dessinee> (дата обращения: 29.05.2017).
7. *Hooghe, Liebet, Marks, Gary* Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and The Transnational Cleavage // The EUEngage Working Paper Series, February 2017. — URL: http://www.euengage.eu/wp-content/uploads/2017/02/Euengage_WP2_Hoghe-Marks_.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
8. L'ère du peuple: le blog de Jean-Luc Mélenchon — Site Internet. — URL: <http://melenchon.fr> (дата обращения: 31.05.2017).
9. *Lipset, Seymour Martin* How Do political Parties Arise? // Current Contents. — 1990. — № 12. — URL: <http://garfield.library.upenn.edu/classics> 1990/A 1990CR76700001.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
10. *Lefebvre, Rémi, Treille, Eric* Les primaires ouvertes en France: Adoption, codification, mobilisation. — Rennes: Presse Universitaire, 2016—320 p.
11. Les coulisses digitales d'En Marche! // L'Express, 21 mars 2017. — URL: http://www.lexpress.fr/actualite/politique/elections/les-coulisses-digitales-d-en-marche_1891332.html (дата обращения: 31.05.17).
12. *Lipset, Seymour Martin, Rokkan, Stein* Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. — New York: Free Press, 1967. — P. 1—64.
13. Macron: «L'immigration est une chance». Seuls 11 % des Français partageaient cette opinion en août 2016 // Fdesouche, 2 mars 2017. — URL: <http://www.fdesouche.com/828099-macron-le-sujet-de-limmigration-ne-devrait-pas-inquieter-la-population-francaise#> (дата обращения: 19 мая 2017).
14. *Merkel, Wolfgang* Embedded and Defective Democracies // Democratization, Vol. 11. — № 5, December 2004. — P. 33—58.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

---

15. *Morin, Raymond* Uberisation and The New Economy // Curatti, January 13, 2016. — URL: <https://curatti.com/uberisation-and-the-new-challenges-for-organizations> (дата обращения: 29.05.2017).
16. *Présidentielle 2017: Hollande au plus bas, Juppé roi des sondages* // Le Point, 23 avril 2016. — URL: http://www.lepoint.fr/politique/presidentielle-2017-hollande-au-plus-bas-juppe-roi-des-sondages-23-04-2016-2034437_20.php (дата обращения: 29.05.2017).
17. *Raulin, Nathalie* «En marche»: le bébé du ministre fait ses premiers pas // Libération, 20 avril 2016. — URL: http://www.liberation.fr/france/2016/04/20/en-marche-le-bebe-du-ministre-fait-ses-premiers-pas_1447557 (дата обращения: 30.05.2017).
18. *Ruscio, Lola* Politique. La bataille numérique aura bien lieu // L'Humanité, 7 février 2017. — URL: <http://www.humanite.fr/politique-la-bataille-numerique-aura-bien-lieu-631721> (дата обращения: 30.05.2017).

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

Аннотация

В современном мире выборы считаются основой представительной демократии и, в большинстве случаев, применяются как «единственно возможная игра», однако до сих пор остается открытым вопрос: что же такое справедливые выборы. В данном исследовании автор использует отчеты La Misión de Observación Electoral (МОЕ) — международной организации, осуществляющей наблюдение за выборами на территории Организации Американских государств (ОАГ). В данных отчетах приводится расширенный анализ 16 избирательных процессов в странах Латинской Америки в период с 2013 по 2015 г. В XXI в. процесс проведения избирательной компании, с технической точки зрения, практически достиг своего максимума, однако существуют как внешние элементы среды (институциональные, социально-экономические контексты, отсутствие необходимых мер безопасности, наличие низкого уровня доверия населения), так и внутренние электоральные компоненты (несправедливые условия конкуренции и институционализация неформальных практик, например, покровительство или покупка голосов), определяющие результаты выборов.

Ключевые слова: выборы, международные наблюдатели, проведение честных выборов, Латинская Америка.

Автор

Фрейденберг Флавия

Доктор наук,
ведущий научный сотрудник
Института правовых исследований
национального автономного университета Мексики
(Мехико, Мексика)

Введение

В сравнительной политологии есть утверждение о том, что выборы — это основа представительной демократии [22; 6]. Под демократическими выборами понимаются «механизмы со-

циального выбора в условиях свободы и равенства» [23]. В элитарной и плюралистической демократии данная парадигма являлась доминирующей [6]. Она применялась в политических системах, где элиты и гражданское общество сформировали собственные демократические процессы, в

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

латиноамериканских странах — это третья волна демократизации (конец 1970-х гг.), когда обозначилась тенденция за создание полиархии¹ [24].

За последние 40 лет выборы в странах Латинской Америки приобрели «рутинный характер» [17], характеризующий избирательный процесс, как «единственно возможную игру» [14]. Чем дольше избирательный процесс будет таковым, тем более институализированный характер будет приобретать демократия [9].

В данной статье автор делает попытку переосмыслить условия проведения выборов, чтобы они считались не только легальными, но и легитимными. Определяются теоретико-методологические подходы (свободные и справедливые выборы, качество выборов, чистота избирательного процесса и др.) к процессу проведения справедливых выборов. Кроме того, автор проводит анализ выборов в странах Латинской Америки на основе отчетов La Misión de Observación Electoral (MOE) — международной организации, осуществляющей наблюдение за выборами на территории Организации Американских государств (ОАГ).

Какие выборы являются справедливыми?

Современные государства, позиционирующие себя «демократическими», на протяжении долгих лет и

¹ Полиархия, согласно Далю (1971), характеризуется проведением конкурентных выборов, высоким уровнем плюрализма, неопределенностью результатов, наличием у всех кандидатов равных шансов выиграть выборы, свободным выражением политических предпочтений, отсутствием ограничений в выступлениях кандидатов и гарантиями того, что будут проведены открытые дебаты по поводу спорных вопросов (Dahl Robert A. Polyarchy: participation and opposition. — New Haven: Yale University Press, 1971).

даже десятилетий используют выборы как средство привлечения граждан для участия в общественно-политической жизни страны. Выборы являются важным институтом функционирования политической системы и политического режима, критерием их легитимности. Однако многие ученые ставят под сомнение «справедливость» латиноамериканского опыта проведения выборов. Вот некоторые основные вопросы, беспокоящие исследователей: как сделать достойный выбор; что нужно, чтобы выборы считались легитимными; как провести демократические выборы в государстве, в котором высокий уровень коррупции, теневая экономика, криминальные группировки и т. д.

Научным сообществом были разработаны различные теоретические подходы (о свободных и справедливых выборах, о качестве выборов, об открытости избирательного процесса и т. д.), методологические инструменты, количественные и качественные методы анализа результатов выборов. Кроме того, широко применяются официальные отчеты избирательных органов, научные статьи, мнение экспертов и представителей гражданского общества, отчеты и рекомендации La Misión de Observación Electoral (MOE).

Так, сторонники **свободных и справедливых выборов** опирались на Декларацию «О критериях свободных и справедливых выборов», принятую единогласно на 154-й сессии Совета Межпарламентского Союза (Париж, 26 марта 1994 г.). Согласно Декларации, выборы должны соответствовать ряду требований: голосование должно быть тайное, никто не имеет права лишить свободы слова, всем участникам гарантируется равный доступ к СМИ, должен соблюдаться принцип равной конкуренции.

Выборы считаются свободными, когда все кандидаты имеют равные права и возможности, когда нет никакого давления на избирателей. Это значит, что в это вре-

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

мя активизируется деятельность общественных движений и различных неполитических ассоциаций. Выборы считаются справедливыми, когда высшее руководство страны активно борется с любыми формами фальсификации и подтасовками результатов голосования, когда полиция, армия и органы судебной власти беспристрастно и одинаково относятся ко всем кандидатам, когда все участники получают равный доступ к государственным ресурсам, СМИ и т. д. [7].

Сторонники подхода о **качестве выборов** опирались на показатели, ориентированные на факты, а не только на нормативные принципы (например, законность). При использовании данного подхода исследователи интересовали такие аспекты как прозрачность, возможность управлять избирательным процессом и соблюдение гражданских прав [12, 13]. Цель данного подхода — дать качественную характеристику избирательному процессу. Задача подхода — дать оценку конкурентоспособности кандидатов, выявить соответствие ожиданий и реалий волеизъявления граждан [17] и проанализировать, влияет ли уровень демократии на результат выборов [9; 10].

Сторонники подхода **открытости избирательного процесса** утверждают, что недопустимо разбивать избирательную кампанию на периоды (подготовка, предвыборная работа, день выборов и т. д.) — это все является единым и неделимым процессом. Также очень важным является то, что данный подход исследует три важных вопроса выборов [20]:

1. Международный вопрос. Выборы являются законными, если они соответствуют общемировым стандартам, закрепленным в международных конвенциях, договорах и международных законах¹.

¹ На основе упомянутых международных стандартов в статье 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. говорится, что «каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной

2. Вопрос равенства участников выборов. Исследуется использование власти в личных целях в период избирательных кампаний.

3. Вопрос целостности избирательного процесса. Исследуется понятие избирательного цикла.

При анализе использования властных ресурсов с целью получения собственной выгоды делается акцент на исследование факта нарушения законодательных норм. Если в ходе избирательной кампании был замечен факт нелегального использования властных ресурсов, то такая кампания считается незаконной, несправедливой и несвободной. Использование властных полномочий в собственных целях ведет к «подмене интересов общества» [3].

Данный подход анализирует способы и формы манипулирования выборным процессом, он позволяет углубить знания о том, как именно должны проходить достойные выборы [2; 15; 5].

Описанные выше подходы, а также методологические инструменты, количественные и качественные методы анализа оценки выборов, официальные отчеты избирательных органов, научные статьи, мнение экспертов и гражданского общества, отчеты и рекомендации La Misión de Observación Electoral (MOE) помогут автору при анализе избирательных кампаний стран Латинской Америки в период с 2013 по 2015 г.

непосредственно или через посредство свободно избранных представителей, воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml). Все эти факторы формируют законность избирательного процесса.

Таблица 1. График проведения выборов

Дата	Страна	Тип выборов
6 сентября 2015 25 октября 2015	Гватемала	Президентский (1 тур) Президентский (2 тур)
7 июня 2015	Мексика	Законодательная власть, законодательные и муниципальные органы власти
1 марта 2015	Сальвадор	Законодательная власть, муниципальные органы власти
26 октября 2014 30 ноября 2014	Уругвай	Президентский (1 тур) Президентский (2 тур)
12 октября 2014	Боливия	Президентский, законодательная власть и муниципальные органы власти
5 октября 2014 2 ноября 2014	Бразилия	Президентский (1 тур), законодательная власть Президентский (2 тур)
5 октября 2014	Перу	Муниципальные органы власти
9 марта 2014 25 мая 2014 15 июня 2014	Колумбия	Законодательная власть Президентский (1 тур) Президентский (2 тур)
4 мая 2014	Панама	Президентский, законодательные и муниципальные органы власти
2 февраля 2014 6 апреля 2014	Коста-Рика	Президентский (1 тур), законодательная власть Президентский (2 тур)
23 февраля 2014 17 февраля 2013 7 апреля 2013	Эквадор	Муниципальные органы власти Президентский (1 тур), законодательная власть Президентский (2 тур)
2 февраля 2014 9 марта 2014	Сальвадор	Президентский (1 тур) Президентский (2 тур)
17 ноября 2013 15 декабря 2013	Чили	Президентский (1 тур), законодательная власть Президентский (2 тур)
24 ноября 2013	Гондурас	Президентский, законодательные и муниципальные органы власти
27 октября 2013	Аргентина	Законодательная власть
21 апреля 2013	Парагвай	Президентский и законодательная власть
14 апреля 2013	Венесуэла	Президентский и муниципальные органы власти

Источник: разработка автора статьи.

Выборы в странах Латинской Америки в период 2013–2015 гг. (на материалах La Misión de Observación Electoral)

В соответствии с уставом La Misión de Observación Electoral выборы должны быть демократическими, а именно «открытыми, прозрачными, конкурентными и регулярными»¹. Важно

помнить, что выборы — это средство привлечения людей для участия в общественно-политической жизни страны. Каждый

SERVACIÓN ELECTORAL DE LA OEA / Secretaría General de la Organización de los Estados Americanos (OEA) Secretaría de Asuntos Políticos (SAP) Departamento para la Cooperación y Observación Electoral (DECO) / Washington. — DC, 2008. <http://www.oas.org/sap/docs/deco/oas%20manual%20spanish%203-26.pdf>.

¹ Un Manual para LAS MISIONES DE OB-

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

гражданин должен иметь право голоса, его предпочтения должны быть учтены, а у кандидатов должна быть возможность конкурировать [18].

В период 2013–2015 гг. в Латинской Америке прошло 13 президентских и более 15 парламентских и муниципальных выборов (Табл. 1).

Практически во всех странах данного региона выборы были законными, конкурентными, свободными и справедливыми.

К сожалению, были и такие страны, где присутствовала дискриминация по гендерному и этническому признаку, т. е. кандидаты: женщины, жители коренных народов и негры — не были допущены к участию на выборные должности. Согласно отчетам La Misión de Observación Electoral, практически во всех странах Латинской Америки выборы прошли в соответствии с общепринятыми международными стандартами (Табл. 2).

Таблица 2. Демократия в Латинской Америке, согласно некоторым индексам измерения демократии

	Freedom House 2015 (1)		Глобальная Демократия (Democracia Global) 2014 (2)		Индекс демократии журнала «Экономист» (Índice de democracia The Economist) 2014 (3)		
	Балл	Классификация	Балл	Мировой рейтинг	Балл	Мировой рейтинг	Классификация
Уругвай	1	Свободная	72,6	22	8,17	17	Полная демократия
Коста-Рика	1	Свободная	70,2	27	8,03	24	Полная демократия
Чили	1	Свободная	70,9	26	7,80	32	Несовершенная демократия
Аргентина	2	Свободная	68,5	34	6,84	52	Несовершенная демократия
Бразилия	2	Свободная	62,8	44	7,38	44	Несовершенная демократия
Панама	2	Свободная	64,8	40	7,08	47	Несовершенная демократия
Перу	2,5	Свободная	61,7	46	6,54	63	Несовершенная демократия
Сальвадор	2,5	Свободная	59,4	49	6,53	64	Несовершенная демократия
Респ. Доминикана	2,5	Свободная	57,9	52	6,67	59	Несовершенная демократия

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

	Freedom House 2015 (1)		Глобальная Демократия (Democracia Global) 2014 (2)		Индекс демократии журнала «Экономист» (Índice de democracia The Economist) 2014 (3)		
	Балл	Классификация	Балл	Мировой рейтинг	Балл	Мировой рейтинг	Классификация
Парагвай	3	Частично свободная	53,1	69	6,26	71	Несовершенная демократия
Эквадор	3	Частично свободная	57,4	53	5,87	79	Гибридный режим
Боливия	3	Частично свободная	55,4	61	5,79	83	Гибридный режим
Колумбия	3,5	Частично свободная	58,0	51	6,55	62	Несовершенная демократия
Гватемала	3,5	Частично свободная	51,2	78	5,81	82	Гибридный режим
Никарагуа	3,5	Частично свободная	54,9	62	5,32	94	Гибридный режим
Гондурас	4	Частично свободная	49,2	81	5,84	80	Гибридный режим
Венесуэла	5	Частично свободная	45,5	94	5,07	100	Гибридный режим
Гаити	5	Частично свободная	Нет	Нет	3,82	118	Авторитарный режим
Куба	6,5	Несвободная	Нет	Нет	3,52	127	Авторитарный режим

Страны, окрашенные в серый цвет, это те, в которых были проведены выборы в анализируемый период.

Источник: разработка Dinorah Azpuru для текста «Легитимность демократии в свете освобождения: оценка предпочтений граждан (1994–2014)», представленная на Семинаре Дилеммы Демократии в Латинской Америке: четыре десятилетия переходного периода, проведенного IJ-UNAM у FLACSO в Мехико 30 сентября, 1 и 2 октября 2015 г.

1. Индекс Freedom House имеет диапазон от 1 (лучший) до 7 (худший). <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015#.VF948Zc3mYA>.

2. Глобальный Индекс Демократии имеет диапазон от 1 (худший) до 100 (лучший). http://democracyranking.org/wordpress/?page_id=831.

3. Индекс журнала «Экономист» имеет диапазон от 1 (худший) до 10 (лучший). <http://www.sudestada.com.uy/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf>.

В связи с тем, что на деле во многих странах региона имеется режим несовершенной демократии, гибридный

или авторитарный режим, у населения снижается уровень доверия к власти [1; 19]. Детальное рассмотрение каждо-

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

го отдельного кейса помогает автору выделить основные типы нарушений и несоответствий. Их можно разделить на четыре группы:

I. Неблагоприятная обстановка в государстве и трудности реализации государственного потенциала.

II. Неравные условия конкуренции, связанные с тем, что кандидаты, идущие на переизбрание, используют государственные средства для своей политической кампании [2].

III. Коррупционность высшего руководства страны и лиц, принимающих решения [2, 15].

IV. Проблемы технического характера, связанные с избирательным процессом.

I. Неблагоприятная обстановка в государстве и трудности реализации государственного потенциала

Для избирательного процесса наиболее важным фактором является среда. В данном случае имеется в виду и политический контекст исследуемого региона, и экономический, и социально-культурный [19]. Сложнее всего проводить выборы в государствах с несовершенной демократией (Колумбия, Парагвай, Мексика) или с гибридными режимами (Эквадор, Боливия, Гондурас, Гватемала) [1]. Связано это с политическим контекстом и отношением общества к властным структурам.

В период выборов 2013–2015 гг. в латиноамериканском регионе было небольшое количество стран (например, Мексика, Бразилия, Гондурас, Гватемала, Аргентина, Сальвадор), на чьей территории, кроме официальных государственных органов, функционировали и нелегитимные группы (такие как военизированные группировки, наркокартели и т. п.) [11].

Избирательные органы могут проводить выборы технически безупречно, но без государства, способного обеспечить верховенство права, очень трудно гарантировать правильность исполнения процедур. 7 июня 2015 г. на выборах в Мексике государственные органы не смогли в полной мере обеспечить безопасность

для всех кандидатов. Из-за беспорядков в некоторых регионах (Оахака, Чьяпас, Мичоакан) граждане не смогли попасть на участки для голосования, в то время как 20 кандидатов погибли и еще 10 пострадали. В этих мексиканских штатах было явное запугивание, дискредитация и насилие в отношении кандидатов (в частности, в отношении женщин). Таким образом, точки зрения подхода «свободных и честных выборов» латиноамериканский регион сложно назвать и свободным для всех лиц региона, и честным для выборного процесса в целом.

II. Неравные конкурентные условия

Выборы 2013–2015 гг. показали трудности конкурентной борьбы кандидатов из неруководящих партий (или самовыдвиженцев) с действующими политиками. Другими словами, «действующий политический лидер почти всегда выигрывает выборы» [21].

Действующие политики, которые выигрывают выборы, не являются потенциальным источником риска для демократии. Проблема возникает тогда, когда они управляют государственными ресурсами в пользу своей кандидатуры [3], а также когда нарушают условия справедливости. В процессе президентских выборов в пяти странах были переизбраны действующие должностные лица (Табл. 3). В Колумбии по итогам первого тура Сантос набрал 25,6 % голосов, в то время как его главный оппонент Сулуага получил 29,26 %. Поскольку всего кандидатов было трое и после первого тура абсолютного большинства голосов никто не набрал, был объявлен второй тур, по итогам которого Сантос был переизбран на пост президента страны. То же самое произошло и в Эквадоре, где Корреа был переизбран на второй срок. В Венесуэле Мадуро также в ходе выборов не покинул президентское кресло. В Боливии и Бразилии переизбрали председателя партии, который находился у власти, что тоже, в свою очередь, обеспечивает преемственность в политике.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

Таблица 3. Действующие политические лидеры всегда выигрывают

	Количество туров	Победитель, %	Второй кандидат, %	Разница голосов между победившим кандидатом и кандидатом, занявшим второе место в 1-м туре	Разница голосов между победившим кандидатом и кандидатом, занявшим второе место во 2-м туре	Победитель
Венесуэла, 2013	1	50,61	49,12	1,49		Действующий политик
Коста-Рика, 2014	2	77,22	22,1		55,6	Доминирующая партия
Сальвадор, 2014	2	50,11	49,89		0,22	Партийный действующий политик
Колумбия, 2014	2	50,95	45,00		5,95	Действующий политик
Панама, 2014	-	39,1	31,4	7,7		Доминирующая партия
Гондурас, 2013	-	36,89	28,78	8,11		Партийный действующий политик
Парагвай, 2013	-	45,83	37,11	8,72		Доминирующая партия
Эквадор, 2013	1	57,17	22,68	34,49		Действующий политик
Чили, 2013	2	62,17	37,87		24,34	Доминирующая партия
Бразилия, 2014	2	51,63	48,37	8,04	3,26	Действующий политик
Боливия, 2014	1	61,04	24,49	36,55		Действующий политик
Уругвай, 2014	2	56,62	43,38	16,93	13,24	Партийный действующий политик

Источник: разработки автора статьи на основе данных официальных выборов.

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

Выборы показывают неравный доступ партий и/или кандидатов к государственным финансам, больше ресурсов имеют те кандидаты, которые уже занимают властные позиции. У них больше возможностей для использования разнообразных ресурсов, в связи с чем возникает неравномерность конкурентоспособности кандидатов. Политика требует финансовых затрат [4; 24].

III. Коррупционность лиц, принимающих государственные решения

Латинская Америка — регион, где наибольшее количество примеров коррупционности представителей власти в период избирательных кампаний. В отчетах в период выборов 2013–2015 гг. было зафиксировано множество примеров нарушения чиновниками законов о честности, прозрачности и справедливости выборов (Табл. 4).

Таблица 4. Упоминание в отчетах МОЕ о нарушении избирательного процесса в период выборов 2013–2015 гг.

Отчет МОЕ/ОЕА	Покупка голосов/мандатов	Оказание давления на социально незащищенные группы населения	Транспортировка / привоз избирателей	Нарушение тайны голосования*	Физическое насилие	Другие нарушения избирательного процесса**
Мексика, 2015		x		x	x	x
Сальвадор, 2015						
Коста-Рика, 2014						
Боливия, 2014				x	x	
Перу, 2014					x	
Колумбия, 2014	x		x	x		x
Панама, 2014						
Эквадор, 2014		x				x
Сальвадор, 2013						
Эквадор, 2013				x		
Гондурас, 2013				x		
Парагвай, 2013	x		x	x		x

* Эта категория включает фиктивные голоса, использование технологий «карусель»

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

лей» и «вбросов», семейное голосование и проблемы с инфраструктурой, которые влияют на тайну голосования.

** Другие нарушения: заранее известны результаты, еще до объявления (выборы имели фиктивный характер), нарушение тишины для избирателей в день голосования, незаконная реклама и т. д.

Источник: разработка автора статьи на основе отчетов МОЕ.

IV. Проблемы технического характера, связанные с избирательным процессом

Управление выборами должно быть эффективным, действенным, прозрачным и автономным как от правительства, так и от партий в целом. Если политические партии несут ответственность за избирательный процесс или если они управляют учреждениями, которые организуют

выборы, то это может создать своеобразную уязвимость, поскольку они, вероятно, будут вести себя как заинтересованные стороны, а организаторы выборов должны быть беспристрастными.

Ниже приведена таблица с техническими нарушениями избирательного процесса.

Таблица 5. Упомянутые в отчетах МОЕ проблемы, связанные с управлением избирательным процессом в 2013–2015 гг.

Отчет МОЕ/OAG	Низкий уровень профессионализма	Вытеснение партий, не обладающих достаточными экономическими ресурсами	Проблемы взаимодействия избирательных органов с судебными инстанциями	Низкая контролирующая способность избирательных органов	Проблемы регистрации партий	Фиктивные списки избирателей; наличие кандидатов-спойлеров	Задержка в доставке результатов выборов	Проблема обучения чиновников избирательному процессу
Мексика, 2015			x	x			x	x
Сальвадор, 2015	x	x	x			x		
Коста-Рика, 2014								x
Боливия, 2014		x	x	x		x	x	x
Перу, 2014							x	x
Колумбия, 2014	x	x	x	x				x
Панама, 2014			x					

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

Отчет МОЕ/ОАГ	Низкий уровень профессионализма	Вытеснение партий, не обладающих достаточными экономическими ресурсами	Проблемы взаимодействия избирательных органов с судебными инстанциями	Низкая контролирующая способность избирательных органов	Проблемы регистрации партий	Фиктивные списки избирателей; наличие кандидатов-спойлеров	Задержка в доставке результатов выборов	Проблема обучения чиновников избирательному процессу
Эквадор, 2014								x
Сальвадор, 2013	x	x	x					x
Эквадор, 2013	x	x		x				
Гондурас, 2013	x	x	x	x	x	x	x	x
Парагвай, 2013	x	x	x	x				x

В Уругвай (2014), Бразилию (2014), Чили (2013), Аргентину (2013), Венесуэлу (2013) не были допущены иностранные наблюдатели, поэтому отсутствуют отчеты МОЕ.

Источник: разработки автора статьи на основе отчетов МОЕ.

Выводы

Каждый гражданин имеет право на честные, свободные и открытые выборы [16] и, следовательно, наиболее справедливый избирательный процесс в тех государствах, где развиты сильные политические институты, где права человека неприкосновенны и охраняемы, где верховенство закона неоспоримо на всей территории страны, где всем кандидатам гарантируются равные конкурентные возможности, где они могут не волноваться за свою жизнь, где граждане выражают высокую степень поддержки верховной власти.

Все эти показатели выстраивают перед нами идеальную картину избирательного

процесса, однако, как известно, идеальных выборов не существует. В ходе выборов могут случиться различные экстраординарные события, такие как: кризис избирательных институтов, отстранение председателей избирательных комиссий за нарушения работы избирательных участков, коррупционные скандалы, насилие, политические и социальные протесты, случаи мошенничества — все эти факты приводят к росту протестных настроений у населения [19; 8]. Более того, бывают случаи, когда выборы завершены, результаты оглашены, но политические элиты не согласны с итогами или население страны недовольно результатами и начинает устраивать забастовки, митинги и т. д. Решение данных проблем зависит от стой-

кости и организованности политических институтов и от политической культуры граждан.

Выборы в Латинской Америке в 2013–2015 гг. показали то, насколько избирательные процессы данного региона далеки от совершенства, и выявили основные проблемные зоны, требующие кардинальных изменений и реформ. Во-первых, в странах данного региона не развита социально-экономическая, институциональная и политическая среда. Во-вторых, из-за того, что действующие политики, находясь у власти, имеют большой доступ к разнообразным ресурсам, возникает диспропорция в уровне конкурентности кандидатов. В-третьих, наличие негативных практик (например, кумовство или покупка голосов) значительно затрудняет процесс проведения честных и справедливых выборов. В-четвертых, это наличие проблем технического характера, связанных с избирательным процессом.

Данная работа опиралась на официальные отчеты La Misión de Observación Electoral (МОЕ). Благодаря представленным данным, исследователю удалось

в полной мере ознакомиться с фактами различных нарушений в избирательных процессах данного региона. Конечно, отчеты данной организации не являются официальными и общепризнанными, однако они независимы и беспристрастны. Кроме международных наблюдателей, осуществляющих контроль на выборах, эту функцию исполняют оппозиционные партии, средства массовой информации, гражданское общество, различные неправительственные и общественные организации.

Повышение уровня честности и справедливости в период проведения выборов в странах Латинской Америки зависит от решения, по крайней мере, трех социально-политических задач: развитие государственного потенциала и повышение уровня законности; повышение справедливости в условиях соперничества; повышение благосостояния населения и укрепление избирательных органов. Таким образом, справедливые выборы могут стать возможными только при эффективном взаимодействии политических элит и институтов гражданского общества.

Перевод статьи с испанского языка произвели молодые исследователи факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова Дашкина Ирина, Матюсова Анастасия и Колпаков Роман

Литература

1. Azpuru. D. La legitimidad de la democracia a la luz de su desempeño: una evaluación de las preferencias ciudadanas (1994–2014). Seminario Internacional: Dilemas de la Democracia en América Latina: a cuatro décadas de la transición, IJ-UNAM y FLACSO, Ciudad de México, 30 de septiembre, 1 y 2 de octubre. 2015.

Что такое справедливые выборы? Анализ избирательных процессов в странах Латинской Америки в 2013–2015 гг.

---

2. *Beaulieu E., Hyde, S. D.* In the Shadow of Democracy Promotion: Strategic Manipulation, International Observers, and Election Boycotts // *Comparative Political Studies*. — 2009. — Vol. 42. — P. 392–415.
3. *Birch S.* Electoral Malpractice. — Oxford, Oxford University Press. 2011.
4. Casas Zamora K., Chanto R., Muñoz-Pogossian B. y M. Vidaurri. (eds.) *Reformas Políticas en América Latina: Tendencias y Casos*. Washington, DC., Organización de los Estados Americanos. 2016.
5. *Carreras M., Irepoglu Y.* Perceptions of Electoral Integrity, Efficacy and Electoral Participation in Latin America // *Electoral Studies*. — 2013. — Vol. 32, nº 4. — P. 600–619.
6. *Dahl R.* La Poliarquía. Madrid, Tecnos. 1971.
7. *Diamond L.* Elecciones sin democracia. A propósito de los regímenes híbridos // *Estudios Políticos*. — 2004. — Vol. 24. — P. 117–134.
8. *Elklit J., Reynolds A.* A Framework for the Systematic Study of Election Quality // *Democratization*. — 2005. — Vol. 12, nº 2. — P. 147–162.
9. *Hartlyn J., McCoy J.* Observer Paradoxes: How to Assess Electoral Manipulation. 2006.
10. *Hartlyn J., McCoy J., Mustillo T.* Electoral Governance Matters: Explaining the Quality of Elections in Contemporary Latin America // *Comparative Political Studies*. — 2008. — Vol. 41. — Nº 1. — P. 73–98.
11. *Freidenberg F., Suarez-Cao J. (eds.)* Territorio y Poder: Nuevos actores y competencia política en los sistemas de partidos multinivel en América Latina. Salamanca, Ediciones Universidad de Salamanca. 2014.
12. *Kelley J.* Do International Election Monitors Increase or Decrease Opposition Boycotts? // *Comparative Political Studies*. — 2011. — Vol. 44. — Nº 11. — P. 1527–1556.
13. *Kelley J., Kolev K.* Elections quality and international observation: 1975–2004. Two new datasets // Consultado el 20 de diciembre de 2015, a las 14:00 hs. Доступ: <http://ssrn.com/Аннотация=1694654>.
14. *Linz J. J.* La quiebra de las democracias. Madrid, Alianza Editorial. 1987.
15. *Mendez de Hoyos I.* A preliminary framework to analyse the quality of elections in Latin America: Mal Practices in Presidential Elections 2006–2012 // Ponencia presentada en el VII Congreso del Consejo Europeo de Investigaciones Sociales sobre América Latina, Oporto, 12–15 de junio. 2013.
16. *Merloe P.* Electoral Monitoring vs. Disinformation // *Journal of Democracy*. — 2015. — Vol. 26. — Nº 3. — P. 79–93.
17. *Mozaffar S., Schedler A.* The Comparative Study of Electoral Governance: Introduction // *International Political Science Review*. — 2002. — Vol. 23. — Nº 1. — P. 5–27.
18. *Munoz-Pogossian B., Alvarez Veloso D.* La responsabilidad de observar: repensando la observación electoral de la OEA // *América Latina Hoy, Revista de Ciencias Sociales*. — 2015. — Vol. 70 (agosto). — P. 55–76.
19. *Nohlen D.* Arquitectura institucional, contexto sociocultural e integridad electoral // Documento presentado en la Segunda Asamblea General de la Association of World Elections Bodies (AWEB), Punta Cana, República Dominicana, 20 de agosto. 2015.
20. *Norris P.* The new research agenda studying electoral integrity // *Electoral Studies*. — 2013. — Vol. 32. — P. 563–575.
21. *Penfold M., Corrales J., Hernandez Jimenez G.* Los invencibles: La reelección presidencial y los cambios constitucionales en América Latina. *Revista de Ciencia Política*. — 2014. — Vol. 34. — Nº 3. — P. 537–539.
22. *Schattschneider E. E.* Party Government. New York, Holt, Rinehart and Winston. 1942.
23. *Schedler A.* Elections without Democracy: The Menu of Manipulation, *Journal of Democracy*. — 2002. — Vol. 13. — Nº 2. — P. 36–50.

24. *Zovatto D.* Elecciones y democracia en América Latina. Balance electoral latinoamericano noviembre 2005-diciembre. Presentada en el Seminario de Balance Electoral de América Latina, organizado en el Centro de Estudios Constitucionales, Madrid, 13 de diciembre. 2006.

Отчеты Миссии по наблюдению за выборами 2013–2015 гг.

1. México 2015. Informe ante el Consejo Permanente de la Misión de Visitantes Extranjeros en las Elecciones Federales del 7 de junio de 2015 de los Estados Unidos Mexicanos.
2. El Salvador 2015. Informe ante el Consejo Permanente de la Misión de Observación Electoral a las Elecciones Asamblea Legislativa, Parlamento Centroamericano y Concejos Municipales del 1 de marzo de 2015 de la República de El Salvador.
3. Ecuador 2014. Informe Verbal de la Misión de Observación Electoral en las Elecciones Municipales del 23 de febrero de 2014 de la República de Ecuador.
4. Perú 2014. Informe Verbal de la Misión de Observación Electoral en las Elecciones regionales y Municipales del 5 de octubre de 2014 de la República de Perú.
5. Bolivia 2014. Informe Verbal de la Misión de Observación Electoral en las Elecciones Generales del 12 de octubre de 2014 del Estado Plurinacional de Bolivia.
6. Costa Rica 2014. Informe Verbal de la Misión de Observación Electoral en las Elecciones Generales del 2 de febrero y del 6 de abril de 2014 de la República de Costa Rica.
7. Panamá 2014. Informe Verbal de la Misión de Observación Electoral en las Elecciones Generales del 4 de mayo de 2014 de la República de Panamá.
8. Colombia 2014. Informe Verbal de la Misión de Veeduría Electoral en las Elecciones legislativas y presidenciales (primera y segunda vuelta) del 2 de marzo, 25 de mayo y 15 de junio de 2014 de la República de Colombia.
9. Paraguay 2013. Informe de la Misión de Observación Electoral de la Organización de los Estados Americanos, Elecciones Generales del 21 de abril de 2013 de la República de Paraguay.
10. Ecuador 2013. Informe Verbal de la Misión de Observación Electoral en las Elecciones Generales del 17 de febrero y 7 de abril de 2013 de la República de Ecuador.
11. Honduras 2013. Informe Final de la Misión de Observación Electoral de la Organización de los Estados Americanos, Elecciones Generales del 24 de noviembre de 2013 de la República de Honduras.

Современная теория и практика электоральных реформ

Аннотация

Современные демократии и движущиеся в ее направлении поставторитарные политические системы пристальное внимание уделяют институту выборов, так как именно он создает условия для массового вовлечения граждан в политическую жизнь, предоставляет возможность определить конфигурацию партий, которые будут реализовывать свой политико-управленческий курс. Однако волеизъявление граждан преломляется установленной в стране избирательной системой, способной кардинальным образом трансформировать электоральные предпочтения и привести к получению неожиданных результатов. Состоявшиеся 8 ноября 2016 г. выборы президента США являются наглядным тому подтверждением. Принятая в стране двухуровневая система выборов президента обеспечила победу кандидату от Республиканской партии Д. Трампу, получившему 304 голоса выборщиков против 227 у кандидата от Демократической партии Х. Клинтон. Вместе с тем, если бы выборы президента проходили в соответствии с плюральной формулой, то результат оказался бы иным, так как Х. Клинтон набрала 48,03 % голосов избирателей, а Д. Трамп — 45,94. В свою очередь, любая политическая партия стремится прийти к власти посредством признаваемых всеми участниками электорального процесса честных выборов, что гарантирует ей высокий уровень легитимности и большую свободу при принятии решений. В отличие от рядовых граждан партийные боссы и технологи прекрасно осведомлены об эффектах разнообразных избирательных систем, что нередко вызывает у них соблазн после прихода к власти провести некоторые манипуляции с электоральными правилами для усиления своих позиций. Однако опыт стран стабильной демократии убедительно демонстрирует, что политики очень осторожно относятся к этому вопросу, прибегая к реформе ИС и даже внесению в нее отдельных изменений в исключительных случаях. В новых демократиях процессы становления электоральных институтов протекали весьма интенсивно и не всегда продуманно и последовательно, что предопределило более частое изменение правил и принципов формирования состава парламентов, тем более что не все из них в итоге остались на демократической орбите, сместившись в сторону электорального авторитаризма. Цель данной статьи — обобщить существующие в современной политической науке подходы, объясняющие причины проведения электоральных реформ, а также ограничения, гарантирующие сохранение избирательных систем в неизменном виде.

Ключевые слова: электоральная реформа, электоральные правила, избирательная система.

Автор

Михайлова Ольга Владимировна

Доктор политических наук,
доцент кафедры политического анализа
факультета государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Эффекты избирательной системы

Избирательная система, понимаемая в широком смысле как вся совокупность институтов, связанная с проведением выборов, является важнейшим связующим звеном между предпочтениями граждан и принимаемыми государственными решениями. При этом мир избирательных систем весьма разнообразен (Рис. 1), их выбор зависит от ряда экзогенных и эндогенных факторов

и осуществляется на конкретный момент времени ключевыми политическими акторами, имеющими некоторое понимание последствий такого выбора как для себя, так и для политической системы в целом. Специфические характеристики каждого типа избирательной системы имеют как положительные, так и отрицательные эффекты, что служит для политических акторов ориентиром для закрепления или изменения status quo (Табл. 1).

Таблица 1.
Оценка основных типов избирательных систем
(адаптировано по The Politics of Electoral Systems 2005: 572)

Критерий	Плюральная	Альтернативного голосования	Двухраундовая	Смешанная связанная	Смешанная несвязанная	Пропорциональная с закрытыми списками	Пропорциональная с открытыми списками	Пропорциональная с единым переходящим голосом
Точность отражения предпочтений избирателей	СОЭ	ОЭ	СОЭ	СПЭ	ПЭ	СПЭ	СПЭ	ПЭ
Социально-демографическая представленность в парламенте	Н	Н	Н	Н	Н	ПЭ	Н	Н
Персональная подотчетность членов парламента избирателям	ПЭ	ПЭ	ПЭ	Н	Н	СОЭ	СПЭ	СПЭ
Максимизация возможностей участия для избирателей	СОЭ	ОЭ	ОЭ	Н	Н	СОЭ	ПЭ	СПЭ
Сплоченность и дисциплинированность партий	Н	ПЭ	Н	ПЭ	ПЭ	ПЭ	Н	Н

Современная теория и практика
электоральных реформ

Критерий	Плюральная	Альтернативного голосования	Двухраундовая	Смешанная связанная	Смешанная несвязанная	Пропорциональная с закрытыми списками	Пропорциональная с открытыми списками	Пропорциональная с единым переходящим голосом
Стабильное эффективное правительство	СПЭ	СПЭ	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Возможность смещения правительства избирателями	СПЭ	СПЭ	СПЭ	ПЭ	Н	Н	Н	Н

В таблице используются обозначения: СОЭ — сильный отрицательный эффект, ОЭ — отрицательный эффект, Н — точно не установлено, ПЭ — положительный эффект, СПЭ — сильный положительный эффект.

Итак, будучи установленными, ИС имеют политические последствия для действующих политических акторов в нескольких направлениях. Во-первых, они оказывают влияние на партийную систе-

му, что нашло свое закрепление в «зако- не Дюверже», в соответствии с которым: 1) пропорциональные ИС способствуют формированию большого количества независимых партий; 2) двухраундовые

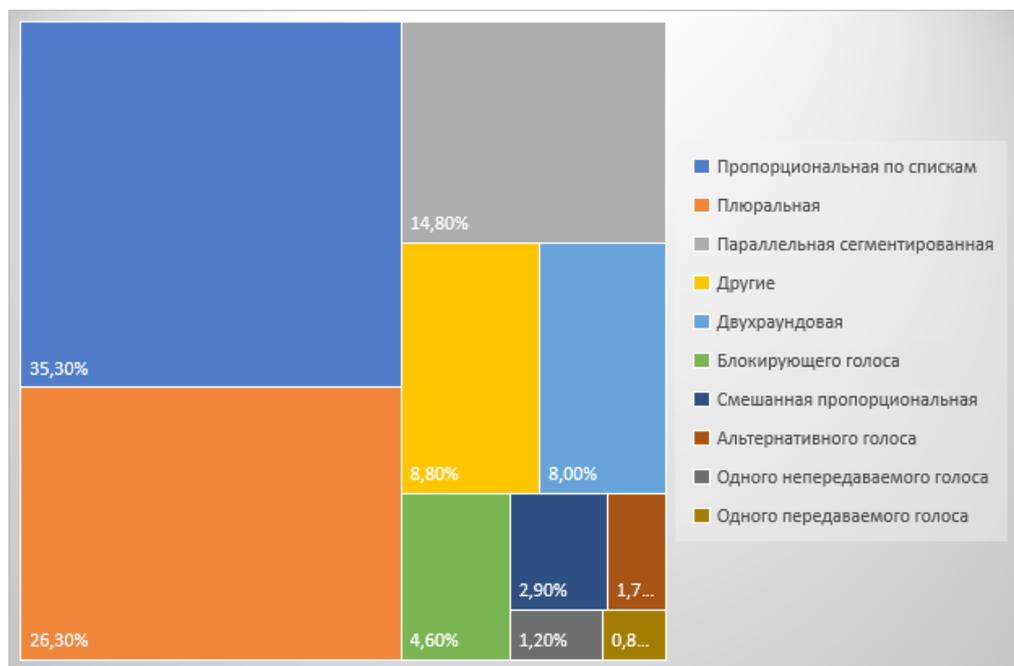

Рисунок 1. Разнообразие избирательных систем

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

ИС — многих партий, ориентированных на взаимодействие друг с другом; 3) плюральные ИС — двухпартийной системы [Duverger 1986].

В свою очередь, Дж. Сартори [Sartory 1997] выделял два типа избирательных систем — сильные (1–5 мандатов), оказывающие давление на партии и их лидеров, и слабые (более 5 мандатов), не сдерживающие их. К категории сильных ИС он относит плюральную систему, так как она создает стимулы к формированию сильных партий (США, Великобритания, Канада, Австралия). Влияние пропорциональных избирательных систем на политические партии гораздо мягче, что содействует фрагментации партийной системы и развитию небольших партий (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Нидерланды).

Вместе с тем аналогичные выводы нельзя распространить на посткоммунистические страны, в которых исследователи фиксируют принципиально иное влияние ИС на партийную. При установлении смешанной ИС часть парламента, избираемого по плюральной системе, оказывается более фрагментированной, чем другая часть, формируемая по пропорциональной, в силу высокой активности независимых кандидатов, выдвигающихся в одномандатных округах и слабой межпартийной конкуренции партий (Россия до проведения реформ 2004 г.). Иными словами, в странах устойчивой демократии эффективное число партий выше при пропорциональной избирательной системе, в поставторитарных — при плюральной [Gallagher 2001; Birch 2003].

Во-вторых, ИС воздействует на сами политические партии. В частности, она может влиять на способы отбора кандидатов внутри партии: либо расширять возможности для внутрипартийной конкуренции, выдвижения наиболее сильных и самостоятельных кандидатов, либо усиливать позиции партийных боссов, дисциплину и централизацию. В итоге внутрипартийную фракционализацию порождают плюральная ИС и пропорциональная ИС с открытыми списка-

ми или с единым передаваемым голосом.

В-третьих, ИС оказывает влияние на парламент, а именно — на поведенческие стратегии парламентариев и характер их подотчетности избирателям. Для любого депутата принципиально важным является вопрос его переизбрания, который определяется процедурой отбора кандидатов: централизация и зависимость от партийной элиты снижают автономию законодателя, в своих решениях он будет демонстрировать лояльность лидеру партии и поддерживать его решения. И, наоборот, в случае, если процессы отбора делегируются и предполагается активное участие в них членов партии, растет степень автономии депутата от политического лидера. Аналогичным образом депутаты, избранные по пропорциональной ИС с закрытыми списками, с высокой долей вероятности будут ориентироваться в своем поведении на позицию включивших их в список партийных боссов, а не на мнение избирателей, отдавших за партию свои голоса. Депутаты, получившие свои мандаты от избирателей по пропорциональной ИС с открытыми списками или единым переходящим голосом, склонны действовать, согласуясь с их мнением.

Относительно плюральной ИС сложилось устойчивое мнение о том, что она формирует крепкую связь между парламентарием и избирателями в одномандатном округе, создавая наиболее благоприятные условия для представления их интересов. Однако в качестве контраргумента высказывается позиция о том, что избиратель вынужден голосовать за кандидата, выставленного партией, а не за того, кого бы он действительно хотел бы видеть в качестве кандидата от партии. При ограниченности выбора избиратель следует своим партийным предпочтениям, а избираемый таким образом парламентарий оказывается крепче связан с партией, а не с округом. [The Politics of Electoral Systems... 2005].

В-четвертых, ИС влияет на правительство. С высокой долей уверенности (го-

Современная теория и практика
электоральных реформ

раздо более высокой, чем в предыдущих случаях) можно утверждать, что пропорциональная ИС ведет к необходимости создания коалиционного правительства, плюральная — мажоритарного. Таким образом, в первом случае партийная конфигурация правительства определяется после выборов как результат переговорного процесса между определенными партиями и в наименьшей степени зависит от позиции избирателя (Бельгия, Дания, Финляндия, Нидерланды); во втором — правительство является результатом непосредственного выбора граждан (Великобритания, Канада). При всей очевидности этой связи в политической практике нередко бывают исключения, когда при плюральной ИС формируются коалиционные правительства (Австралия, Франция).

Безусловно, нельзя утверждать, что описанные эффекты избирательных систем не имеют исключений и одинаково проявляют себя во всех странах с идентичными и наиболее похожими электоральными правилами. Однако они представляют собой правила, по которым голоса избирателей трансформируются в парламентские места, что делает ИС объектом пристального внимания политиков, желающих эти правила скорректировать желаемым образом, и, как следствие, по точному замечанию Дж. Сартори, сделать «самым специфическим манипулятивным инструментом политики» [Sartory 1997], позволяющим модифицировать с их помощью как отдельные элементы институционального дизайна государства, так и варьировать степень включенности/исключенности отдельных социальных групп из политического представительства.

Опыт электоральных реформ

Основанно можно предполагать, что электоральная реформа по своему содержанию должна представлять собой не просто внесение отдельных изменений в действующие правила, а преобразование, модернизацию системы

выборов или отдельных ее элементов. Иными словами, реформа должна содержать некий прогрессивный элемент, содействующий повышению качества работы электоральных институтов. Однако в отношении ЭР широкое распространение получила трактовка А. Лейпхарта, связывавшего ее с электоральной инженерией и особо подчеркивавшего, что менее лестным названием изменений электоральных правил может быть только манипуляция, осуществляемая, как правило, по четырем основным направлениям: электоральная формула, размер округа, величина заградительного барьера и размер ассамблеи [Lijphart 1990].

С позицией А. Лейпхарта сложно не согласиться, так как изменения, вносимые в электоральные правила, это, по сути, игра с нулевой суммой, порождающая конфликт между политическими акторами, понимающими последствия этих изменений для их властного положения — одна группа укрепляет свои властные позиции, одновременно ослабляя позиции другой. Очевидно, что в таком понимании ЭР имеют узкогрупповую мотивацию и не стоит ждать от них изменения ИС в целях ее совершенствования и реализации общенациональных интересов. В данном случае общенациональным интересом можно считать «непроведение» ЭР и сохранение сложившегося на протяжении десятилетий под давлением различных эндогенных и экзогенных факторов status quo.

Мировой опыт свидетельствует, что в стабильных демократиях на национальном уровне ЭР проводятся крайне редко. Так, Р. Катц выделил за период с 1950 по 1990 г. 12 крупных ЭР (в Табл. 2 представлены некоторые из них), не включая в свое исследование процессы демократизации в поставторитарных странах, так как в них реформы сопровождали смену политического режима и кардинальное переустройство институциональной структуры. В частности, три реформы были связаны с установлением смешанной ИС в начале 1990 гг. (Новая Зеландия в 1993 г., Италия

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

в 1993 г., Япония в 1994 г.), пять реформ во Франции (отказ от формулы д'Ондта в 1951 г., введение двухраундовой ИС, установление прямых выборов президента в 1965 г., отказ и возврат к двухраундовой системе на выборах в Национальное

Собрание в 1985 и 1986 гг.), две реформы в Израиле (установление и отказ от прямых выборов премьер-министра в 1992 и 2001 гг.), одна — в Финляндии (поэтапное введение прямых выборов президента в 1988 и 1994 гг.).

Таблица 2. Крупные электоральные реформы в стабильных демократиях, 1950–2005 гг. [Katz 2005]

Страна	Год	Цель	Инициаторы	Содержание
Франция	1951	Ликвидация региональных различий электоральных правил, усиление правящих партий и ослабление коммунистов	Центральная власть, правящие партии	Переход от пропорциональной к смешанной ИС
Франция	1958	Усиление центристских и ослабление дисциплинированных партий	Президент	Переход от смешанной к двухраундовой ИС
Франция	1985	Минимизация потерь мест в парламенте правящей партией на ближайших выборах	Правящая партия	Переход от двухраундовой к пропорциональной списочной ИС
Франция	1986	Максимизировать количество мест победившим партиям и ослабить крайне правые и крайне левые партии	Правящая партия	Переход от пропорциональной к двухраундовой системе
Италия	1993	Обеспечить смену правительств, сократить количество партий, снизить межпартийную конкуренцию	Избиратели, многие партии	Переход от пропорциональной к смешанной мажоритарной с частичной компенсацией ИС
Япония	1996	Снизить коррупцию, благоприятствовать выборам с ориентацией на партии, а не на отдельных кандидатов, стимулировать формирование двухпартийности и смену правительств	Большинство политических партий	Переход от ИС единого переходящего голоса к смешанной ИС
Мальта	1987	Восстановить легитимность электорального процесса	Правящая партия под давлением оппозиции	Модификация ИС единого переходящего голоса
Новая Зеландия	1993	Повышение точности представительства интересов граждан	Общественное давление, небольшие партии	Переход от плюральной к смешанной ИС

Р. Катц ограничил свое исследование не только стабильными демократиями, но и крупными реформами, которые определяются автором как «полное изменение электоральной формулы, по которой избирается сильный президент или палата парламента, формирующая национальное правительство» [Katz 2005: 58]. Его интересовали изменения не отдельных электоральных правил, а ИС, происходящие гораздо реже в политической практике стабильных демократий. Это объясняется как институциональной логикой стабильности институтов, вписанных в общую институциональную архитектуру государства, сложностью процедур их изменения, так и нежеланием инкубентов изменять правила, которые привели их к власти.

А. Лейпхарт определял ИС как набор неизменных правил организации и проведения выборов и операционализировал их через такие индикаторы, как электоральная формула, размер округа, заградительный барьер и размер ассамблеи. В период с 1945 по 1990 г. в 27 демократиях им было зафиксировано 70 ИС и 30 ЭР национального уровня. Причем, если принять во внимание даже незначительные изменения, то в данный период только двое успешных выборов подряд проходили по идентичным правилам [Lijphart 1994].

М. Квортруп не ограничил свое исследование стабильными демократиями, включив в него страны новых демократий, а также предпринятые и неудавшиеся попытки реформ на национальном уровне в период с 1980 по 2010 г. В итоге число реформ увеличилось до 69 в 49 национальных государствах, однако только 80 % из них оказались успешными. Важным наблюдением автора стала связь между успехом ЭР и институционально закрепленным требованием получения поддержки граждан для ее проведения. По его оценкам, 94 % реформ были реализованы без одобрения на референдуме, и только 6 % воплощены в жизнь после получения поддержки граждан [Qvortrup

2011]. Данный факт позволил автору сделать вывод о том, что инкубенты, проводящие ЭР, ограничены действиями оппозиции, способной мобилизовать граждан на проведение референдума и заблокировать эту инициативу.

Итак, в современной научной литературе получили поддержку два подхода к пониманию электоральной реформы: либо это значительные изменения ИС на национальном уровне (например, переход от плюральной ИС к пропорциональной), либо это все возможные модификации ИС (например, увеличение размера депозита для партий, принимающих участие в выборах, повышение/понижение заградительного барьера, изменение границ избирательного округа). В этой связи Р. Катц ставит два важных вопроса, определяющих дальнейшую научную дискуссию об ЭР. Во-первых, какие факторы влияют на принятие инкубентами решения о проведении крупной ЭР? Во-вторых, какие факторы сдерживают инкубентов от постоянного внесения даже незначительных изменений в действующую ИС?

Ответы на эти вопросы целесообразно предварить замечанием М. Шугарта о том, что для понимания причин и содержания ЭР ее следует рассматривать как результат взаимодействия необходимых и случайных факторов [Shugart 2001]. Необходимые факторы имеют значение на начальном этапе принятия решения о проведении и содержании реформы и связаны с объективно фиксируемыми проблемами в функционировании ИС, повышающими риск снижения легитимности власти (нестабильность правительства, диспропорциональность результатов выборов и пр.). В качестве случайного фактора автор рассматривает время проведения реформы, утверждая, что вероятность этого в каждый конкретный период времени крайне мала, так как для запуска реформы необходимы не только сложившиеся предпосылки, но и триггеры, предсказать ко-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

торые для каждой конкретной ситуации весьма непросто. Катализировать реформы может реальная угроза политического распада, потеря управляемости политической системой, гражданская война, масштабные акции протеста и даже случайная публичная реплика политика, от которой он не захочет отказаться, а также необходимость поиска компромисса с оппозицией по какому-либо важному для правящей элиты вопросу. Немаловажное значение имеет также и общемировая мода на те или иные электоральные нововведения. Например, в 1990 — начале 2000 гг. исследователи зафиксировали рост популярности смешанных ИС (Италия, Россия, Венесуэла, Боливия, Венгрия, Япония, Новая Зеландия), а также спрос на усиление роли избирателей на выборах, возможность выбирать кандидатов из списка партии, представленного на голосовании (Австрия, Бельгия, Швеция).

Э. Рэнвик видит корни электоральной реформы в возможности правящей эли-

ты контролировать процесс принятия решения о ее проведении. Он исходит из допущения о том, что политики обычно контролируют ИС и обладают властными полномочиями для ее изменения или сохранения. Соответственно, причиной проведения реформы становится либо решение правящей группы поменять ИС, либо утрата ею контроля над процессом принятия решения по этому вопросу. Основываясь на данном критерии, Э. Рэнвик предлагает типологию электоральных реформ (Рис. 2), принимая во внимание роль различных акторов в ее инициировании.

Рисунок 2 помогает наглядно проследить за рассуждениями автора. Проведение ЭР по инициативе полностью контролирующей процесс принятия решений политической группы ставит ее перед выбором одного из типов реформы: редистрибутивная (улучшающая положение одной группы общества за счет другой) или эффективная (при сохранении status quo улучшающая условия для всех или

Рисунок 2. Типы электоральных реформ (адаптировано по Renwick 2010: 11)

Современная теория и практика
электоральных реформ

для большинства групп). Как правило, в мире проводятся редистрибутивные ЭР, содействующие увеличению представительств в парламенте одних партий за счет сокращения других. Иными словами, если правящая партия или коалиция партий видит выгоды от изменения избирательной системы или существенной ее модификации, она навязывает свою позицию большинству.

Сказанное не означает, что инкубенты не склонны проводить эффективную ЭР, которая могла бы, например, ослабить обострившиеся в стране межгрупповые противоречия и купировать противостояние социальных групп (ЮАР в 1994 г.). У власти могут находиться политики-идеалисты или романтики, выдвинувшиеся на волне демократизации, имевшие до этого опыт борьбы с авторитарным режимом, что формирует у них ценностно-ориентированную мотивацию в отношении преобразований.

В случае, если правящая группа полностью не контролирует процесс принятия решений по ИС, то количество его участников расширяется (судьи, граждане, эксперты, внешние акторы). Политическая роль судов типична для политической системы США, где преобразование ИС может быть инициировано или сдержано судебными решениями. Как правило, суды становятся важнейшими участниками процесса модернизации ИС в случаях защиты прав разнообразных меньшинств, отстаивающих свои политические права и требующие расширения представительства.

Роль экспертов заметна в новых демократиях, сталкивающихся с проблемой глобального политического переустройства. Они консультируют политиков, целенаправленно формируя у них позитивное или негативное восприятие того или иного типа ИС. В новых демократиях экспертам оказывается несложно пролоббировать желаемую модификацию ИС в силу тотального информационного дефицита или узкого политического кругозора. Например, Г. Голосов писал об увлеченности

российских политических технологов методом Империали следующее: «Сложно утверждать наверняка, откуда российские чиновники узнали о методе Империали. Случайные свидетельства указывают на то, что источником была книга о пропорциональном представительстве за авторством группы независимых специалистов...» [Голосов 2016: 291].

Мировая политическая практика помнит случаи неограниченного вмешательства внешних акторов в процессы демократизации (Япония и Западная Германия в середине 1940 г.), однако это происходит и происходило крайне редко даже в эпоху третьей волны демократизации. Как правило, процессы становления демократической системы происходят в диалоге и взаимодействии национальной элиты и внешних акторов.

Как и в случае с открытым вмешательством внешних сил в политический процесс национального государства, давление общества на принятие решения об ЭР — это свидетельство утраты контроля правящей группы над этим процессом, что типично для государств, законодательно закрепляющих референдумы. Например, введение пропорциональной ИС в Швейцарии в 1918 г. стало результатом именно такого волеизъявления граждан. Более современным примером является Новая Зеландия, отказавшаяся от плюральной ИС в 1993 г. по итогам проведенного в стране референдума. Вместе с тем специалисты сходятся во мнении о том, что референдумы негативно влияют на проведение ЭР по причине низкой осведомленности рядовых граждан о специфических особенностях ИС и их политических последствиях. По этой причине инициатива о вынесении вопроса о реформе на референдум направляется, как правило, конкретными политиками, желающими изменить *status quo*. И в Швейцарии, и в Италии, и в Японии, и в Новой Зеландии референдумы оказывались поддержаны конкретными политическими партиями. Соответственно, в чистом виде давления

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

масс не наблюдалось ни в одной стране, а принятие решения о реформе было результатом взаимодействия элит и общества.

Автор данной типологии констатирует, что основная масса реформ в мире была результатом либо давления правящей группы на общество, либо взаимодействия правящей группы с обществом (см. также Табл. 1). Определившись с ключевыми акторами, следует перейти к ответу на вопросы Р. Катца о мотивах и основаниях проведения электоральной реформы.

Мотивы электоральных реформ

Принятие решения о проведении ЭР находится в континууме между желанием правящей группы максимизировать свои властные возможности (рациональная мотивация) и воплотить в жизнь политические ценности, содействующие развитию общества (нормативная мотивация). Многие исследователи сходятся во мнении, что рациональная мотивация является преобладающей, выигрывающей бой у ценностей. Как пишет К. Бено, «избирательная система — результат коллективного выбора политических партий, связывающих институциональные альтернативы с электоральным эгоистическим интересом в форме максимизации доли мест... Изменение в электоральных институтах произойдет, если политическая партия или коалиция партий поддержит альтернативу, обеспечивающую ей больше мест, чем действующая ИС, и имеет полномочия повлиять через узаконивание этой институциональной инициативы» [Benoit 2001: 374]. На практике это означает, что инкубент, победивший на выборах по определенным электоральным правилам, склонен к их сохранению или же изменению, только если эти изменения соответствуют его интересу или его вынуждают к этому внешние обстоятельства.

К. Буа развивает этот аргумент на примере перехода к пропорциональной ИС:

«...до тех пор, пока электоральная арена остается неизменной и текущий электоральный режим благоприятствует правящим партиям, ИС не изменяется. Как только электоральная арена изменяется... правящие партии модифицируют ИС в зависимости от появления новых партий. Когда новые партии сильны, старые партии отказываются от плюральной ИС в пользу пропорциональной ИС при условии, что ни одна из старых партий не занимает доминирующего положения» [Voix 1999: 609].

Однако, как пишет Р. Катц, партии иногда могут поступать правильно и проводить ЭР для претворения в жизнь ценностей, содействующих развитию политической системы и в интересах большинства социальных групп. Нормативная мотивация инициаторов реформ, как правило, связана с воплощением идей демократии (справедливое распределение мест, подотчетность правительства), стабильности (предотвращение межгрупповых конфликтов), повышения эффективности управления (качество принимаемых решений, борьба с коррупцией), усиления национальной идентичности (сохранение преемственности политических традиций). Приоритетность и значимость тех или иных ценностных ориентаций определяется текущим политическим моментом и может оттеснить на периферию узкогрупповой интерес правящей партии или коалиции.

Гражданам ценностные мотивы близки и понятны, они склонны поддержать реформы, направленные на реализацию общенациональных целей (снижение диспропорциональности представительства, повышение подотчетности законодателей). Однако их позиция в данном вопросе становится значимой и требующей принятия во внимание при условии, что законодательно они наравне с инкубентами контролируют процесс принятия решений по проведению ЭР. В подтверждение этому Д. Нагель пишет: «...опыт Новой Зеландии демонстрирует, что модели

Современная теория и практика
электоральных реформ

электорального выбора, основанные на политическом торге, не всегда приемлемы, и что реформаторы, которые разрабатывают свои предложения в интересах доминирующих политических акторов, в конечном итоге могут иметь меньшее влияние, чем те, которые кажутся более «донкихотскими» [Nagel 2004: 530]. Таким образом, становится очевидно, что правящей партии или коалиции слишком откровенно проводить свой узкогрупповой интерес через ЭР опасно, так как существует угроза сопротивления, и, как следствие, повышается вероятность получения потерь, а не преимуществ от ее проведения.

Аналогичное справедливо и для ситуаций полного контроля со стороны инкумбента, но высокой степени неопределенности относительно эффектов ЭР, когда результатом желания создать как можно больше бонусных мест становится превращение следующих выборов в референдум по новой ИС [Quintal 1970]. Вместе с тем в поведении конкретной партии или коалиции сложно эмпирически определить, какими мотивами она руководствуется. Небезосновательными будут опасения экспертов о том, что инкумбент в стремлении максимизировать свои властные позиции будет маскировать узкогрупповые цели ценностными мотивами, позиционировать себя в качестве выразителей интересов всего общества. Однако при этом полностью отрицать влияние ценностных позиций политиков будет безосновательно.

В условиях электорального авторитаризма инициаторами ЭР движет иная комбинация мотивов. Прежде всего, в центре такой политической системы стоит автократ, монополизировавший власть и удерживающий ее независимо от результатов выборов в политически слабый парламент и установленной ИС. Как пишет Г. Голосов о пределах электоральной инженерии в автократиях, «корысть автократа может быть связана не столько с максимизацией власти, сколько с достижением второстепен-

ных целей — например, с кооптацией оппозиции, которая невозможна без предоставления ей определенного, не обязательно совсем незначительного, уровня политического представительства...» [Голосов 2016: 281–2]. Для автократа принципиально важен демонстрационный эффект — показать всему миру действенность установленных демократических институтов. В этом отношении пропорциональная ИС является идеальной. С одной стороны, она традиционно считается более демократичной и представительной, чем плюральная. С другой — открывает широкие возможности для манипуляций, описанных А. Лейпхартом, в целях достижения желаемой партийной конфигурации в политически бессильном парламенте.

Основания электоральных реформ

Побудительные причины «интерес — ценности» неразрывно связаны с основаниями ЭР — причинами, по которым партия или коалиция могут пойти на изменение правил игры. Резонно предположить, что если инкумбент имеет возможность менять правила для достижения своих узкогрупповых целей, то он обязательно будет это делать. Однако хрестоматийным стал пример Великобритании, где с момента установления базовых правил проведения выборов в 1918 г. до 1944 г. законодательными актами парламента не было внесено ни одного изменения в ИС, хотя политические партии без труда могли это сделать. После создания в 1944 г. специальной комиссии по определению границ округов в целях снижения риска несправедливых действий со стороны партий в период с 1945 по 1987 г. было проведено 12 выборов на национальном уровне и только 3 из них прошли в тех же границах, что и предыдущие. Сказанное означает, что для реализации рациональных или нормативных мотивов партии или коалиции должны сложиться определенные обстоятельства и что наличия властных полномочий отнюдь не до-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

статочно. А пример Великобритании свидетельствует о том, что наличие властных полномочий обратно пропорционально желанию изменять сложившийся политический баланс.

Рассуждая об основаниях проведения ЭР, Р. Катц формулирует шесть причин их проведения. *Во-первых*, неуверенность в победе на следующих выборах при действующих правилах и неудовлетворенность сложившимся status quo. Эта причина актуальна для политических систем в условиях турбулентности, с частой сменой у власти противодействующих сил, неустойчивыми правительственными коалициями, сильными позициями деструктивных акторов, препятствующими выходу государства на желаемое направление политического развития. В таких условиях победа на выборах становится результатом удачного стечения обстоятельств (правильно проведенной избирательной кампании, социально-экономических кризисов, террористических актов и пр.) и требует закрепления посредством, в частности, проведения ЭР. Например, после Второй мировой войны для ряда европейских стран крайне важным было закрепление у власти демократических сил, центристских партий, изоляции коммунистов или правых (Франция в 1951 г., Италия в 1953 г.).

Во-вторых, отсутствие у инкубента контроля над ситуацией и давление со стороны других акторов, что определяется сложившейся институциональной системой государства. Сильная оппозиция и возможность проведения референдума являются в данном случае самым сильным прессингующим элементом. Провести ЭР, направляемую исключительно мотивами правящей партии или коалиции, фактически невозможно, о чем, в частности, свидетельствуют результаты исследования М. Квортрупа [Qvortrup 2011]. В Ирландии, например, в 1959 г. и 1968 г. были заблокированы на референдуме попытки реформировать ИС в целях усиления и стабилизации правительства.

Давление на законодательную власть оказывают также социальные движения, инициативы и петиции граждан, протестные акции, на которые инкубенту приходится реагировать, но он это делает не сразу, а только когда ситуация угрожает его властному положению, и отказ от проведения реформы влечет за собой ощутимые потери. К примеру, благодаря деятельности таких акторов произошло становление всеобщего избирательного права в западном мире. В России массовые протесты 2011–2012 гг. стали важным фактором внесения некоторых корректировок в законодательство о партиях и о выборах.

В-третьих, разнонаправленность интересов членов партии или участников коалиции. И внутри политической партии, и внутри коалиции партий может не существовать единого мнения относительно ЭР. Если речь идет о коалиции, то она состоит из различных по политическому весу партий, что определяет стратегические цели каждой из них. Так, для партии — лидера коалиции, основным движущим стимулом является сохранение своих доминирующих позиций в следующем составе и контроля над правительством. Для других членов коалиции приоритетной задачей является увеличение доли мест в следующем созыве парламента, что позволит, например, войти в новую коалицию с более сильными политическими позициями. В итоге давление изнутри правящей коалиции может оказаться основанием для проведения реформы, даже если она не благоприятствует коалиции как единому монолитному политическому актору. И, наоборот, будучи задумана как благоприятствующая коалиции, реформа может не реализоваться из-за внутреннего сопротивления ее членов.

Для внутрипартийной жизни характерны аналогичные оппонирующие интересы отдельных членов и партии как единого монолитного актора, что наиболее отчетливо проявляется в странах с плюральной ИС, когда затрагивается вопрос о пере-

Современная теория и практика
электоральных реформ

смотре границ округов (джерримендеринге). С одной стороны, есть позиция отдельно взятого депутата, избравшегося от округа, чьи границы планируется пересмотреть. С другой — позиция партийных боссов, ориентированных на увеличение доли мест в парламенте. У депутата за длительное время сформировались прочные связи с избирателями округа, что является его важнейшим ресурсом на будущих выборах. Проведение ЭР сильно ослабит его позиции, поставит под угрозу переизбрание в новых территориальных границах с новыми избирателями, что, безусловно, будет настраивать его на противостояние возможным изменениям. Соответственно, для отдельного кандидата важнее переизбраться в очередной раз в парламент, а не содействовать усилению позиций партии. Для политической партии — наоборот. Какая из позиций обладает — вопрос конкретной ситуации.

В-четвертых, оптимизм инкубента в отношении своих властных перспектив при проведении реформы или недооценка ее последствий. Стабильные демократии, имеющие продолжительный электоральный опыт, в большей степени застрахованы от проведения реформы, основываясь на уверенности в гарантированном успехе. Многочисленные предвыборные кампании доказывают, что победить можно даже вопреки эффектам ИС. Кроме того, нельзя однозначно утверждать, что все участники электорального процесса действуют исключительно в логике парадигмы рационального выбора, четко осознавая свои интересы и последствия предпринимаемых действий. Иными словами, в конкурентном публичном пространстве никто не может гарантировать, что задуманная стратегия по изменению ИС пройдет в желаемом направлении и принесет ожидаемый эффект без побочных последствий. Например, инициаторы ЭР в Нидерландах 1952–1956 гг. ставили своей целью увеличить численность парламента и повысить его пропорциональ-

ность за счет снижения заградительного барьера. В итоге в стране увеличилось количество маленьких партий, а пропорциональность снизилась.

Высокий уровень неопределенности в отношении последствий реформы сдерживает от ее проведения политиков, не склонных к политическому риску, повышает роль совещательных процедур, публичных дискуссий по обсуждению возможных позитивных и негативных последствий, как это было несколько лет назад в Великобритании в контексте инициатив по введению ИС альтернативного голосования (см. <http://www.electoral-reform.org.uk/alternative-vote>).

Для политиков в новых демократиях в силу идеализации ими демократических институтов и процессов, а также политической неопытности данный факт не сдерживает от экспериментов с электоральным законодательством. Гипотетически успех может ждать технологов в электоральных автократиях в силу «заблоченности» публичной сферы и высокой политической апатии граждан. В то же время непредсказуемость результата выборов не является для них проблемой и без экспериментов с ИС.

В-пятых, ориентация инкубента на долгосрочные изменения партийной системы, а не краткосрочный электоральный успех. В силу происходящих в политической системе изменений демографического, экономического, социального характера, а также изменения политических предпочтений избирателей, форм участия и пр. инкубент может быть заинтересован в долгосрочных трансформациях ИС, которые приведут не только и не столько к укреплению его властных позиций, но и к изменению партийной системы, характера межпартийной конкуренции, численности партий. Данное основание актуально опять же для новых демократий, вынужденных экспериментировать с ИС для достижения оптимальной для конкретной политической системы конфигурации.

В-шестых, готовность партии обме-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

нять электоральное преимущество на возможность реализации других важных для нее целей. Оппоненты ЭР, располагающие «шантажным потенциалом», могут выступить в ее поддержку в случае, если заинтересованная в ее проведении партия или коалиция окажут поддержку, например, важным для партии-оппонента законопроектам, гарантируют министерские портфели, не будут жестко конкурировать в стратегически важных регионах и пр. Такого рода договоренности, партийные сговоры сложно эмпирически идентифицировать, но при анализе отдельного кейса по проведению ЭР с высокой долей вероятности они будут зафиксированы, особенно, если в политической системе предусмотрены высокие барьеры изменений. Например, в некоторых странах ИС закреплены конституционно, что требует получения либо абсолютного большинства в парламенте, либо согласия граждан, воля которых направляется оппозиционными силами, на референдуме.

Рассмотренные основания убедительно демонстрируют, что проведение ЭР требует серьезной политической осмотрительности, не гарантирует механического эффекта и может превратить искомые преимущества в невозполнимые потери. Сложность в достоверном предвосхищении результатов, острота политической конкуренции и высокая цена каждого мандата для партии удерживает от частой трансформации ИС. Однако это не означает, что партии не пытаются манипулировать ИС на неформальном уровне, использовать в своих целях специфические особенности электоральной формулы. Так, типичной считается манипуляция в рамках смешанной компенсирующей ИС, когда две оппонирующие партии договариваются убедить своих избирателей проголосовать за одну из них только по одномандатным округам, за другую — только по спискам, что позволяет обеим партиям максимизировать долю мест в парламенте. Конечно, эта манипуляция

очевидна даже не искушенному избирателю, поэтому отнюдь не в каждой европейской стране пройдет без скандала. На выборах же в Албании в 2001 г. партии усовершенствовали махинацию, регистрируя своих кандидатов в одномандатных округах как независимых кандидатов, чтобы их победы/проигрыши не учитывались при распределении мест.

***

Итак, реформа избирательной системы или модификация отдельных ее элементов при внешней простоте сопряжена с серьезными ограничениями, представляющими собой единство возможностей, оснований и мотивов инкумбента в сложно уловимый момент времени, со сложно прогнозируемыми последствиями, и, как правило, является ответом на внутрисистемные сбои. Неизбежное обострение межпартийных противоречий, излишнее внимание избирателей к публичной дискуссии об изменении ИС мотивирует инкумбента максимизировать свои усилия в рамках действующих правил, прибегая в отдельных случаях к манипуляции ими на неформальном уровне, что в отдельных случаях становится более надежной стратегией с более контролируруемыми результатами.

Данное ограничение задается высоким уровнем политической конкуренции и не действует, например, в странах электорального авторитаризма, где ее проведение является, скорее, техническим, а отнюдь не политическим вопросом. Именно в таких политических системах ЭР не более чем манипуляция, поиск наиболее благоприятного механического результата для провластной группы, протекающий на периферии политического пространства и не встречающий серьезных препятствий ни со стороны оппозиции, ни избирателей. В условиях высокой межпартийной конкуренции и высокого уровня включенности граждан в полити-

Современная теория и практика
электоральных реформ

ческий процесс ЭР — это установление сопровождающееся изменением электо-
или изменение политического status quo, ральных правил.

Литература

1. *Benoit K.* Models of Electoral System Change // *Electoral Studies*. — 2004. — 23 (3). — P. 363–89.
2. *Birch S.* Electoral Systems and Political Transformation in Post-Communist Europe. — Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2003.
3. *Boix C.* Setting the Rules of the Game: The Choice of Electoral Systems in Advanced Democracies // *American Political Science Review*. — 1999. — 93 (3). — P. 609–624.
4. *Duverger M.* Duverger's Law: Forty Years Later // *Electoral Laws and Their Political Consequences* / B. Grofman and A. Lijphart (eds.). — New York: Agathon Press, 1986. — P. 69–84.
5. *Gallagher M.* The Japanese House of Councilors Election 1998 in Comparative Perspective // *Electoral Studies*. — 2001. — 20 (4). — P. 603–625.
6. *Katz R.* Why are They So Many (or so few) Electoral Reforms? In M. Gallagher and P. Mitchell (eds) *The politics of Electoral Systems*. — Oxford: Oxford University Press. 2005.
7. *Kellner P.* Electoral Reform: Principle of Self-Interest // *Representation*. — 1995. — 33 (2). — P. 23–24.
8. *Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies 1945–1990. — Oxford: Oxford University Press. 1994.
9. *Nagel J. N.* New Zealand: Reform by (Nearly) Immaculate Design. In J. Colomer (ed.) *Handbook of Electoral System Choice*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2004.
10. *Quntal D. P.* The Theory of Electoral Systems // *Western Political Quarterly*. — 1970. — 23. — P. 752–61.
11. *Qvortrup M.* (2012). Voting on Electoral Reform: A Comparative Perspective on the Alternative Vote Referendum in the United Kingdom // *The Political Quarterly*. — 2012. — 83 (1). — P. 108–116.
12. *Renwick A.* The Politics of Electoral Reform. Changing the Rules of Democracy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
13. *Sartory J.* Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives, and Outcomes. — N.-Y.: New York University Press. 1997.
14. *Shugart M. S., Wattenberg M. P.* Mixed-Member Electoral Systems: The Best of Both Worlds? Oxford: Oxford University Press. 2001.
15. *The Limits of Electoral Reform.* Ed. by S. Bowler and T. Donovan. — Oxford: Oxford University Press. 2013.
16. *The Politics of Electoral Systems.* Ed. by M. Gallagher and P. Mitchell. — Oxford: Oxford University Press, 2005.
17. *Голосов Г.* Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015: сборник статей. — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2016.

Развитие прямой демократии: что решает народ?

Аннотация

В 2016 г. такие референдумы, как «Брексит», в результате которого британцы проголосовали за выход Великобритании из состава Европейского союза, или Колумбийский, когда избиратели малым большинством отвергли тщательно подготовленное мирное соглашение между правительством и Революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК), вновь возобновились дискуссии по поводу прямых форм демократии. В то время, пока некоторые защищают представительную систему как лучшую форму правления, другие утверждают, что, учитывая нынешний кризис легитимности, который разрушает современную демократию, очень важно, чтобы граждане решали все сами и прямым способом. Так какое значение для народа имеет референдум, проводимый правительством? Здесь мы настаиваем на том, что непосредственное мнение граждан не предполагает радикальных изменений при условии, что в стране соблюдается демократия или ее видимость. Другими словами, их результаты зависят от институционального контекста и поведения политических акторов, которые, выступая представителями народа, играют ключевую роль в организации и проведении референдумов.

Ключевые слова: референдумы, выборы, демократия.

Автор

Велп Янина

Региональный директор департамента Латинской Америки Центра по изучению Прямой Демократии (C2D) при Университете Цюриха (Швейцария), доктор политических и социальных наук Университета Помпеи Фабра (Испания) и Университета Буэнос-Айрес (Аргентина)

Введение

Нельзя сказать, что референдумы являются чем-то новым для Европы — наоборот, они активно проводятся еще с 70-х гг. XX в. Однако в последнее время их количество достигло своего пика. В Латинской Америке также проводятся референдумы. При этом в латиноамериканских странах отмечается устойчивый рост плебисцитов, особенно отчетливо это проявляется при переходе к демократическим фор-

мам правления, включения механизмов прямой демократии (МПД) в свои конституции (Мексика, как последний случай, в 2014 г.). Символической является Конституция Колумбии 1991 г., которая апеллирует к формированию «демократии участия», или партиципаторно¹ демократии. Референдумы занимают ведущее место в качестве инструмента для преодоления существующих институци-

---

¹ От «participate» — принимать участие (прим. ред.).

Развитие прямой демократии: что решает народ?

ональных кризисов, так как утверждают конституционные изменения, которые вызвали споры (Венесуэла в 1999 г., Эквадор в 2007 г.) [4].

Высокая значимость МПД частично обязана тенденции, которая выражается в росте требований граждан по привлечению к ответственности тех политиков, которые не выполняют своих обещаний и не реагируют на интересы своих избирателей [1]. Данная тенденция поддерживается новыми политическими лидерами и партиями как левого, так и правого толка, например, такими партиями: «Мы Можем» в Испании, «Альтернатива для Германии», «Объединенная партия социалистов Венесуэлы», «Альянс ПАИС» в Эквадоре.

Таким образом, МПД становятся все более актуальными, так как они формируют новые политические конструктивные диалоги и охватывают большую аудиторию. Референдумы часто ориентированы на следующие политические изменения: инициирование внесения изменений в Конституции (Венесуэла в 1999 г.); ратификация конституционных реформ (Боливия и Италия в 2016 г.); обсуждение вопросов наднационального порядка (Венгрия, в 2016 г., отказ от квот приема беженцев, установленных в ЕС). Кроме того, использование МПД стимулируют самоопределения не только в странах, выходящих из конфликтов, как Черногория (2006 г.), но и в богатых регионах с развитой демократией, как Шотландия (2014 г.).

Учитывая распространение МПД, очень важно изучить их влияние на представительную демократию. Исследование сталкивается с позициями: прямой референдум граждан, как «волшебное решение» кризиса легитимности принимаемых решений или как поступок «безрассудный и безответственный» с неопределенным результатом. Но, действительно ли, народ что-то решает посредством референдума? Настоящая статья отвечает на данный вопрос, по итогам анализа референдумов, которые имели место в 2016 г. Я считаю,

что граждане формируют свои предпочтения по тем или иным политическим вопросам в определенном контексте и с несколькими влияющими факторами; в частности, оказывает влияние качество информации, которую они получают, а также важны идеологические и партийные убеждения.

С другой стороны, референдумы никогда не проводятся просто так: когда, кто, почему и как они активируются, имеет очень большое значение и обусловлено тем, как обеспечивается их соблюдение и регулирование. Также имеет значение вопрос о том, кто имеет право голосовать. Чтобы ответить на эти вопросы, нужно охарактеризовать механизмы прямой демократии и проанализировать литературу по данной теме. Затем провести анализ референдумов, которые имели место в течение 2016 г., и, наконец, сделать определенные выводы.

Искусство организации референдума

МПД определяются как механизмы, которые позволяют гражданам решать спорные вопросы непосредственно через голосование в рамках избирательного процесса, подобно избранию депутатов, и включают в себя различные институциональные характеристики. Различие в МПД состоит в изначальном характере их организации: принудительный или необязательный характер, подразделяя последнее на непосредственную прямую организацию со стороны органов власти или через сбор подписей. Еще одно различие относится к рекомендательному и обязательному характеру исполнения тех решений, которые принимаются по итогам референдумов. Третье отличие касается объекта референдума (поощрять или накладывать вето на законы, отклонять решение органов власти и другие) [3].

В большинстве стран, в которых предусмотрено проведение обязательных референдумов, вопросы, выносимые на

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

голосование, касаются, как правило, ратификации поправок Конституции или рассмотрения международных договоров, поскольку референдум является идеальным инструментом легитимации политических решений, имеющих особо важное значение. Этот механизм недавно был запущен в таких странах, как Ирландия, Венесуэла и Боливия. Референдум, созываемый властями («сверху»), наиболее интенсивно используется в мире. В странах Латинской Америки такой референдум является наиболее спорным, так как позволяет сосредоточить всю власть в руках президента страны. Также часто используется в странах Восточной Европы [6]. И, наконец, другой тип референдумов, которые проводятся при условии необходимого сбора подписей, могут быть следующих типов: юридически запрещающими, когда позволяют отменить определенный закон; упраздняющими, когда позволяют сменить власть путем голосования, или предлагают или изменяют законы, когда дают законодательную или конституционную инициативу гражданам [5].

Аргумент, который я хочу защитить в этой работе, теоретически и эмпирически, связан с механизмами прямой демократии в условиях современных демократических режимов, которые всегда сосуществуют с законодательными и представительными органами власти. Когда существуют какие-либо конфликтные ситуации в области политики, то они часто связаны с представительной властью. Например, конфликт между президентом и оппозиционным большинством в парламенте или конфликт между гражданами и депутатами.

Для нормального и законного проведения референдума необходимо наличие пяти основных элементов: 1) субъект, который принимает решение о проведении референдума; 2) определение самого вопроса, выносимого на референдум; 3) обеспечение гражданам доступа к информации, способствующей объективному принятию решения; 4) определение

сроков проведения референдума; 5) согласование принимаемых решений через механизмы прямой демократии с другими представительными учреждениями [4]. Более подробно эти пункты будут проанализированы ниже.

Кто является народом? Какой народ имеет право принимать решения на референдуме?

Кто является народом? Вопрос, который имеет немаловажное значение. Этот вопрос присутствует в некоторых референдумах о самоопределении, как в случае с Каталонией в Испании. Правительство Мариано Рахой (2011 — Народная Партия) заявляло несколько раз, что всем испанцам принадлежит право принимать решение о территориальной целостности страны, в то время как правительство Каталонии считает, что каталонцы — это нация, и они сами должны решать свою судьбу. Такого разногласия не существовало ни в Шотландии (референдум 2014 г.), ни в Квебеке (1995 г.), где все участники более или менее быстро договорились о том, кто имеет право участвовать в принятии подобных решений (в обоих случаях территория определялась как «нация без государства»).

Но есть и другие случаи, которые необходимо рассмотреть. Например, Боливия, когда местные сообщества коренных народов в 2009 г. попросили провести референдум с целью пересмотреть вопрос о строительстве автомобильного шоссе, так как оно должно было пройти через весь национальный парк коренных народов и индейцев Боливии (англ. TIPNIS). Правительство решило, что все боливийцы имеют право принимать решения по данному вопросу. Индейцы же утверждали, что только жители пострадавшей территории могут решить эту проблему. Даже наиболее понятное определение «житель территории» вызвало жаркие споры.

Развитие прямой демократии: что решает народ?

Разграничение решений: вопросы для избирателей и вопросы для политиков

Самый важный вопрос всех выборов — это вопрос, связанный с электоратом. В референдуме учитывается как время его проведения (например, чтобы результат не выглядел обусловленным только повесткой дня, из-за которой и пришлось проводить выборы), так и условия, в которых проводится сам референдум: он должен быть нейтральным, с одной стороны, и приводить к решениям, понятным для всех субъектов, с другой (для граждан и для самих политиков) [3]. Орган, несущий ответственность за данные положения, играет ключевую роль и является не только примером особой важности для институциональной структуры в процессе принятия прямых решений, но и посредником между участниками и правилами.

Гарантии формирования общественного мнения

Важно, чтобы те, кто будет принимать решения, обладали полной информацией, позволяющей им понять суть вопроса, а также последствия решений, которые они принимают. В демократических странах давно поняли, что идея поддержки политических решений через проведение референдумов повышает легитимность системы. В этой связи важен доступ к достоверной информации, справедливость при проведении кампании и контроль при проведении референдума, это то, что вновь дает государственным учреждениям ведущую роль и позволяет генерировать вопросы, которые правительство выносит на референдум [8].

Кто решает, как и когда народ будет участвовать в референдуме?

Этот пункт отсылает нас к необходимому балансу между полномочиями, которые могли бы предотвратить попытки политических манипуляций.

Если есть демократические гарантии и необходимое регулирование политического процесса, вероятность манипуляций снижается. В латиноамериканском контексте МПД иногда служили на поддержку тиранническому режиму в их потенциальных применениях народными представителями, тем не менее исследование показывает, что правители, которые проводят референдумы, далеко не всегда имеют гарантированный триумф [6], если есть демократические гарантии. Более того, некоторые механизмы, такие, как обязательный референдум, могут увеличить контроль над властью.

Как сочетаются принятые решения с другими механизмами демократического контроля?

Поставленный вопрос, как уже было сказано, должен быть понятным, так как он образует осуществляемую политику. Кроме того, должен уважаться результат, но это не всегда происходит, хотя иногда этого нельзя заметить невооруженным глазом так ясно. Например, провал процесса ратификации договора о единой конституции для стран Европейского союза (для вступления в силу требуется единогласное утверждение всех стран-участниц) вызвал институциональный кризис, который продолжал возрастать до тех пор, пока не был осуществлен «Брексит». Процесс ратификации начался с благоприятных результатов в Испании и Люксембурге, но французы и голландцы договор отвергли. Тогда лидеры ЕС договорились о создании Лиссабонского договора, ожидая его массовой парламентской ратификации. Это стало возможным, поскольку в большинстве стран референдум не требуется. Тем не менее в самой Ирландии это существует, так как договор включал передачу исполнительной, законодательной и судебной власти европейским институтам. Референдум по поводу присоединения страны к Лиссабонскому договору позднее был созван

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

вновь, но на этот раз были созданы более благоприятные условия для его поддержки со стороны каждого гражданина [2].

Все вышеперечисленные элементы предполагают, в конечном счете, множественность институциональных и политических условий, которые проявляются при проведении референдума.

Анализ

Н иже анализируются референдумы, которые привлекали внимание средств массовой информации и научных кругов в течение 2016 г. Как показано в таблице, анализируется шесть

референдумов, которые сортированы по разным источникам активации: три продвигались властями, два были обязательными, так как они предусмотрены соответствующими конституциями (Италия и Боливия), и референдумы, инициированные общественностью. Хотя это не репрезентативная выборка, она повторяет тенденцию, наблюдаемую в других исследованиях: прямые референдумы граждан, в основном, инициируются властями, и хотя все большее число стран позволяет активацию «снизу» (путем сбора подписей), подобные прецеденты редки, за исключением швейцарского случая [5].

Таблица. Подборка известных референдумов, прошедших в 2016 г.

Страна	Дата	Тема	Механизм референдума	Участие в референдуме, %	ДА, %	НЕТ, %	Результат
Боливия	21/2/2016	Конституционная реформа (переизбрание президента на дополнительный срок)	Обязательная процедура	84	48,7	51,3	Реформа отклоняется
Нидерланды	6/4/2016	Экономическое соглашение ЕС — Украина	Гражданская инициатива	32	38	61	Отклонение соглашения
Великобритания	23/6/2016	Выход Великобритании из ЕС («Брексит»)	Инициатива премьер-министра	72	52	48	Выход из ЕС
Венгрия	2/10/2016	Квоты иммиграции ЕС	Инициатива президента	44	2	98	Отказ в квоте
Колумбия	2/10/2016	Соглашения о мире с РВСК — АН	Инициатива президента	37	49,7	50,2	Пересмотр Соглашения
Италия	6/12/2016	Конституционная реформа	Обязательная процедура	65	40,8	59	Реформа отклоняется

Развитие прямой демократии: что решает народ?

Во-вторых, темы, представленные на референдумах, разнообразны и включают в себя тематику от реформ после ратификации Европейской конституции до вопросов внутренней политики или мирных соглашений. В-третьих, существуют заметные различия в участии, от 84 % в Боливии до 32 % в Нидерландах и 37 % в Колумбии. В свою очередь, такие результаты согласуются с участием избирателей на стандартных выборах. Участие избирателей было высоким в Боливии и низким в Нидерландах и Колумбии. Последнее замечание можно отнести к результатам, которые не всегда показывают крайнюю поляризацию, например, как это происходит в случае Колумбии, где граница между этими двумя вариантами была минимальной.

В боливийской конституции 2009 г. в статье 168 говорится, что «срок полномочий президента и вице-президента государства составляет пять лет, и они могут быть переизбраны только один раз». В 2013 г. возникли споры по поводу толкования закона (переходное положение о зачтении президентства Моралеса Конституцией 2009 г.), которые перешли на рассмотрение в Многонациональный Конституционный Суд (МКС). Спор был разрешен в пользу правительства, которое предлагало рассматривать мандат за 2010–2015 гг. как первый. 5 ноября 2015 г. Законодательное Многонациональное Собрание (парламент) приняло решение о новой конституционной реформе, чтобы дать возможность переизбрания, что, согласно конституционному распоряжению, должно быть ратифицировано путем референдума. Правительство потеряло доверие [7].

Далее проанализируем голландский референдум. В данном случае он инициировался путем сбора подписей. Хотя подобные механизмы, как ожидается, способны дать голос гражданам, часто можно видеть, что в активизации референдума играют важную роль партии. Так произошло в Нидерландах, где инициатива отказа от соглашения о свободной торговле между ЕС и Украиной была выдвинута ли-

дером ультраправой партии Гертом Вилдерсом. Результатом явился референдум, но правительство объявило, что оно будет рассматривать его итоги, если количество участвующих в нем превысит 30 процентов. Данный референдум был еще одним из многочисленных свидетельств кризиса легитимности ЕС. Интересы противников единой Европы нашли точки соприкосновения с левыми группами, которые отметили, что ЕС делает ускоренные шаги в направлении сокращения мест для простых рабочих при одновременной защите и продвижении интересов крупного бизнеса.

В случае «Брексит» в Великобритании референдум был инициирован премьер-министром Дэвидом Кэмероном в попытке выявить внутрипартийные интересы и остановить утечку электората в сторону Партии независимости Соединенного Королевства (новая националистическая партия). К удивлению большей части западного мира (досрочно, таким образом, осуществленному до триумфа Дональда Трампа), 51 % британских избирателей поддержал вариант «покинуть ЕС». В различных политических движениях сегодняшней Европы с аналогичными агитационными намерениями был активно испытан мобилизационный потенциал иных общественных опасений и страхов. 2 октября 2016 г. консервативная и националистическая партия «Фидес — Венгерский Гражданский союз» венгерского президента Виктора Орбана предложила отказаться от квот, принимающих беженцев, установленных ЕС. При низкой явке избирателей (44 %) 98 % высказались в пользу отказа от квот.

В Колумбии президент Хуан Мануэль Сантос стремится ратифицировать мирный договор, который завершит пятидесятидвухлетний вооруженный конфликт с РВСК — АН. При низкой явке избирателей (37 %) он не добился соответствующей победы в кампании, полной лжи, особенно со стороны оппозиции.

Последний референдум за 2016 г. прошел в Италии (4 декабря). В Боливии в феврале референдум был обязатель-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

ным (Конституция требует ратификации референдумом тех реформ, которые не имеют поддержки парламентского большинства). Но Рензи, как и Камерон, слишком сильно на него положился. Когда у него был высокий уровень популярности, он не оценил, насколько легко данное преимущество позволит ему наметить стратегию борьбы с внесистемной оппозицией Беппе Грилло и Северной Лигой. В итоге на референдуме оказался высокий уровень общественного участия, где число его противников составило большинство, что привело к его отставке.

В сравнительной перспективе, возвращаясь к пяти пунктам, указанным в предыдущем разделе, представлены шесть случаев, три из которых показывают проблемы в определении народа (кто может голосовать). Следующие два, Нидерланды и Венгрия, касаются решений, принятых на европейском уровне и влияющих на уровень национальный. Связь этих уровней путем прямых референдумов для граждан больше создает проблемы, нежели их решает, так как референдум в одной стране имеет последствия для всего ЕС. Некоторые авторы обсуждали необходимость укрепления механизмов наднациональных референдумов для решения этой проблемы [1]. Кажется, нет оснований предполагать, что нечто подобное может войти в европейскую повестку дня в ближайшем будущем. Третьим случаем является противоречивый «Брексит». Активированный механизм обладает совещательным характером, но правительство приняло его решение в качестве обязательного. Сам конфликт происходит от двух королевств Великобритании, проголосовавших против «Брексит» (Шотландии и Северной Ирландии), так что данное решение правительства нарушает права этих стран и создает серьезную угрозу для их возможностей. Новый «Брексит», между тем, не является выходом, но ничего иного пока не придумано. Варианты многочисленны, но все они далеко отстоят от того, чтобы установить определенный мандат народного доверия в этом отношении. Другой пример

конфликта исходит от «Плебисцита Мира» в Колумбии, где причины отказа от мирного соглашения были многочисленными и, как правило, не связаны с миром как таковым, а связаны с конкретными аспектами соглашения. Опять же, плебисцит предусматривает мандат для рассмотрения соглашения, но его основания не ясны, так как во власти правительства и/или оппозиции пересмотреть соглашение о мире. Поэтому данный плебисцит не будет подходящим механизмом.

Манипуляции, преувеличения и распространение ложной информации существуют почти во всех этих референдумах. В этих кампаниях была тенденция высмеивать выступления противника. Например, в Колумбии от правительства в сообщении было что-то вроде «примите это соглашение или мы опять объявим войну». Зачем президент инициирует обязательное проведение референдума, если думает, что существует единственное решение? Более того, пересмотр соглашений показал, что есть альтернативы, в том числе парламентская ратификация, которая состоялась вскоре после этого. Тем не менее это не является специфической проблемой прямой демократии, как показало напряжение на недавней избирательной кампании за президентское кресло в Соединенных Штатах, где демократы обвинили кандидата от Республиканской партии Дональда Трампа во лжи и даже в обращении за помощью к российским спецслужбам.

Гораздо менее проблематичным было определение того, кто, когда и как проводит референдум. Вопрос о том, что сам исход является проблематичным, особенно в таких случаях, как «Брексит» или договор Украина — ЕС. В свою очередь, парламент Колумбии быстро рассмотрел и утвердил новое соглашение.

Выводы

Некотрые считают, что МПД могут привести к преодолению баланса сил во власти, апеллируя к гражданской легитимности, чтобы изменить

Развитие прямой демократии: что решает народ?

правила игры. Референдумы также являются механизмом, который смог бы преодолеть отсутствие нормативно-правовой базы, чтобы произвести процессы замены конституции. Здесь, мы полагаем, что в то время, как референдум может инициировать подобные реформы, может также и предотвратить их. С другой стороны, МПД функционируют демократическим путем в условиях демократии, в противном случае они имеют малое значение для того, чтобы сдерживать власть, как показывает опыт Венесуэлы (2007, 2009).

В конце концов, референдум не что иное, как механизм регуляции и активи-

зации в рамках представительного механизма демократии. Правительства, партии, судебная система и избирательные органы играют ключевую роль в этом процессе. Средства массовой информации и, все чаще, социальные сети, также играют определенную роль. Конечно, институты создают структуру: они не определяют результаты. В конечном счете, хорошо регулируемые МПД могут сделать хороший вклад в повышение легитимности политической системы, но в получении результатов деятельности МПД представители власти являются ключевыми фигурами.

**Перевод статьи с испанского языка произвели
молодые исследователи факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова Матюсова Анастасия и Колпаков Роман**

Литература

1. Cameron, Maxwell A., Eric Hershberg, and Kenneth E. Sharpe, eds. 2012. *New Institutions for Participatory Democracy in Latin America. Voice and Consequence*. New York: Palgrave Macmillan.
2. Méndez, F. Méndez, M, y Triga, Vol. 2014. *Referendums on European Integrations*. Cambridge University Press.
3. Qvortrup, M. (Ed.) 2014. *Referendums Around the World*. — Basingstoke: Palgrave.
4. Ruth, Saskia P.; Welp, Yanina and Whitehead Laurence. 2017. *Let the People Rule? Direct Democracy in the Twenty-first Century*. — Colchester: ECPR Press.
5. Serdült, Uwe y Welp, Yanina. 2012. 'Direct Democracy Upside Down', *Taiwan Journal of Democracy*, 8 (1): 69–92.
6. Wheatley, Jonathan. 2017. «A problem or a solution? The referendum as a mechanism for citizens' participation in constitution-making» en S. P. Ruth, Y. Welp, and L. Whitehead (eds.) *Let the people rule? Direct democracy in the twenty-first century*. — Colchester: ECPR Press.
7. Welp, Yanina and Lissidini, Alicia. 2017. «Democracia directa, poder y contrapoder. Análisis del referendo del 21 de febrero de 2016 en Bolivia», *Revista de Estudios Bolivianos* 22.
8. Whitehead, Laurence. 2017. «Between the 'Fiction' of Representation and the 'Faction' of Direct Democracy,» en S. P. Ruth, Y. Welp, and L. Whitehead (eds.) *Let the people rule? Direct democracy in the twenty-first century*. — Colchester: ECPR Press.

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов в избирательной кампании

Аннотация

Статья посвящена проблеме критериев восприятия политического лидера и его электоральной привлекательности. Автор предлагает модель рассмотрения образа политического лидера в избирательной ситуации на основе материалов, полученных при помощи проективного метода индивидуального конструирования сказочных сюжетов.

Ключевые слова: электоральная привлекательность, образ политического лидера, общественно-политический контекст, избирательная ситуация.

Автор

Смулькина Наталья Валентиновна

Кандидат политических наук,
младший научный сотрудник
кафедры социологии и психологии политики
факультета политологии
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Несмотря на массу исследований, посвященных мотивации электорального поведения гражданина, вопрос взаимосвязи успеха кандидата и условий избирательной кампании в восприятии рядового избирателя остается недостаточно изученным. Электоральный успех или проигрыш политика объясняют множеством причин как личностного, так и контекстуального характера. Эти же причины находятся в фокусе внимания при политическом прогнозировании уровня поддержки кандидата. Но какие критерии выбирают для себя рядовые граждане, осуществляя свой выбор? В данной работе обратим внимание на характеристики избирательной ситуации и личные

качества кандидата, определяющие оценку электоральной привлекательности политика, по мнению россиян.

Значимыми для нас в данном случае становятся исследования в рамках направления контекстуализма (Р. Лернера, Дж. Моцумото, Дж. Капрара, Д. Сервона, Р. Форда и др.). Согласно культурно-исторической теории, контекст — это не просто окружение некоторого объекта, а то, что пронизывает объект, преломляясь в нем, и, в свою очередь, меняет свойства самого этого объекта как наблюдателя и деятеля. При рассмотрении специфики восприятия политических лидеров как кандидатов в условиях избирательной ситуации актуальным становится изучение

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов

смысло-навигационной роли контекста в человеческой психике. Здесь контекст выступает в качестве способа упорядочить образные содержания путем создания «координационной сетки», которая бы указала роль и смысл воспринимаемых фрагментов в их взаимосвязи. В рамках нашего исследования речь идет скорее об образе избирательной ситуации, сформированном у избирателя и объективно влияющим на восприятие политика. По ходу действия образ ситуации трансформируется в образ и программу действия, а оно в само действие, затем осуществленное действие трансформируется в новый образ ситуации [5].

Рассматривая проблему восприятия кандидата в избирательной ситуации, мы столкнулись с необходимостью использования инструментария, позволяющего рассматривать образ не просто сам по себе, но и с учетом его специфики в заданной ситуации, его функциональность. Возможности опросных методов не позволяли нам в полной мере решить эту задачу. Было решено обратиться к проективной методологии, достаточно активно внедряемой в современные российские политико-психологические исследования [4]. Для решения проблем статичности и изолированности изучаемого образа кандидата в качестве метода исследования был выбран экспрессивный метод индивидуального конструирования сказочных сюжетов. Исследование проводилось в 2014–2016 гг. Выборка составила 80 респондентов, жителей Москвы и Красноярского края, и была сбалансирована по полу, возрасту и образованию. Исследование носило качественный характер. Респонденту предлагалось придумать сказочный сюжет на тему «Выборы» и дополнить его рисунком.

Метод конструирования сказочного сюжета используется преимущественно в практике групповой и индивидуальной психотерапии, социодрамы и применяется для выявления внутриличностных конфликтов и анализа социальной обу-

словленности. В коллективной форме, смонтированный в работу фокус-групп, он использовался при моделировании желаемого будущего коллективом авторов под руководством А. Г. Асмолова [1], при исследовании прототипа идеального лидера — И. К. Владыкиной, С. Н. Плесовских [2].

Использование метода конструирования сказочных сюжетов позволило изучить более широкую палитру востребованных и взаимосвязанных политических прототипов, выявить неосознаваемые компоненты образов. Сконструированный сказочный сюжет — это не просто результат фантазии, это картина мира, отображающая страхи и надежды сочиняющего, мира идеального и в то же время реального.

В качестве концептуальной модели анализа факторов, влияющих на формирование образа кандидата в избирательной кампании, была взята схема процесса политического восприятия, предложенная Е. Б. Шестопал [4. — С. 20]. Согласно ей, формирование политического образа происходит под воздействием факторов разного уровня: факторов, идущих от воспринимаемого объекта, и факторов, связанных с воспринимаемым объектом. С нашей точки зрения, при оценке гражданами электоральной привлекательности политика-кандидата воспринимаемым объектом выступает не только сам политик, но и избирательная ситуация, в которой он действует. Формирование образа сопровождается сопоставлением респондентами личностного потенциала кандидата и условий предвыборной кампании. Поэтому **исследовательской** задачей для нас были комплексное рассмотрение образа кандидата в избирательной ситуации, а также оценка отношения респондентов не только к политикам, но и к взаимосвязи этих политиков с политической обстановкой.

В ходе исследования был использован принцип категоризации персонажей сказочных сюжетов на основе их роле-

вых позиций. В анализе были выделены следующие категории персонажей: «Кандидат-победитель», «Соперник кандидата-победителя», «Избиратель», «Идеальный правитель», «Враг», «Волшебный помощник», «Мудрец». При категоризации персонажей учитывались классификации известного филолога-фольклориста В. Я. Проппа [3]. Мы не будем останавливаться на описании вышперечисленных категорий. Сравнительная типологизация и анализ каждой из них, несомненно, позволяет достаточно глубоко рассмотреть образы идеального правителя, кандидата на выборах, политика как такового, и даже избирателя, однако оставим эту задачу для следующих исследований. В данной работе в большей степени было уделено внимание восприятию респондентами взаимосвязи условий избирательной кампании, личностных качеств политика с его электоральной привлекательностью. Была предложена следующая схема анализа сказочного сюжета:

1. Рассмотрение основных характеристик общественно-политического контекста, в котором разворачивалась избирательная ситуация сказочного сюжета, а именно:

- социально-политическая характеристика социума;
- геополитическая, пространственная и темпоральная составляющие избирательной ситуации;
- основные предпосылки выборов;
- баланс сил и отношений избирательной кампании.

2. Изучение содержательной стороны образа политика-кандидата в сказочном сюжете по параметрам:

- личностной составляющей образа политика-кандидата;
- ролевой составляющей образа политика-кандидата;
- моделях отношений и действий кандидата к избирателям и соперникам.

В результате анализа сюжетов были выделены лишь наиболее отчетливые характеристики сказочного контекста, об-

разов основных персонажей и наиболее яркие примеры их поведения в различных условиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.
Общественно-политический контекст
избирательной кампании в сказочном
сюжете как фактор, определяющий
поведение кандидата.
Социально-политическая
характеристика социума

В ходе анализа общество изображалось в следующих формах:

1. Общество стратифицировано по культурно-национальному принципу. Существует клановая общественная система, противостояние происходит между относительно равноправными группами интересов, имеющими своих политически активных представителей. Для рядовых граждан характерны доверчивость, подверженность манипуляциям. При данной характеристике общества в сюжетах разгораются наиболее острые формы противостояния политических субъектов.

2. Общество стратифицировано по экономическому признаку. Доминирующая группа отличается более высоким уровнем благосостояния. Помимо финансовых, она сосредотачивает в своих руках и властные ресурсы, что вызывает недовольство в массах, которые не имеют при этом собственных альтернативных представителей. Как следствие, в сюжетах упоминаются варианты протестного голосования или признаки пассивно-неудовлетворенных настроений.

3. Вариант изначально благополучного, идеального общества в сюжете. Наличествует устойчивое разделение по социально-профессиональному признаку. Каждый гражданин имеет свое место и выполняет отведенную ему роль. Интересно, что, так или иначе, каждый в подобном обществе имеет собственную политическую функцию и взаимосвязь с властью. Даже самый незначительный персонаж не

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов

оторван от правителя, другой вопрос, что связь эта не всегда может быть благоприятна для самого гражданина:

«Косули и зайцы бегали по лесу, красовались пред Львом и, конечно, попадали ему на обед. Умные лисы занимались коммерцией и обманом, а волки были беспредельщиками и подчинялись напрямую Тигру, хотя главным начальником у них был Лев. Только хитрые обезьяны, которые не хотели работать, а только жрать бананы, прыгали по пальмам и сверху пытались критиковать Льва».

Логично, что общества с подобной характеристикой в сюжетах имеют немногочисленную политическую верхушку. Здесь характерна жестко выстроенная вертикаль власти, опирающаяся на систему соподчинения членов общества:

«Слово Льва было непререкаемо, и был своеобразный мир и порядок между зверями. Сильные охотились на слабых, слабые пытались избежать своей участи, хотя в основном безрезультатно. А сильных гнобил сам Лев и его ближайший сторонник Тигр, конечно, с молчаливого согласия Льва».

В силу того, что такая социальная структура в завязке изображается чем-то незыблемым, введение института выборов трактуется автором часто как дезорганизующее явление, расшатывающее политическую систему. Парламентские выборы вносят в общество хаос и неразбериху, а президентские выводят на первый план политических субъектов, которые, согласно иерархии, не относятся к имеющим право претендовать на власть.

Геополитическая, пространственная составляющая избирательной ситуации

Если рассматривать геополитическую характеристику социума, то, в первую очередь, следует отметить то, что в сюжетах территория всегда имеет границы, но никогда не находится в полной изоляции. Постоянно

рядом присутствует что-то чужеземное, политическое образование — другое государство, деревня, или потустороннее, пространства иного мира — река, море, чаща (не путать с лесом, который в сказочном сюжете часто трактуется как политическое образование). Важен здесь и момент обязательной персонификации образа территории. Чужие земли всегда имеют хозяина. Примечательно, что собственные территории могут никому не принадлежать, и тогда в повествовании идет речь о наиболее кризисных общественных ситуациях, то есть обязательным условием благополучного существования на чужой и своей земле является наличие правителя (хозяина леса, царя, старосты деревни и пр.).

Темпоральная составляющая избирательной ситуации

Оценивая ретроориентации в процессе выборов, отметим наиболее частое обращение в сюжете именно к прошлому, нежели к будущему. В случае открытой концовки с обращением в будущее сюжет обычно имеет преимущественно оптимистичный настрой, но в ходе анализа материалов подобных сюжетов встретилось немного. Оценка темпорального аспекта избирательной кампании позволяет говорить о наличии специфичной связи предвыборных лозунгов, ориентированных на будущее, и выстраиванием имиджа политика в завязке к правителям прошлого. Это объясняется мифологизацией вождя, который наделяется недоступной обычным людям связью с прошлым.

Нельзя не упомянуть и о вопросе временных рамок полномочий политического лидера. Говоря о специфике ситуации избрания политика обществом на фиксированный срок, следует отметить основную причину данных условий — попытку народа ограничить властный произвол. Данное действие воспринимается избирателями как способ противостояния хитро-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

сти и коварству воцарившегося кандидата-победителя. Специфично, что респондентами данная попытка если упоминается в сюжете, то всегда оценивается как неудачная. Кандидат впоследствии имеет полномочия управлять своим политическим временем, он изменяет сроки своего правления и устанавливает политическую монополию.

Специфичным в описании избирательного контекста является и то, что респондент стремится изобразить действия избирательного периода более интенсивными. Единственное средство показать эту преувеличенную интенсивность — повторить действие несколько раз. Однотипное событие повторяется: персонаж-избиратель встречает несколько одинаковых персонажей-кандидатов, подвиг кандидатом-героем совершается несколько раз.

Основные предпосылки выборов

В качестве причины проведения выборов часто выступала объективная необходимость **формирования в обществе государственности**. Инициаторами выборов могли выступать разные персонажи: Мудрец, несущий высшее знание, сам народ, конкретные персонажи, выдвигающие себя в качестве кандидатов, или их модификация — так называемые самопровозглашенные правители.

Сюжетная линия с инициативой создания государственности «снизу» встречалась, но не часто: «...долго ли, коротко ли, но понял народ, что плохо, когда нет того, кто бы управлять им бы смог. И позвал народ тогда заморских молодцев и сказал: «Плохо нам, али есть кто добрый, и щедрый, и милостивый, то прошу вас к нам». Отметим, что приглашение кандидатов «со стороны» является скорее отходом от канонов данного сюжета. Данный пример является отсылкой к одной из версий возникновения российской государственности. Чаще в оригинальных сюжетах выборы организовывались сре-

ди «своих» кандидатов. Личные мотивы отдельных персонажей основывались на их собственных амбициях и жажде материальных благ.

Не следует забывать и о парламентских выборах как способе выстраивания политической системы. При наличии верховной власти в лице правителя формируется государственность вторичного уровня — институты представительства и совещательные органы (реже — законотворческие). В данном случае упоминаются два сценария. Согласно первому, требование масс или отдельных групп интересов политических полномочий заставляет правителя провозгласить проведение парламентских выборов. Для второго сюжета (наиболее распространенного) характерна инициатива идеального правителя по организации парламентских выборов. Руководствуется он преимущественно мотивами усталости или скуки: «Скучно стало править Царю русскому на Руси-матушке. Решил придумать забаву для себя, да и для народа потеха будет. Думал думу Царь и решил — выборы».

Факт обязательности существования организационно-управленческого начала подтверждается тем, что в ряде сюжетов выборы (президентские) проводятся по велению высших сил. В данном случае население безропотно участвует в электоральном процессе, но заинтересованности в нем также не проявляет.

Предпочтение респондентами конструирования сюжетов с описанием политической инициативы и политических преобразований «сверху» подтверждает тенденцию к запросу общества на сильного (вплоть до авторитарности) политического лидера, отождествляющего власть. Это затрагивает и исследовательскую проблему изучения готовности российского общества к самоорганизации и способности к самоуправлению.

В качестве не менее часто встречающейся предпосылки выборов выступают разнообразные виды угроз обществу внутреннего и внешнего характера. Специ-

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов

фично, что все сюжеты объединяет сильная эмоционально-негативная доминанта в повестке дня. Угроза надвигается, создавая эмоциональный фон напряженности, усиливается влияние неведомых природных сил. В качестве примера можно привести наступление осени (время перемен, неопределенности) или, наоборот, весны (с последующей активизацией врагов).

Распространенной сюжетной линией является вариант **внешней угрозы**. Нападение врага требует мобилизации сил, появляется запрос на лидера, готового взять на себя ответственность и проявить политическую волю:

«Беда надвигается! Да еще и с двух сторон. Надо срочно что-то делать! Но нет мира меж нами. Надо выбрать главного! Давайте проголосуем все от мала до велика, и за кого больше хвостов поднимут мыши, тот и победил».

В подобных сюжетах кандидат-победитель наиболее отчетливо проявляет в себе характеристики лидера — защитника/военачальника, так как именно таким его хотят видеть взбуряженные массы. Важным в такие моменты становится активность и решительность кандидата. Способность экстренно реагировать на внешние вызовы прибавляет привлекательности образу в глазах избирателей. Возрастает при внешних угрозах важность избрания не только активного и сильного, но и всенародного правителя из «своих». Это объяснимо спецификой российского политического сознания — чужая власть, без народа, не в состоянии справиться с врагом.

Помимо геополитических угроз, предпосылкой выборов в сюжете может выступать проблема **политического кризиса**, вызванного смертью/ослаблением лидера. Здесь также наиболее часто проявляет себя кандидат активный, даже агрессивный. При этом морально-этическая привлекательность персонажа совсем не очевидна, определяющей является именно сила образа. Как правило, в результате низвержения правителя появляется несколько активных политических субъек-

тов, претендующих на вакантную должность. Рассмотрим подобный сценарий в одном из сюжетов:

«...однажды Лев пошел просматривать свои владения, поскользнулся на глине, упал с обрыва и сломал себе шею... Увидев состояние Льва и поняв, что он уже не опасен, советники (Тупой Кабан, Хитрая Лиса, Богатый Барсук и Крикливая Обезьяна) подумали, что пришло их время властвовать».

Побеждает в процессе противостояния наиболее сильный и агрессивный кандидат, что достаточно обоснованно в связи с тем, что именно высокие показатели силы приближают его к образу идеального правителя, агрессивность же обеспечивает победу в схватке с конкурентами. Так, например, в вышеприведенном сюжете еще один кандидат — Тигр, угрожая соперникам, одерживает победу в голосовании.

Отметим, что в сюжетах, на момент выборов, в обществе, как правило, остры **социально-политические проблемы**. Согласно анализу, наиболее распространенными среди них были:

1) экономическое расслоение общества, повергающее массы в состояние пассивной неудовлетворенности, политической апатии, выражающейся в отказе от политического участия;

2) вопрос недостаточного политического участия масс, заключающегося в несбалансированности взаимоотношений власти и народа;

3) угроза распада общества по причине внутренних раздоров (наиболее распространенный вариант). При условии наличия основных акторов — представителей разных групп интересов, межгрупповой конфликт имеет скорее политическую основу или же несет в себе проблему национально-видовой дискриминации. Межличностные конфликты могут также происходить по причине борьбы за сферы политического влияния, за превосходство в локусе: «После нескольких дней проживания с Лягушкой Мышка была не

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

очень довольна, так как лезет эта Лягушка со своими правилами, „законом“».

Баланс сил и отношений в избирательной кампании

Оценивая кандидатов — представителей разных политических сил, отметим их приверженность к защите групповых интересов. В сконструированных сюжетах идеологическая направленность кандидата напрямую связана с его идентификацией с социальной или политической общностью. Так, в одном из сюжетов кандидат-боярин является выразителем проправительственных взглядов, выступая в защиту думских привилегий, кандидат-дворянин, зависящий от военных походов, пропагандирует политику захвата новых земель, кандидат-богатырь выступает за создание сильной крепкой армии, а кандидат-крестьянин в качестве идеологической платформы выдвигает идею защиты государства: «... ибо много терпел люд простой».

И все же в большинстве сказочных сюжетов для политической системы характерно наличие одной доминирующей политической группировки. Ее представители отличаются силой, активностью, даже агрессивностью. Однако в случае попыток общества изменить сложившийся порядок вещей власть избегает открытого конфликта с населением, идет навстречу народным требованиям, чтобы сбросить эмоциональную напряженность масс: «...и волки позволили провести выборы, дабы умерить народный пыл».

Характеристика образа политика-кандидата в сказочном сюжете

Ролевая составляющая образа политика-кандидата

Важное значение для электоральной привлекательности политика имеет способность кандидатов-

участников соответствовать должности, на которую они претендуют. Вопрос так называемой «нормы» образа идеального правителя требует отдельного внимательного рассмотрения. Несомненно, соответствие кандидата некоторым идеальным характеристикам приближает его к «идеалу», влияя на электоральную привлекательность, но при этом срабатывает и эффект «ореола» и образ идеального правителя мешает видеть некоторые черты или проявления образа кандидата. В данной работе сосредоточим внимание на том факте, что с точки зрения респондентов наличествует масса требований к роли правителя. Немалое значение играют и представления кандидатов о себе и о личностных качествах, необходимых для роли, на которую они претендуют:

«— Я буду главным, потому что я самый сильный, — сказал Кабан.

— Ты тупой, а я умная и мне быть правителем, — сказала Лиса.

— Вы никто и зовут вас никак, кто платит деньги, тот и заказывает музыку, — сказал богатый Барсук.

Обезьяна же громко орала, что все они дураки и ничего не понимают в вопросах управления лесом и зверьями».

При оценке изначальных ролевых позиций кандидатов, участвующих в выборах, было обнаружено некоторое противоречие. В сюжетах в условиях общенародных выборов нередко были ситуации, где победу одерживает кандидат, так или иначе связанный с властью, при этом кандидаты, занимающие долгое время официально признанную политическую должность (советник, чиновник, смотрящий), в сюжетах устойчиво проигрывают. Вероятно, это объясняется фактом преемственности власти в массовом сознании россиян и одновременным сознательным или неосознаваемым нежеланием респондентов возводить в правители кандидата, которому они приписывают часть ответственности за политические неудачи в силу его должности. Связанные с властной элитой кандидаты, как правило, относились к

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов

двум типам: «Преемника» и «Ставленника». Для первого типа характерно стремление победить, упрочив связи с народом, и стать выразителем всеобщих интересов при сохранении прежнего политического курса. Во втором случае уже имеющийся политический статус кандидата позволяет ему использовать административный ресурс. Здесь эмоциональный фон сюжета содержит откровенный иронический настрой, выборы изображаются как способ лишь формальной легитимации кандидата.

Не только роль и образ идеального правителя могут повлиять на восприятие кандидата, но и образ политика как такового. Приведем пример сюжета с трансформацией образа кандидата-победителя после воцарения, а именно сменной поведенческого профиля персонажа под воздействием тлетворного влияния мира политического. Согласно представлению респондента, привлекательный в морально-этическом и профессионально-деловом плане политик, достигая лидерского статуса, со временем становится лицемерным, снижает свою активность. Политик изображается лишь очередным винтиком в механизме политической системы. Однако в сюжетах важную роль в смене поведенческой модели играет не только профессиональная специфика кандидата, но и личностные качества, а именно, его мотивационный профиль. Кандидат-победитель, имеющий шанс при воцарении трансформироваться в идеального правителя, в сознании россиян всегда руководствуется мотивом «власть нужна ради дела» с опорой на заботу о народе. Иногда мотивационный профиль данного персонажа дополняется мотивом личных амбиций или заинтересованностью в новом виде деятельности.

Личностная составляющая образа политика-кандидата

Что же в политике-кандидате определяет его победу? Несмотря на множество качеств, необходи-

мых правителю с точки зрения персонажей (и респондентов в какой-то мере за счет отождествления), у нас есть возможность, оценив сценарии сказочных сюжетов и образы победивших кандидатов, говорить о личностных качествах, определяющих электоральную успешность политиков в сознании россиян.

Лидерский потенциал является обязательным условием кандидата-победителя. Кандидат должен быть готов проявить политическую волю в кризисной ситуации, взять на себя ответственность. Рассмотрим решающее влияние личностного потенциала в становлении политического лидера, которое отражено в одном из сказочных сюжетов. Согласно ему, главные герои — Три Брата-Акробата — нуждаются в защитнике, поддержке, но не решаются зайти в лес в его поисках. По ходу сюжета персонажи получают два шанса проявить лидерскую позицию, выступить в качестве защитников встретившихся им более слабым персонажей (Алёнушка и Мужичок-Боровичок), однако они отказываются от этих возможностей, будучи неготовыми взять на себя ответственность, проявить инициативу. Персонажи не обладают лидерскими качествами, они изначально слабы и в развязке теряют свою силу («жертва, пища» — наиболее неблагоприятная ролевая характеристика для политического лидера).

Говоря о личностных качествах, обеспечивающих кандидату победу на выборах, следует выделить профессионально-деловые навыки, где важной становится способность произвести впечатление не только на избирателя, но и на кандидатов соперников. В одном из сюжетов кандидат-Лисица благодаря своим ораторским талантам прямо во время дебатов съедает кандидата-Колобка, который благодаря своей политической маневренности ранее в сюжете опережал более сильных и агрессивных конкурентов (Медведя и Волка).

Проявление личностных качеств во взаимоотношениях кандидата с избирателями

Вопрос связи кандидата с народом/избирателями как необходимое условие его победы поднимается не менее часто. Например, это отображено в сюжете, где описано соперничество двух в равной степени привлекательных с морально-этической стороны персонажей. По сюжету победу одерживает более инициативный кандидат, обладающий лучшими организаторскими, но главное, коммуникативными навыками. Его проигравший соперник изображен излишне самонадеянным, при возникновении трудностей в ходе выборов, он не выстраивает предвыборную платформу, не ищет общественной поддержки, чем и не соответствует образу идеального правителя:

«Лягушка создала свою лесную партию, а Мышка решила, что за нее и без партии все проголосуют. Но когда настал день выборов, Лягушка была на высоте, и ей глава леса подарил новый дом, а Мышка так и осталась в своем теремке».

В данном сюжете проигравший кандидат ничего не теряет, остается «при своем» исключительно за счет моральной благонадежности. Вопрос морально-этических характеристик кандидата-победителя наиболее сложен в нашем исследовании. Для идеального правителя устойчивое моральное ядро является требованием обязательным, но в случае с кандидатом-победителем подобный тезис подтверждается не всегда.

Помимо вышеописанной тенденции в восприятии социального аспекта личности политического лидера, существует и другая направленность. Характер взаимоотношений кандидата и избирателя в сюжетах сходен с принципом товарно-денежных отношений. Персонаж-избиратель отдает свой голос в обмен на то, что его потребности будут удовлетворены кандидатом:

«— Колобок-Колобок, голосуй за меня! Будешь жить припеваючи, я тебя медом снабжать буду, защиту гарантирую, — сказал Медведь».

— Я подумую, — сказал Колобок и покатился дальше».

При этом кандидат-победитель зачастую не выполняет своих обещаний.

Проявление личностных качеств во взаимоотношениях кандидата с противниками

Если рассматривать характер отношений кандидата-победителя с конкурентами, то отметим достаточное число сюжетов, упоминающих ситуации сговора политических соперников между собой. В подобных случаях один из кандидатов, ведомый скорее мотивом достижения, соглашался с номинальной лидерской ролью: ««Я хочу тебе предложить такое — я у власти, а ты моя «правая рука». Вожаком бараны будут видеть тебя, а я буду издавать указы!», — сказал Волк. Так как Баран хотел быть вожаком, он согласился. Главное для него был статус». Своим поступком он полностью лишил себя и минимального шанса стать полноправным правителем в глазах респондента. Важным нюансом является то, что для кандидата-победителя сговор не является самоцелью, он лишь форма обмана соперника, способ отвлечения внимания. Впоследствии договоренности всегда нарушаются.

В процессе политической конкуренции кандидатов достаточно часто встречались примеры использования насилия к сопернику, причем наряду с прямым столкновением скрытые формы борьбы считаются респондентами приемлемыми: «Обитатели джунглей оказались свидетелями не только побоищ, но и подлых укусов исподтишка». В продолжение темы скрытых форм противостояний выделим примеры использования кандидатом-победителем в сюжете тактики стравливания кандидатов-противников между собою:

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов

« — Все пошло не так! Нас предали! Накажем предателей и спасемся сами! — пискнул Мышонок.

— Да! — пищали Серые Мыши, они были напуганы предстоящей встречей со змеями, разозлены на Пятнистых. Они не хотели умирать. Все помчались в отнорок и кинулись на Пятнистых. Главного Пятнистого Мыша растерзали первым...».

Обвинения соперника в предательстве являются нередким приемом персонажей-кандидатов: «На трон претендовали два волка. Каждый из них собрал своих сторонников и начал „толкать“ свою речь. Все дошло до того, что они начали обвинять в смерти прежнего царя друг друга». Вероятно, размывание морально-нравственного ядра образа, по мнению респондентов, для политика наиболее опасно. В сюжетах моральная привлекательность кандидата-победителя не всегда очевидна, но антиидеального правителя всегда сопровождает моральная непривлекательность. Предательство выражает крайнюю степень этой непривлекательности, так что в сюжете логично приписывание предательства проигрывающим кандидатам.

Механизм «назначения предателей» в той же мере, что и встраивание в сюжет активно действующего или даже пассивного врага, ярко иллюстрирует отношение россиян к миру политическому не как к пространству диалога, а скорее как к арене борьбы сил «добра» и «зла». Интересно то, что способность идти на сговор с врагом, с последующим его предательством характерна не только кандидатам проигравшим, но и кандидатам-победителям. В отличие от уже воцарившегося идеального правителя, способного сотворить чудо, кандидат-победитель действует в «реальной» сказочной ситуации, которую респондент окрашивает в тона разной степени «политической мрачности». Имея лишь отдельные потенции на сакральную функцию, персонаж вынужден использовать весь свой профессионально-деловой потенциал и нередко в итоге в ход идут подкуп, манипуляции и обман.

Выводы

1 В условиях социально-политического кризиса и политической напряженности россияне ожидают от выборов повышенной конфликтности, конкурентной борьбы вплоть до идеологического разлома и дихотомии «добро — зло». Часто они неосознанно стремятся к мифологизированным кандидатам и конструируют в сказочных сюжетах подобных персонажей. Изучая баланс отношений между управляющими и управляемыми в сюжетах, обратим внимание на то, что описание традиционно-культурного поля взаимодействий между различными сторонами публично-властных отношений характерно для сюжетов, где высшая власть принадлежит единовластному правителю, сочетающему в себе функции военачальника и духовного вождя. Для взаимоотношений власти общества здесь характерен ярко выраженный патернализм.

В представлении россиян потенциальный кандидат-победитель в кризисной общественной ситуации в большей степени должен проявить себя в качестве «хозяина», гаранта гармоничного существования коллектива. При внутренних общественных конфликтах правитель должен стать «отцом» народа, прекратить раздоры, указав каждой группе интересов или личности свои роль и место в структуре общества. Этим он обеспечивает стабильность иерархии и социальной стратификации социума. Широкий спектр проблем общественных состояний, выступающих в роли предпосылок выборной ситуации, свидетельствует о восприятии респондентами института выборов, в первую очередь, как механизма экстренного реагирования на кризисную ситуацию.

2. Россияне не идеализируют образ кандидата-победителя. Персонажам-победителям в сюжетах приписывали и недостатки личностных качеств. Их компенсация возможна, по мнению респондентов, правильно подобранной командой. Введение во многие сюжеты персонажа «Волшеб-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

ный помощник» было вызвано не только стилистической традицией метода, но и значимостью в наши дни ролей советника, политического консультанта. Типичными недостатками в целом привлекательного персонажа победителя на выборах были недостаточная коммуникация кандидата с избирателями, отсутствие харизмы. Вероятно, этих же качеств часто не хватает и современным политикам в глазах россиян. Важным является то, что возможность компенсации личных недостатков кандидата существовала в сюжетах лишь при условии морально-этической привлекательности кандидата и мотивационного профиля «власть нужна ради дела».

Избиратели готовы к неблагоприятным поступкам морально-привлекательного кандидата — потенциального победителя, объясняя его поступки внешними обстоятельствами, спецификой избирательной кампании.

3. В представлениях россиян в условиях активной политической конкуренции, в ходе предвыборной гонки кандидаты стремятся ограничить вмешательство избирателей в их соперничество. Совместно они вырабатывают правила игры и не всегда знакомят общественность с ними, стремясь изолировать сферу противостояния, разобравшись между собой самостоятельно. При вышеупомянутом стремлении политических соперников к изоляции в ходе противоборства и факте выстраивания вертикали государственной власти сказочные сюжеты, посвященные выборам, описывают тенденцию к расширению политического пространства за счет увеличения числа политических субъектов, включенных в избирательный процесс.

4. Анализ динамики образов персонажей в сюжетах позволил утверждать, что избиратели учитывают важность ролевых характеристик действующих по-

литиков. Выявление постоянных инвариантов, наличествующих в сюжетах и не исчезающих из нашего поля зрения при переходе от сюжета к сюжету, позволило говорить об отчетливой тенденции трансформации образа кандидата-победителя в избирательной ситуации. Еще в завязке он, как правило, отличается сильной мотивацией (вне зависимости от ее нравственной специфики), высокой степенью активности и инициативы. В ходе действия кандидат улучшает свои коммуникативные навыки, коптит силу и, победив в схватке, воцаряется. Затем происходит резкое снижение показателей активности. Правитель переносится либо в ранг идеального повелителя, отличающегося устойчивым морально-нравственным ядром, идеологической статичностью и пассивностью, либо его образ трансформируется в процессе узурпации политической власти.

В описании поведенческих моделей кандидатов-персонажей, характеристик социума и избирательных кампаний наблюдаются отчетливые аллюзии к российской политической действительности. Проведенный анализ сказочных сюжетов позволил выделить основные характеристики образа кандидата-победителя в избирательной кампании. Можно сделать вывод о том, что электоральная привлекательность политика зависит не только от представлений избирателя о его личностном потенциале, но и от понимания и трактовки им особенностей избирательной ситуации. Поэтому важным для нас является и то, что в рамках исследования появилась возможность сделать ряд выводов об отношении россиян к вопросам политического участия, представительства, взаимосвязи власти и общества, рассмотреть специфику восприятия респондентами современного российского избирательного процесса.

Литература

1. Президент по выбору: моделирование желаемого будущего / А. Г. Асмолов, И. Березин, А. Борисов и др. — Институт социальных связей Москва, 2000. — 189 с.

Конструирование сказочных сюжетов как метод определения факторов электоральной привлекательности кандидатов

---

2. Владыкина И. К., Плесовских С. Н. Конструирование сказочных сюжетов как метод выявления прототипа идеального лидера среди молодежи // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. — № 5. — М., 2000. — С. 98–103.
3. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2001. — 144 с.
4. Психология политического восприятия в современной России / Е. Б. Шестопап. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. — 432 с.
5. Радкевич С., Тарасевич А. Образ. Символ. Миф. Еще раз к вопросу о парадигме труда пиарщиков // Политический маркетинг. — 2013. — № 2. — С. 18–19.

Земская «контрреформа» или «коррекция реформ» (по материалам избирательных кампаний в Московской губернии)

Аннотация

Статья посвящена земским избирательным кампаниям, проходившим в Московской губернии в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. На основе архивных материалов рассматриваются попытки избирателей опротестовать результаты выборов, деятельность губернатора и губернского по земским и городским делам присутствия по надзору за применением норм избирательного права. Делается вывод о том, что изменения, связанные с реформой 1890 г., сочетали в себе элементы как «контрреформы», так и «коррекции реформ».

Ключевые слова: земские выборы, административный надзор, губернское по земским и городским делам присутствие, «контрреформы», «коррекция реформ».

Автор

Галкин Павел Владимирович

Доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
Государственного социально-гуманитарного
университета (Коломна, Россия)

Проблемы административных реформ, проводившихся во второй половине XIX в. и непосредственно затронувших положение земских учреждений, неоднозначно трактуются в трудах историков, политологов и юристов. Одним из центральных является вопрос о том, в какой мере реформа 1890 г. способствовала коренному изменению в статусе и компетенции земств.

В дореволюционной историографии большинство авторов отмечали усиление в земстве государственных начал и выступали с критикой законодательных новаций в части уменьшения самостоятельности общественных учреждений

и усиления административного надзора [9; 10; 14]. Известный историк земства Б. Б. Веселовский отмечал, что основным нововведением реформы 1890 г. стало «установление сословности избирательных групп и предоставление значительного перевеса гласным-дворянам», но при этом он делал вывод о том, что реформа «не произвела какой-либо существенной перемены», а «земская власть осталась в тех же руках» [4. — Т. 3. — С. 351–352].

В советской исторической науке в отношении «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. прочно закрепляется термин «контрреформа», а при оценке причин, побудивших

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

правительство провести «контрреформу», Л. Г. Захарова, помимо общеполитических мотивов, указывала на конституционные требования «земско-либеральной оппозиции» и на эволюцию социального состава собраний, и в том числе на борьбу «торгово-промышленной и новой землевладельческой буржуазии» [8. — С. 161]. При этом «земская контрреформа», по мнению П. А. Зайончковского, не принесла правительству ожидаемых результатов, поскольку «несмотря на усиление правительственной опеки и на известное увеличение численности дворянства, не изменила оппозиционной сущности земских органов» [7].

Современные авторы считают неправомерным оценку преобразований Александра III как «контрреформ» и предлагают термин «коррекция реформ». Впервые такая постановка вопроса была сделана в коллективной монографии «Административные реформы в России: история и современность», где земская реформа 1890 г. рассматривается как стремление «преодолеть противостояние выборных и коронных учреждений» [15].

Последовательное рассмотрение проблемы терминологии было предпринято в исследованиях Н. И. Биюшкиной. В них, в частности, автор отмечает, что в словаре «контр» (от лат. «contra») характеризуется как первая часть сложных слов, означающая противоположный или встречный процесс, противодействие тому, что выражено во второй части слова. В этой связи Н. И. Биюшкина считает более правильным употребление термина «коррекция реформ», утверждая, что «политика контрреформ объективно выглядит как курс коррекции (курсив автора — П. Г.) сложного и противоречивого процесса преобразований Александра II...». При этом она не отказывается и от использования термина «контрреформы», предлагая под ними понимать «систему внутривластных мер, предпринятых императором, направленных на восстановление и последующее соблюдение

режима законности и правопорядка, на приведение курса реформ Александра II в соответствие с изменившимися к началу 80-х гг. XIX в. социально-экономическими и политико-правовыми отношениями» [1].

Таким образом, в современных исследованиях, посвященных преобразованиям Александра III, наметился отказ от применения понятия «контрреформы» в пользу термина «коррекция реформ». В данной статье предпринята попытка рассмотреть земские избирательные кампании, проводившиеся в Московской губернии в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в., с тем, чтобы выявить причины и последствия проведения реформы 1890 г. и определить насколько правомерно применение того или иного подхода в оценке этих событий.

Согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях, высочайше утвержденному 1 января 1864 г.» [12] состав земских гласных сначала формировался на уездном уровне. Избиратели делились на три курии: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ.

В Московской губернии для участия в выборах от первой курии устанавливался имущественный ценз в размере 200 десятин земли или 15 тыс. руб. по стоимости недвижимого имущества, или в 6 тыс. руб. годового оборота промышленного производства. В равной степени могли принимать участие в выборах поверенные от церкви, компаний и обществ, удовлетворяющих указанным требованиям. Граждане или представители учреждений, располагавшие собственностью, превышающей 1/20 часть имущественного ценза, участвовали в особых предварительных съездах по выбору уполномоченных, количество которых устанавливалось в соответствии с числом полных цензов. В избирательном съезде землевладельцев могли участвовать лично или через уполномоченных крестьяне, имевшие в собственности необходимое количество земли вне крестьянского надела.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

В избирательных съездах уездных городов участвовали купцы, владельцы торговых и промышленных заведений с годовым доходом свыше 6 тыс. руб., а также владельцы городской недвижимости, стоимость которой зависела от численности жителей. Так, в городах, имеющих более 10 тыс. жителей (в Московской губернии это г. Коломна и г. Серпухов), требовалось владение недвижимостью стоимостью более 3 тыс. руб.; в городах, насчитывавших от 2 до 10 тыс. жителей, — не ниже 1000 руб., и во всех прочих городских поселениях — не ниже 500 руб. По этой курии могли баллотироваться дворяне и духовенство, поверенные от церквей, обществ, компаний, владеющих имуществом соответствующего размера.

По третьей курии, не предусматривавшей имущественного ценза, выборы были многостепенными: сначала сельский сход выбирал представителей на волостной сход, на котором избирались выборщики, а затем на уездных съездах выборщики избирали гласных в уездное земское собрание. По закону от каждого сельского общества в числе выборщиков должно было быть не менее одного представителя. По третьей курии предоставлялось также право баллотироваться членам избирательного съезда землевладельцев и православному духовенству, причем последние этим правом наделялись даже в том случае, если они не обладали имущественным цензом, позволявшим им баллотироваться по первой курии. Это было сделано законодателем для того, чтобы поднять культурный и образовательный уровень избранников от третьей курии.

В гласные не могли избираться губернатор и вице-губернаторы, члены губернских правлений, прокуроры и полицейские чины. Лишались избирательных прав лица, судимые и состоявшие под следствием или надзором полиции.

Избирательные права не предоставлялись иностранцам и российским гражданам моложе 25 лет. Женщины, владевшие недвижимостью, могли уполномочивать

на участие в выборах своих отцов, мужей, сыновей, зятьев и родных братьев, которые не обладали необходимым имущественным цензом. Неотделенные сыновья могли участвовать в выборах вместо отцов в качестве уполномоченных. При этом никто не мог иметь на избирательном съезде более двух голосов: одного голоса по личному праву и одного — по доверенности или уполномочию.

Гласные избирались на три года в сроки, назначаемые министром внутренних дел. На избирательном съезде землевладельцев председательствовал уездный предводитель дворянства, на съезде второй курии — городской голова, а на сельских съездах председатель назначался из среды выборщиков и утверждался мировым посредником.

Подготовительная работа по организации выборов возлагалась на земские управы, которые должны были составлять предварительные списки избирателей по первым двум куриям за четыре месяца и уточнять их за один месяц до выборов. После чего списки публиковались в официальной части «Московских губернских ведомостей».

Одним из основных источников для анализа избирательных технологий середины 1880 гг. являются опубликованные «Журналы уездных земских собраний Московской губернии», в которых приводились все жалобы и заявления, подававшиеся избирателями, а также отношения губернатора, направлявшиеся на рассмотрение земских собраний. По избирательным кампаниям, проводившимся на рубеже 1880–1890 гг., в Центральном историческом архиве Москвы сохранилась делопроизводственная документация, представляющая собой переписку земских управ с губернатором и Министерством внутренних дел. В делах содержатся акты и протоколы избирательных съездов, баллотировочные листы, доверенности уполномоченных лиц, рапорты исправников о благонадежности лиц, избранных в гласные, а также решения Сената по жалобам частных лиц.

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

В период избирательной кампании 1883 г. основные противоречия возникли из-за использования так называемых бланковых доверенностей, в которых фамилия доверенного лица вписывалась непосредственно перед выборами, что позволяло влиять на результаты земских выборов. Как следствие, это привело к разбирательствам в 5 из 13 уездов Московской губернии. Причем в каждом отдельном случае появлялись свои нюансы. Так, в Подольском уезде представленная избирателем доверенность не соответствовала требованиям, так как была подписана свидетелями после ее засвидетельствования в полиции [6. — Т. 3. — С. 218]. В Коломенском уезде споры вызвали права сразу трех избирателей. Доверенность одного из них была засвидетельствована у мирового судьи, другого — у нотариуса, а третьего — у помощника городского пристава, но во всех документах не было подписей свидетелей. Однако на избирательном съезде при проверке прав доверенных лиц было решено, что все доверенности засвидетельствованы в соответствии с требованием закона, поэтому получившие их лица были допущены к участию в голосовании [6. — Т. 2. — С. 862–864].

В Бронницком уезде и вовсе был зафиксирован случай участия в выборах лица, не имевшего ни собственного ценза, ни доверенности. По данному факту один из участников съезда полковник Н. И. Ильин подал жалобу московскому губернатору В. С. Перфильеву, в которой сообщил следующее: «...никто не знал, что И. Мочалов явился вместо отца, но баллотировочный список подписан Ивановом, «хотя очевидно он и старался вывести букву „И“ так, что она имеет сходство и с буквой „И“ и „П“». Жалобщик также указал, что в уезде существует «партия, стремящаяся к достижению своих целей, не разбирая средств», и при подобных «проделках» она может «всегда вводить в заблуждение как председателя, так и прочих членов съезда...» [16. — Оп. 52. —

Д. 78. — Л. 16 об. 17]. При рассмотрении жалобы в земском собрании было принято во внимание, что П. С. Мочалов от звания гласного отказался, поэтому большинством голосов постановили признать выборы правильными [6. — Т. 1. — С. 222].

Скандальный оттенок имели выборы 1883 г. в Клинском уезде, где жалоба губернатору была подана не избирателями, а председателем земской управы А. А. Олениным. В ней описывались грубейшие нарушения закона при оформлении четырех доверенностей. Так, участвовавший в съезде В. В. Соколов представил доверенность, в которой его фамилия была вписана им собственноручно. Другая доверенность была выдана И. Н. Кашаеву, не имевшему собственного ценза. Еще один избиратель, И. О. Назимов, и вовсе представил письмо от отца, подписанное свидетелями незадолго до выборов и никем не засвидетельствованное. И наконец, избиратель В. С. Сахаров представил доверенность без указания, кому она выдана. Губернатор В. С. Перфильев препроводил жалобу председателя земской управы на рассмотрение земского собрания, указав, что он, в свою очередь, согласен с приведенными в ней доводами [6. — Т. 2. — С. 535–538].

Однако гласные признали, что все четыре документа имели законную силу. По доверенности В. В. Соколова, в частности, было выяснено, что имя вписано рукою доверителя в начале документа, а засвидетельствование было проведено в полицейском управлении. Доверенность И. Н. Кашаеву была выдана правлением Высоковской мануфактуры, подпись засвидетельствована нотариусом, и при этом доверенное лицо являлось пайщиком этой мануфактуры на сумму не менее 15 тыс. руб., что соответствовало требованиям по имущественному цензу. Доверенность Назимова, удостоверенную двумя свидетелями и предводителем дворянства, также признали правильной. С доверенностью В. С. Сахарова оказалось еще проще: поскольку доверитель и до-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

веренное лицо были «внесены в список крупных землевладельцев и известны всем членам собрания как местные жители, и что никакого сомнения доверия не представляется», доверенность признали действительной [6. — Т. 2. — С. 530–531].

Московский губернатор согласился только с доводами земцев относительно доверенности В. В. Соколова, а по остальным пунктам опротестовал постановление собрания. После чего гласные вновь рассмотрели обстоятельства, ставшие поводом к возражениям губернатора. Избирателем И. Н. Кашаевым в подтверждение имущественного ценза было представлено удостоверение, выданное правлением Высоковской мануфактуры, о том, что его пай составляет 25 тыс. руб., на основании чего гласные признали полученную им доверенность правильной. В подтверждение доверенности В. С. Сахарова было рассмотрено письмо доверительницы, якобы представленной еще на избирательном съезде. А в отношении доверенности Назимова земцы, не вдаваясь ни в какие юридические тонкости, приняли решение простым голосованием: 18 голосами против 11 они признали участие неотделенного сына по письменному заявлению отца законным.

Губернатор В. С. Перфильев приостановил это постановление земского собрания и представил материалы на решение в Сенат. В его рапорте также сообщалось о несогласии с постановлениями земского собрания, состоявшимися по другим вопросам при «незаконном составе гласных». Дело разбиралось в Сенате 14 декабря 1883 г. В отношении И. Н. Кашаева было предписано исключить его из числа гласных, поскольку, не имея собственного полного ценза, он «не мог быть уполномочен Товариществом Высоковской мануфактуры на участие в выборах в качестве представителя ценза, ей принадлежащего, хотя бы и состоял пайщиком мануфактуры» [13]. В то же время избрание Назимова и Сахарова было признано законным в силу того, что первый из них

участвовал в съезде в качестве неотделенного сына, для чего не требовалось особых уполномочий, а второй, кроме голоса, представленного ему по доверенности, имел собственный шар по личному имущественному цензу.

В Московском уезде ситуация с проверкой доверенностей осложнилась еще и проблемой борьбы дворянства и «кирпичников» — владельцев кирпичных заводов, возглавляемых М. Д. Пфейфером [4. — Т. 4. — С. 544]. Эта борьба фракций стала прямым следствием сокращения удельного веса дворянства в составе избирателей¹. Поэтому «кирпичники», используя манипуляции с избирательными шарами, пытались добиться того, чтобы дворяне окончательно потеряли интерес к выборам, посчитав ниже своего достоинства проходить неоднократные перебаллотировки.

В 1883 г. после завершения выборов по первой курии избиратели В. Л. Кирхгоф, Н. Ф. Рихтер и А. Ф. Ржевский подали жалобы на «неправильности», допущенные при оформлении доверенностей сразу 6 избирателей из числа «кирпичников». Вопрос обсуждался на заседании земского собрания, где большинством голосов (15 против 12) выборы были признаны правильными. Однако губернатор В. С. Перфильев не согласился с постановлением земского собрания и возвратил все материалы на повторное обсуждение. На следующем заседании земского собрания часть земцев выступили за то, чтобы не соглашаться с протестом начальника губернии, другие, напротив, высказывались

¹ Если в 1865 г. дворяне составляли 91 % от общего числа крупных землевладельцев первой курии, то в последующие годы эта цифра стремительно уменьшалась, составив в 1868 г. — 51 %, в 1871 г. — 49 %, в 1874 г. — 44 %, в 1877 г. — 39 %, и, наконец, в 1880 г. — всего 34 % (подсчитано по: Доклад Московской уездной земской управы Московскому уездному земскому собранию 1880 г. № 1. — С. 7).

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

в пользу проведения повторных выборов. В результате 16 голосами против 8 земцы постановили согласиться с мнением губернатора и ходатайствовать о назначении нового съезда по первой курии [5].

Выборы состоялись в ноябре, и жалоба на какие-либо «неправильности» подана не была. В результате новых выборов «кирпичникам» удалось упрочить свои позиции: если после первого раунда в числе гласных было 4 купца и 3 почетных гражданина (из 12 мест), то после второго раунда — 8 и 4, соответственно (из 15 мест). Таким образом, дворяне остались в земском собрании в меньшинстве, а лидер «кирпичников» коллежский секретарь М. Д. Пфейфер был избран не только гласным, но и председателем земской управы.

В целом избирательная кампания 1883 г. показала, что в большинстве случаев заявления и жалобы, подававшиеся против лиц, участвовавших в выборах по доверенности, являлись не столько элементом борьбы за законность избирательных процедур, сколько средством достижения определенных целей представителями той или иной группировки избирателей.

Избирательная кампания 1886 г. в масштабах губернии прошла без крупных нарушений, исключением стал Московский уезд, где «кирпичники» во главе с М. Д. Пфейфером, занявшие доминирующие позиции в земской управе, постарались максимально обеспечить свои интересы. О характере «неправильностей», допущенных на выборах по первой курии, дает представление жалоба Н. Ф. Рихтера и Н. А. Каблукова. Первая озвученная ими претензия касалась того, что предводитель дворянства, председательствующий на съезде, получал от земской управы списки за день до выборов и поэтому не мог обеспечить рассылку повесток избирателям. «Несоблюдение этого закона, — утверждали заявители, — лишало возможности многих землевладельцев, дачевладельцев и представителей церковных имуществ, не проживающих

в городе, принять участие в съезде, чем явно нарушены их права». При этом жалобщики высказывали предположение, что «представители фабрик и торговых заведений были оповещены каким-либо особым образом» [2. — С. 16]. Вторая часть жалобы была посвящена участию в съезде крупных землевладельцев лиц на основании доверенностей, неудовлетворяющих требованиям закона. Далее сообщалось о том, что после выборов Н. Ф. Рихтер не смог ознакомиться с доверенностями в земской управе, потому что в один день они оказались в сейфе отсутствующего секретаря управы, а на следующий день у отсутствующего члена управы. Поскольку для подачи жалобы по закону предоставлялось всего три дня, Рихтеру пришлось сформулировать нарушения лишь «в общих чертах». Он утверждал, что некоторые избиратели не знали, от кого они имели доверенности, и не все доверенности были представлены к засвидетельствованию самими верителями, а иногда на них обозначалось «подпись руки свидетельствую», но не называлось фамилии человека, чья подпись удостоверялась [2. — С. 18].

Предъявленные обвинения во многом были направлены против председателя и членов земской управы как главных организаторов избирательного процесса. Изложенные заявителями факты свидетельствовали о стремлении управы во главе с М. Д. Пфейфером увеличить количество голосов, принадлежащих его сторонникам. С одной стороны, это достигалось особым порядком оповещения избирателей о дате заседания и полной узурпации этого процесса в ущерб действиям предводителя дворянства, председательствующего на съезде первой курии, а с другой — были использованы самые разнообразные приемы для манипуляций с доверенностями. Однако в объяснительной записке, которую губернатор потребовал от земской управы, большая часть обвинений была искусно опровергнута. Обеспечение явки избирателей по версии

управы было выполнено наилучшим образом: было изготовлено до 600 объявлений (т. е. почти по числу избирателей) и с курьерами они были разосланы становым приставам, во все волостные правления, монастыри и всем благочинным уезда [2. — С. 24]. По всем пунктам жалобы, посвященным доверенностям, в объяснениях управы говорится о том, что они носили единичный характер, а засвидетельствование их у члена управы и мирового судьи объяснялось тем, что они являются должностными лицами, и это не противоречит закону.

В целом, объяснения управы были убедительны далеко не по всем пунктам, но на заседании земского собрания, где «кирпичникам» активно противостояли только гласный от удельного ведомства К. В. Бабановский и поддержавший его И. И. Шаховской, вопрос о правильности действий избирательного съезда был решен положительно большинством (26 против 3) голосов. Таким образом, активная позиция отдельных избирателей и гласных фактически натолкнулась на мощную противодействующую силу представителей недворянских сословий. И если в предшествующие годы основная борьба разворачивалась на избирательных съездах, то после избрания М. Д. Пфейфера председателем земской управы любые попытки пересмотра результатов выборов оказались обречены на провал, так как «кирпичники», используя организационные ресурсы, стали неуязвимы перед лицом губернаторского надзора.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, в том же 1886 г. предводитель дворянства Московского уезда князь П. Н. Трубецкой обратился к министру внутренних дел Д. А. Толстому с «Запиской о земских избирательных съездах», в которой он предлагал создать специальную «четвертую» курию избирателей, выделив в нее владельцев фабрик, заводов и другой неземельной собственности [8. — С. 27]. Эти предложения получили поддержку в губернском земском собрании и нашли

отклик на страницах «Вестника Европы» и «Недели», но реальные изменения в положении дворянства промышленно развитых уездов произойдут лишь после издания нового «Положения о земских учреждениях»¹.

Однако Н. Ф. Рихтер не смирился с поражением дворянства и предпринял беспрецедентные шаги для отстаивания своей позиции. На заседании губернского земского собрания в декабре 1886 г. при проверке прав губернских гласных он снова заявил о незаконности выборов в Московском уезде, указав, что причиной нарушений стали неправильные действия уездной управы по составлению списков избирателей. Губернские гласные, заслушав представленное заявление, признали, что собрание не имеет соответствующей компетенции для пересмотра результатов выборов в уездах, и одновременно решили ходатайствовать перед правительством о распространении на губернские земские собрания прав по рассмотрению работы избирательных съездов.

В январе 1889 г. накануне следующей избирательной кампании Н. Ф. Рихтер

¹ Примечательно, что в период следующей избирательной кампании уездный предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой вновь попытался решить вопрос о создании отдельной курии для владельцев торгово-промышленных заведений. С этой целью он пытался заручиться, прежде всего, поддержкой московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукого: «...с каждым годом число фабрик, заводов, кабаков и прочих недвижимых имуществ все прибавляется, — отмечал предводитель дворянства в письме к генерал-губернатору. — Количество же земли прибавиться не может, а поэтому и выходит полный абсурд, что на съезде землевладельцев ни один собственник земли не избирается, а попадают в гласные кирпичники, кабатчики и промышленники всякого рода...» (ЦИАМ. — Ф. 17. — Оп. 71. — Д. 92. — Л. 16).

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

вновь решил предложить этот вопрос губернскому земскому собранию, которое на этот раз постановило передать его для «расследования» в губернскую управу. Для выяснения всех обстоятельств дела члены губернской управы приняли решение командировать двоих представителей в Московскую уездную управу.

Далее конфликт стал развиваться по нарастающей линии: члены уездной управы, руководствуясь нормами закона, постановили командированных губернской управой лиц «к расследованию не допускать». О произошедшем инциденте члены Московской уездной управы доложили гласным уездного собрания. В докладе подчеркивалось, что «направление действий Московского губернского земского собрания серьезно угрожает самостоятельности уездных земских учреждений Московской губернии», и потому уездная управа предложила обратиться к высшей административной власти «в целях определения границ для компетенции губернского земского собрания и ограждения интересов уездных земских собраний». Уездное собрание большинством голосов (20 против 1) постановило поддержать позицию уездной управы и уполномочить ее подать жалобу в Сенат.

Избирательная кампания 1889 г., начавшаяся на фоне такого скандального выяснения отношений между уездными и губернскими структурами, продолжилась в том же ключе. Уже в апреле Н. Ф. Рихтер подал жалобу в уездную управу на неправильное составление списков. Главная претензия заключалась в том, что владельцы домов, кирпичных заводов и других промышленных заведений были внесены в избирательные списки по капитализации доходности из 7 %, хотя в законе четко указывалось на предоставление избирательных прав либо по ценности имущества, либо по годовому обороту производства [11. — Ст. 23]. Всего по жалобе Рихтера следовало исключить из списков до 150 человек, стоимость имущества которых была рассчитана управой

неверно и в действительности не соответствовала имущественному цензу. В ответ на эти претензии члены уездной управы заявили, что такие способы расчета употреблялись, начиная с 1870 г., и никаких протестов со стороны избирателей и губернатора не встречали. На основании чего в удовлетворении жалобы Н. Ф. Рихтеру было отказано. Однако последний решил проявить настойчивость и подал жалобу в губернскую управу, где было принято постановление: признать списки уездной управы составленными с нарушением закона. Члены уездной управы попробовали применить те же подходы, которые были использованы в инциденте с предыдущей жалобой Рихтера, указав на то, что постановление губернской управы выходит за пределы ее компетенции, и для решения вопроса в нужном русле подали ходатайство о созыве экстренного земского собрания. В архивных материалах по этому поводу сохранилась записка уездного предводителя дворянства П. Н. Трубецкого, адресованная московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукому. В ней высказывалось сомнение о целесообразности разрешать экстренное собрание уездных гласных, так как «пересоставление списков избирателей законом не допускается и самое пересоставление их повлечет за собою путаницу, не говоря уже о возможности устранения управы от должности» [16. — Оп. 71. — Д. 92. — Л. 18 об. 19]. По-видимому, эти доводы были приняты во внимание и в Министерстве внутренних дел, поскольку разрешение на созыв экстренного собрания предоставлено не было, но объяснение причин отказа давалось иное: в нем указывалось, что постановление губернского земского собрания не может подлежать обсуждению на уездном уровне. Получив отказ, уездная управа обратилась с ходатайством к министру внутренних дел И. Н. Дурново о «надлежащих указаниях» [3. — С. 134].

Спустя несколько дней московский губернатор князь В. М. Голицын обратился к

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

министру внутренних дел для того, чтобы изложить свое видение проблемы. Прежде всего, он признал, что требование, заявленное губернской земской управой, представляется несоответствующим «Положению о губернских и уездных земских учреждениях». Для поиска компромисса и составления новых избирательных списков губернатор предлагал создать особую комиссию под председательством предводителя дворянства и включить в ее состав членов как уездной, так и губернской земских управ. А для окончательного разрешения проблемы губернатор предлагал поддержать инициативу уездного предводителя дворянства П. Н. Трубецкого о выделении владельцев торгово-промышленных заведений в особый избирательный съезд, поскольку это «само собой прекратит всякие неправильности в выборном деле, устраняя домогательства лиц этой категории, желающих попасть тем или другим путем в съезд от землевладельцев, чем преимущественно и объясняются неправильности по составлению списков избирателей по Московскому уезду» [16. — Оп. 71. — Д. 92. — Л. 43 об.].

В конфиденциальном ответе министр внутренних дел И. Н. Дурново согласился с утверждением московского губернатора о том, что требования губернской земской управы о внесении в списки владельцев недвижимой собственности на основании их собственных показаний, подтвержденных свидетелями, несогласно с действующим законодательством. Перспективы создания отдельной курии для владельцев торгово-промышленных заведений министр признал возможным лишь после принятия соответствующих норм, «...к чему едва ли представляется достаточно основания, особенно ввиду предпринятого общего пересмотра правил, относящихся до земских учреждений» [16. — Оп. 71. — Д. 92. — Л. 45 об.].

В официальном же ответе, полученном земскими управами из Министерства внутренних дел, сообщалось, что исправ-

ление избирательных списков необходимо провести «лишь в том отношении, чтобы устранить повод к предположению о допущении составного, для одних и тех же лиц, избирательного ценза...» [3. — С. 137]. Московская уездная управа, посчитав, что в списках избирателей «никаких составных цензов не имелось», решила, не исправляя их, направить губернатору на окончательное утверждение. Новых жалоб по этому поводу ни со стороны избирателей, ни от губернатора не последовало, поэтому в конце ноября все-таки состоялись выборы по первой курии.

Однако в день выборов Н. Ф. Рихтер представил особое мнение, в котором указал, что производство выборов по не исправленному избирательному списку он считает несогласным с законом. Но когда председательствовавший на съезде П. Н. Трубецкий предложил поставить заявление на голосование, Рихтер отказался, по-видимому, желая сохранить для себя возможность на подачу новых протестов. В итоге сам жалобщик свою кандидатуру на голосование не выставлял, а главный его оппонент — председатель земской управы М. Д. Пфейфер набрал больше всех избирательных шаров (81 из 97). В результате выборов в гласные от первой курии прошло меньшее число «кирпичников», а Н. Ф. Рихтер был избран в земское собрание от крестьянской курии. В этом незначительном уменьшении числа «кирпичников» в земском собрании, очевидно, не последнюю роль сыграли жалобы Рихтера, поскольку даже несмотря на отсутствие прямого их удовлетворения, они повлияли на сторонников М. Д. Пфейфера, заставив их уменьшить свои амбиции и прекратить безудержное «выдавливание» дворянства из земства.

В других уездах Московской губернии на выборах 1889 г. не было зафиксировано ни одной жалобы, за исключением съезда второй курии в г. Дмитрове. Здесь были допущены нарушения при оформлении доверенностей, и, кроме того, произошло разделение избираемых гласных

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

на две части (4 гласных избиралось от г. Дмитрова и 6 гласных — от Сергиева Посада). В результате такой баллотировки от Сергиева Посада в гласные был зачислен претендент, набравший 21 «белый шар», а от г. Дмитрова избиратель, получивший 22 голоса, оказался в числе кандидатов в гласные, что, разумеется, противоречило закону [16. — Оп. 71. — Д. 113. — Л. 10–11 об.]. Московский губернатор князь В. М. Голицын направил все материалы на рассмотрение уездного земского собрания, которое согласилось с оценкой указанных нарушений и необходимостью проведения повторных выборов по второй курии. Новые выборы прошли в спокойной обстановке и никаких протестов на них не поступало.

Подводя общий итог избирательным кампаниям в Московской губернии 1883–1889 гг., отметим, что в целом выборы проходили с соблюдением действующего законодательства, а выявленные факты нарушений наблюдались примерно на одном из десяти избирательных съездов.

Ключевую роль в избирательном процессе играли уездные земские управы, составлявшие списки избирателей и осуществлявшие переписку с губернатором по вопросам сроков и места проведения выборов. Другим важным звеном были уездные земские собрания, потому что именно они должны были проверять законность прав гласных. Особняком в этой системе стояла губернская управа, которая участвовала в рассмотрении повторных жалоб на составление избирательных списков. Со стороны органов государственной власти функции надзора за порядком проведения выборов были возложены на губернаторов, разрешительные полномочия осуществлял министр внутренних дел, а толкованием закона и окончательным разрешением жалоб занимался Сенат. Как видно из рассмотренных эпизодов, все вышеперечисленные субъекты избирательного процесса не имели прямой заинтересованности в пересмотре результатов выборов, а потому

стремились минимизировать разбирательства, связанные с нарушениями законодательства. Исключением являлись избирательные кампании, во время которых борьба отдельных групп избирателей сопровождалась либо вопиющими фактами нарушений закона, либо ими оказывалось активное давление на земское собрание или губернатора через подачу многочисленных жалоб, протестов и особых мнений. Другим критерием отмены выборов являлись доказанные ситуации незаконного влияния на исход голосования (как правило, при избрании в гласные с перевесом в один-два голоса).

Испытанием всей избирательной системы в Московской губернии на прочность стали регулярные жалобы Н. Ф. Рихтера, который, проявив завидную настойчивость, сумел задействовать для их расследования все структуры. При этом губернская управа и губернное земское собрание продемонстрировали свою неготовность к роли третьей стороны в силу заинтересованности в результатах разбирательства и даже склонности к лоббированию определенного решения. Губернатор и министр внутренних дел заняли более взвешенную позицию, продемонстрировав стремление к скорейшему решению проблемы в рамках действующего законодательства. Однако парадокс заключался в том, что ситуация, сложившаяся в Московском уезде, могла быть разрешена кардинально только путем реформирования избирательных норм. Стремительное развитие торговли и промышленности при отсутствии второй (городской) курии приводило к активному влиянию «кирпичников» на результаты выборов. В этой связи жалобы Н. Ф. Рихтера скорее были жестом отчаяния, и оказать заметного влияния на исход избирательных кампаний они, конечно, не могли. Но в то же время привлечение внимания со стороны представителей государственной власти, начиная от губернатора и генерал-губернатора и заканчивая министром внутренних дел,

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

стало, по сути, легальной возможностью заявить о проблеме. И, по-видимому, это не в последнюю очередь учитывалось при разработке концепции реформы 1890 г.

Для других уездов Московской губернии наиболее актуальным в предстоящем реформировании земского законодательства было все-таки не изменение подхода к наделению избирательными правами и не распределение избирателей по куриям, а создание нового органа надзора по аналогии с губернским по городским делам присутствием. Потому что только структура, не связанная земскими корпоративными интересами (когда проверку законности своих прав гласные осуществляли коллективным решением) могла обеспечить более или менее качественное обеспечение функций административного надзора. Такой орган появился в результате принятия нового земского положения сначала в виде присутствия по земским делам, а затем губернского по земским и городским делам присутствия, объединившего надзор за обеими ветвями местного самоуправления.

Другими заметными новациями «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. стали изменения в избирательной системе, которая оказалась направлена на удовлетворение узкосословных интересов дворянства. Прежнее деление по первым двум куриям — на владельцев имущества в сельской местности и в городах — заменялось в соответствии с сословным подходом на курии дворян и недворян, владеющих недвижимостью. Правом участия в выборе гласных по первым двум куриям пользовались лица, состоящие в русском подданстве, а также благотворительные и учебные учреждения, торговые и промышленные общества, товарищества и компании при условии, что они владеют собственностью в пределах уезда в течение одного года. Требования закона о годичном сроке владения имуществом было введено с целью оградить земство от лиц, не имеющих «достаточно прочной

связи с данной местностью и знакомства с ее интересами» [11. — С. 46]. Относительно коренных жителей уезда это условие не соблюдалось. Имущественный ценз в Московской губернии сохранился в прежнем размере. Изменения коснулись лишь неполноценных избирателей, к числу которых теперь относились владельцы имущества, превышающего 1/10 часть ценза (по прежнему закону это была 1/20).

Для контроля за законностью земских выборов и постановлений земских собраний учреждался новый орган — губернское по земским и городским делам присутствие. В состав присутствия входили: губернатор (председатель присутствия), вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий Казенною палатою, прокурор Окружного суда, председатель губернской земской управы и один из губернских земских гласных, а также городской голова губернского города и непременный член присутствия от Министерства внутренних дел, отвечавший за ведение документации присутствия. В ходе избирательной кампании основной задачей присутствия являлось рассмотрение жалоб на проведение выборов, и в случае выявления серьезных нарушений закона могло быть вынесено решение об их отмене и назначении новых выборов. Если же неправильным признавалось избрание отдельных гласных, то принималось постановление о замене их кандидатами в гласные.

Все члены губернского по земским и городским делам присутствия лишались права участия в земских выборах. Наряду с ними, не могли участвовать в выборах священнослужители, полицейские и работники прокуратуры. Так же, как и в прежнем законе, лишались избирательных прав лица, судимые и состоящие под следствием или надзором полиции.

Избирательные права по крестьянской курии оставались без существенных изменений, они распространялись на домохозяев, и избрание лиц из других со-

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

словий теперь не допускалось. Выборы проходили сначала на сельских, а затем на волостных сходах. При этом избиралось по одному кандидату от волости.

Первая избирательная кампания, проходившая по новому Положению, пришла на 1891 г., и главным ее отличием стали разнообразные запросы уездных земских управ относительно применения отдельных норм закона по второй курии. Так, Серпуховская управа обратилась в губернское по земским и городским делам присутствие с вопросом о включении в избирательные списки местного городского общества, которое владело 645 десятинами земли. В ответе присутствия было предписано исключить городское общество из списка избирателей, потому что в соответствии со ст. 57 нового земского Положения городская голова являлся представителем уездного центра в земском собрании [16. — Оп. 65. — Д. 308. — Л. 37–37 об.]. Рузская управа внесла на рассмотрение присутствия предложение о разделении второй курии на два съезда — землевладельцев и владельцев других видов имущества. В качестве аргументов указывалось, что «соединение... в одном избирательном съезде не в достаточной степени уравнило бы права владельцев того и другого вида имуществ и могло бы иметь своим последствием преимущество относительно избрания для владельцев одного вида имущества в ущерб владельцам имуществ другого вида и таким образом не было бы достигнуто должное равенство в избрании уполномоченных» [16. — Оп. 44. — Д. 173. — Л. 63 об.]. Постановлением присутствия это предложение было отклонено, с чем согласился и министр внутренних дел И. Н. Дурново.

При составлении избирательных списков в Московском уезде губернатор заявил протест в отношении включения в них Московского городского управления по владению территорией, занятой городскими бойнями, Императорского скакового общества и Общества охотников скакового дела, владеющих землями

в уезде, а также нескольких лиц иудейского вероисповедания [17. — Оп. 74. — Д. 579. — Л. 14]. Присутствие согласилось со всеми доводами губернатора, посчитав, что вышеперечисленные общества не подходят под перечень, установленный законом и напомнив, что евреи по «Положению» 1890 г. были лишены избирательных прав. В итоге все они были исключены из списка избирателей. Данный эпизод показывает, что по новому закону административный надзор в отношении избирательных процедур стал более последовательным и позволял пресекать нарушения закона без жалоб и заявлений со стороны избирателей.

Кампания 1894 г. сопровождалась многочисленными нарушениями избирательного законодательства, которые обнаружили уже на стадии составления списков избирателей. В процессе административного надзора губернатор выявлял соответствующие факты и направлял материалы по ним на рассмотрение губернского по земским и городским делам присутствия, члены которого последовательно исключали из списков тех избирателей, которые в той или иной мере не соответствовали требованиям закона. К примеру, в двух городах — Звенигороде и Сергиевом Посаде — из списков были вычеркнуты жители, не имевшие годичного срока владения имуществом; а в Богородском уезде та же участь постигла представителей костромского дворянства, владевших необходимым количеством земли, но их участие в выборах в качестве сословного общества, по мнению членов присутствия, не было предусмотрено законом [17. — Оп. 45. — Д. 35. — Л. 146–149, 187–187 об.].

По итогам самих выборов в присутствие поступило три жалобы от избирателей и шесть протестов со стороны губернатора. При этом все жалобы были оставлены без последствий, а по протестам губернатора результаты выборов были отменены сразу в трех уездах.

Две из упомянутых жалоб были поданы избирателями на выборы первой

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

курии в Коломенском уезде. В одной из них говорилось о незаконном участии в голосовании коллежского советника Н. А. Цветкова, однако по разъяснениям управы выяснилось, что его имущество числилось в окладных книгах, а значит, и участие в выборах было законным. В другой жалобе сообщалось о нарушениях в оформлении доверенностей, которые были написаны «...одной и той же рукой, причем в обеих, вопреки 21 ст. Положения о земских учреждениях, указание, кому именно выдана доверенность, сделано после подписи лиц, выдавших эти доверенности». Десятилетием ранее указанное обстоятельство могло послужить основанием для отмены выборов, но на этот раз члены присутствия, посчитав, что доверенности «вполне удовлетворяют» требованиям закона, пришли к выводу об отсутствии таких нарушений, которые, «имея значение существенных, требовали бы... отмены выборов во всей их совокупности» [17. — Оп. 45. — Д. 35. — Л. 199 об. 200 об.].

Еще одна жалоба была подана губернским секретарем П. И. Бурковским по итогам выборов второй курии в Московском уезде. В ней, в частности, указывалось, что к подсчету голосов допускались сами баллотировавшиеся, при этом одни из них отмечали количество избирательных шаров, другие неизбирательных шаров, «причем замечательно то обстоятельство, что избранными оказались преимущественно считавшие шары» [17. — Оп. 45. — Д. 35. — Л. 195 об.]. В разъяснениях московского городского головы К. В. Рукавишника, представленных по данной жалобе, указывалось, что в качестве счетчиков участвовали члены городской управы, и все они считали только избирательные шары, что и фиксировалось на ярлыках, которыми печатавались урны. На основании этих сведений члены губернского присутствия постановили считать факты, изложенные в заявлении, не подтвердившимися, а жалобу оставить без последствий. По результатам тех же выборов поступил протест со стороны гу-

бернатора А. Г. Булыгина, в котором указывалось на незаконное избрание гласным коллежского асессора М. Д. Пфейфера, ранее забаллотированного на выборах по первой курии, но получившего доверенность от Российского общества любителей садоводства для участия в голосовании по второму разряду. Присутствию надлежало разрешить казус: имели ли право участвовать дворянин в выборах недворянской курии? Однако, не вдаваясь в такие тонкости, члены присутствия выявили, что полученная Пфейфером доверенность составлена с нарушением закона, и на этом основании приняли решение об исключении его из числа гласных [17. — Оп. 45. — Д. 35. — Л. 281 об.].

Другой протест губернатора последовал в отношении выборов по первой курии в Московском уезде, где двое неполноценных избирателей, получивших на предварительном съезде перевес всего в один голос, были делегированы на основное собрание и оказались избраны в гласные. Присутствие, усмотрев, что избрание на предварительном съезде состоялось благодаря перевесу их собственных шаров, посчитало это нарушением закона и постановило исключить обоих из числа гласных. При этом общие итоги выборов были оставлены в силе, и поскольку количество избранных в гласные превышало 2/3 от нормы, установленной законом, проведение дополнительных выборов было признано ненужным.

Подобные ситуации с незаконным избранием лиц на съезде уполномоченных повторились на выборах по второй курии еще в двух уездах — Верейском и Подольском. И в обоих случаях результаты выборов были аннулированы решением присутствия на том основании, что некоторые из числа баллотировавшихся на основном избирательном собрании получили перевес всего в один-два шара, т. е. участие незаконно избранных в уполномоченные действительно могло повлиять на итоги голосования [17. — Оп. 45. — Д. 35. — Л. 202–203 об., 240–241].

Земская «контрреформа»

или «коррекция реформ»

Еще один случай отмены результатов голосования произошел в Волоколамском уезде, где на выборы по первой курии явилось 10 избирателей и вместо того, чтобы, руководствуясь действующим законодательством, объявить всех присутствовавших зачисленными в гласные, они провели полноценное голосование, что, естественно, было опротестовано губернатором, и по решению присутствия были назначены новые выборы [17. — Оп. 45. — Д. 35. — Л. 317–318 об.].

В целом кампания 1894 г. продемонстрировала, с одной стороны, увеличение количества нарушений избирательного законодательства, а с другой — усиление позиций административного надзора в лице губернатора и губернского по земским и городским делам присутствия, что наглядно проявилось в трех эпизодах с отменами результатов голосования.

Подводя общий итог избирательным кампаниям, состоявшимся в Московской губернии в правление Александра III, заметим, что наиболее острые разногласия возникали между избирателями из числа дворянства и владельцами торгово-промышленных заведений. Новый земский закон решил эту проблему путем создания сословных курий, что привело к снятию указанных противоречий, но в то же время обусловило увеличение количества жалоб на выборы по второй курии,

что свидетельствовало об ужесточении борьбы среди избирателей-недворян. Отказ от всесословного подхода в формировании избирательных курий, безусловно, являлся регрессом и содержал в себе контрреформаторское начало. Тем более что в последующие годы продолжился процесс сокращения количества избирателей по первой курии, и, напротив, стремительно увеличилась численность недворян и доходность их имущества, а это, в свою очередь, привело к абсентизму дворян и усугублению противоречий между избирателями недворянского происхождения.

В то же время создание губернского по земским и городским делам присутствия, трактовавшееся в трудах современников как способ усиления надзора со стороны государства за органами общественного самоуправления, на практике позволило последовательно пресекать нарушения закона, а значит, может рассматриваться как определенный прогресс и может рассматриваться как «коррекция реформ».

В этой связи однозначно оценить земскую реформу 1890 г., на наш взгляд, не представляется возможным, так как при реализации разных направлений она имела различные последствия, сочетая элементы как «контрреформы», так и «коррекции реформ».

Литература

1. Биюшкина Н. И. К вопросу о понятии контрреформ 80–90-х гг. XIX в. в России // Российский юридический журнал. — 2011. — № 5. — С. 212–213.
2. Доклад Московской уездной земской управы Московскому уездному земскому собранию 1886 г. № 15. — М., 1886.
3. Доклад Московской уездной земской управы Московскому уездному земскому собранию 1889 г.: № 10 // Журналы Московского уездного земского собрания 1889 года. — М., 1889.
4. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: В 4 т. СПб: Изд-во О. Н. Поповой, 1909–1911.
5. Журналы Московского уездного земского собрания 1883 года. — М., 1884. — С. 20.
6. Журналы уездных земских собраний Московской губернии 1883 года: В 3 т. — М., 1884.
7. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. — М.: Издательство Московского университета, 1970. — С. 434.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

8. *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 года. — М.: Издательство Московского университета, 1968.
9. *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: Исторический очерк. — М.: Рус. мысль, 1910. — С. 151–152.
10. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. — Т. 2. Особенная часть. — СПб: Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга б. Мелье и К°, 1893. — С. 266, 281.
11. *Мыш М. И.* Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями: Т. 1. 5-е изд. — СПб: тип. А. Бенке, 1910.
12. Положение о губернских и уездных земских учреждениях, Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1. — СПб: в Тип. 2 Отд. Собств. е. и. в. Канцелярии. — 1867. — № 40457.
13. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1341. Первый департамент Правительствующего Сената. — Оп. 150. — Д. 835. — Л. 11.
14. *Свешников М. И.* Основы и пределы самоуправления: Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств. — СПб: тип. В. Безобразова и К° и Ефрона, 1892.
15. *Христофоров И. А.* «Камень преткновения»: проблема административных реформ последней четверти XIX — начала XX вв. // Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. Р. Н. Байгузина. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 237.
16. Центральный исторический архив г. Москвы. — Ф. 17. Канцелярия московского губернатора.
17. Центральный исторический архив г. Москвы. — Ф. 65. Московское губернское по земским и городским делам присутствие.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета

И. о. декана — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Курочкин Александр Вячеславович

Первая в нашей стране кафедра политологии была создана еще в 1989 г. на факультете философии Ленинградского университета. Только через двадцать лет, в 2009 г., приказом ректора Санкт-Петербургского государственного университета на основании решения Ученого совета СПбГУ был создан факультет политологии. Коллектив факультета политологии СПбГУ готовит специалистов, бакалавров, магистров, а также кандидатов и докторов наук для различных областей образовательной,

научной, управленческой, политической, консультационной и других видов практической деятельности. Сотрудники факультета активно участвуют в жизни Российской Ассоциации политической науки, старейшего отечественного профессионального объединения политологов. В 2014 г. на базе факультетов политологии СПбГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова было создано Российское общество политологов, сопредседателями которого тогда стали деканы факультетов С. Г. Еремеев и А. Ю. Шутов.

Кафедра российской политики (и. о. заведующего кафедрой — доктор политических наук, профессор И. В. Радиков)

Кафедра российской политики была открыта в конце 2010 г. и специализируется на теоретическом осмыслении актуальных вопросов российской политики в ее прошлом и настоящем, а также на изучении практических механизмов ее функционирования. Как современная университетская кафедра, кафедра российской политики — это интердисциплинарный центр, объединяющий высококвалифицированных преподавателей и ученых самых разных специальностей и научных школ, включающий в себя историко-политологическое, социально-политическое, политико-экономическое, политико-психологическое, политико-эколо-

гическое, коммуникативистское направления. В рамках профиля «Российская политика» для бакалавров разработаны и читаются спецкурсы «Особенности политического процесса в РФ», «Конституция РФ. Проблемы формирования правового государства», «Система государственной власти в России» и т. д. В рамках профиля «Политический процесс в России» для магистров разработаны и читаются спецкурсы «Процесс разработки государственных решений в РФ», «Механизм обеспечения политической стабильности в современной России», «Концепции национальной безопасности современной России» и т. д.

Кафедра теории и философии политики (заведующий кафедрой — доктор философских наук, профессор В. А. Гуторов)

Кафедра теории и философии политики — первая отечественная университетская кафедра политологии, созданная незадолго до распада СССР. Была основана в 1989 г. В 2002 г. получила новое название — кафедра теории и философии политики. Основная задача преподавателей — дать будущим специалистам в области политических наук и других гуманитарных дисциплин общую картину эволюции основных направлений мировой политической мысли с древнейших времен до рубежа XX–XXI вв., генезиса различных систем политической фило-

софии, помочь им овладеть различными приемами политической аргументации и методологии, разработанными в рамках многообразных политических теорий, выявить основные тенденции формирования политической науки в западной и отечественной традициях. Кафедра традиционно специализируется на таких фундаментальных направлениях политического знания, как история политической мысли, современная политическая философия, политическая теория, политическая этика и политическая антропология.

Кафедра политических институтов и прикладных политических исследований (заведующий кафедрой — доктор политических наук, профессор О. В. Попова)

Кафедра политических институтов и прикладных политических исследований была создана в 1992 г. на отделении философского факультета СПбГУ. С 1995 г. при кафедре действует Центр эмпирических политических исследований, в котором преподаватели и студенты кафедры разрабатывают и реа-

лизуют индивидуальные и коллективные проекты изучения актуальных проблем политической жизни современного общества. По итогам работы Центра с 2000 г. кафедра издает ежегодный сборник научных докладов «Политический анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ». Студенты,

специализирующиеся по данной кафедре, изучают общегуманитарные и специальные дисциплины, которые читаются преподавателями кафедр факультета политологии, других факультетов СПбГУ и вузов России. Одновременно студенты осваивают методы сбора и анализа эм-

пирической политической информации, политического прогнозирования, учатся работать с программным обеспечением для обработки данных политологических исследований, получают обширные знания в области политической рекламы и консалтинга.

Кафедра политического управления (заведующий кафедрой — доктор философских наук, профессор Л. В. Сморгунув)

Кафедра политического управления была открыта в марте 1995 г. на основе Центра социально-политических реформ в России, существовавшего при поддержке Союза немецких промышленников. Задача кафедры состояла в изучении российских реформ в социальной и политической сферах.

В 1996 г. для студентов отделения политологии была открыта специализация по социально-политическим реформам; новая образовательная программа по политологии в СПбГУ с самого начала была специализированной и называлась «Административная политика и право». Наряду с политологическими курсами в

учебный план были включены два дополнительных блока дисциплин — «Право» и «Публичное управление»; значительно была расширена экономическая составляющая программы. В составе отделения политологии появляется институционально оформленное направление в области публичной политики и управления, которое продолжает традицию политологического анализа управления в Петербургском университете и строит свою исследовательскую и преподавательскую работу на основе современного российского и международного опыта. Кафедра реализует англоязычную магистерскую программу «Political Governance and Public Policy».

Кафедра международных политических процессов (и. о. заведующего кафедрой — доктор политических наук, профессор Г. И. Грибанова)

Кафедра международных политических процессов была создана в августе 2002 г. в рамках существовавшего тогда в структуре философского факультета отделения политологии. Кафедра обеспечивает чтение лекций и проведение семинарских занятий по таким общим для всех студентов-политологов общепрофессиональным дисциплинам, как «Мировая политика и международные отношения», «Мировой политический

процесс XVII–XXI вв.», «Международные политические институты», «Современные проблемы теории мировой политики», «Этнополитология», «Европейская интеграция» и др. Преподаватели кафедры читают многочисленные специальные курсы по международно-политической проблематике для студентов, обучающихся по программам специалитета, бакалавриата и магистратуры.

Кафедра этнополитологии (заведующий кафедрой — доктор политических наук, профессор В. А. Ачкасов)

Кафедра этнополитологии СПбГУ создана в 2014 г. решением Ученого совета СПбГУ по предложению

Администрации Президента Российской Федерации. В условиях глобализационных процессов профессиональное изу-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

чение этнополитических процессов и государственной национальной политики, подготовка высококвалифицированных специалистов-этнополитологов для институтов, реализующих государственную национальную политику, представляется чрезвычайно важной государственной задачей. Целью кафедры является подготовка специалистов высокого уровня в области национальной политики. На факультете политологии СПбГУ на протяжении последних 5 лет в качестве общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специализации читаются курсы: «Этнопо-

литология», «Этнополитические процессы в России», «Этнополитические проблемы Европы», «Иммиграционная политика в современном глобальном мире», «Судьбы национального государства в эпоху глобализации», «Этнополитические конфликты и этнополитическая мобилизация», «Социокультурные и политические факторы российской модернизации» и др.

Сайт факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета: <http://politology.spbu.ru>

Summary

SECTION I. THE ELECTIONS IN RUSSIA

To the problem of constructing the party spectrum of the election campaign of 2016

Abstract: the article is devoted to theoretical and applied problems of constructing the party spectrum which was set in the period of the parliamentary election campaign 2016 in Russia. Author defines the concept of the “party spectrum” as a terminological unit, summarizes the current trends of contemporary electoral process, brings structural and informative characteristics of the party spectrum of campaign 2016 from the point of view of the ideological, political and electoral potentiality.

Keywords: elections, election campaign, political parties, party spectrum, political spectrum, political ideologies.

Author:

- **Ezhov Dmitry Aleksandrovich**, Candidate of Political Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Political Science of the Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russia).

The referendum in Crimea on 16 March 2014 and upgrade of the Russian identity

Abstract: the 2014 referendum in the Crimea, the author analyses interaction of time, personal identities, influencing political choice of the Crimean people in the context of identification in the Eastern European countries, Russia and Ukraine. As a parallel conceptual paradigm discusses the theories of nationalism of the Eastern European States, particularly Hungary. The argument is also based on data of sociological surveys of various Russian and foreign services. Referendum 2014 in the Crimea, and the perception of Russian society is shown as the highest degree of manifestation of Russian identity in Crimea and on “the mainland”.

Keywords: Russian identity, Ukrainian identity, the referendum in Crimea, Eastern European identity, upgrade.

Author:

- **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich**, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The regional election campaign of the party “United Russia” in the Kirov region in 2016

Abstract: the material is considered electoral campaign of the party “United Russia” in the Kirov region of Russia in 2016. These regional campaign and the strategy adopted by the campaign staff was recognized by the expert Council of the Russian Association of public relations (RASO), in the framework of the award “Hamburg score” as the best campaign of the “party of power” in the elections to the legislative assemblies of regions in 2016

Keywords: elections, political technologies, party “United Russia”, KPRF, LDPR, the party “Fair Russia”.

Author:

- **Seravin Alexander Igorevich**, President of the Association of Electronic Electoral Politics of Russia, Research Director of expert group “PiteR” (St. Petersburg, Russia).

SECTION II. THE ELECTIONS IN THE USA

The phenomenon of Trump and hybridization of world politics

Abstract: contemporary world politics is subject of powerful processes of hybridization. Instruments hybridization of world politics are the new factors and developments such as hybrid wars, informational wars, color revolutions and controlled chaos. Non-classical characters appear in the political struggle of different countries of the world. They invade into the sphere of the familiar relationships and radically transform for themselves, casting down the foundations and breaking the traditions. Such persons not only hybridize the internal politics of their countries, but they generate their own phenomenon that triggers the mechanisms of hybridization of policy in global scale as well — the phenomenon of Trump, Chavez, Lula da Silva, Putin. All these factors collectively can be argued that contemporary world politics is of a hybrid nature.

Keywords: international relations, world politics, elections, Trump, security, Russia, The USA.

Author:

- **Manoylo Andrey Viktorovich**, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Alternative right-wing in the electoral space: The U.S. and Russian projection

Abstract: the article is devoted to the study of the movement of alternative right, who played a prominent role during the presidential elections in The USA in 2016. The article analyzes the Genesis of a new political movement, its structural and ideological features, electoral strategy and technology, determines the nature and extent of its influence on The U.S. presidential election in 2016, the prospects for its further development; analyzes its influence on the agenda, the decisions and strategy of the presidency of D. Trump. The article also describes the availability of an analog of the Alt-right in the domestic electoral and ideological-political space, the potential of tested their ideological platforms and political technologies in the upcoming elections in Russia. The article also posed the question whether ideological rapprochement between The USA and Russia on the alternative-right ideological-political platform.

Keywords: alternative rights, the presidential elections, ideology, political technologies.

Authors:

- **Chikharev Ivan Aleksandrovich**, Candidate of Political Sciences, Dean of the Faculty of social technologies and management, Head of the Department of Political Technologies and International Communications of Moscow Polytechnic University, Associate Professor of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
- **Chikharev Ivan Ivanovich**, expert of the public organization “Network expert Institute” (Moscow, Russia).

The features of participation of American Trade Unions in the presidential campaign of 2016

Abstract: the article deals with the indirect participation of American Trade Unions in the campaign for the presidential election of The USA in 2016. On the base of analysis of primary and secondary data the electoral preferences of associations of employees are established and the mechanisms are being identified through which relevant organizations support the candidates for the presidency. The results of the study indicate that the vast majority of American Trade Unions was made by supporters of H. Clinton, having invested significant

financial resources in the election campaign of the losing candidate. In the opinion of the author, the victory of D. Trump on the election of the President — evidence of the weakening of the Trade Union movement in The USA and the need to change the existing model of political participation organized by associations of employees.

Keywords: U.S. presidential election, trade unions, political participation, electoral campaign, lobbying.

Author:

- **Feldman Pavel Yakovlevich**, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Political Science of the Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russia).

The issue of the migration regulation in the presidential campaign of The USA in 2016: the historical aspect and the present

Abstract: the article discusses the migration aspect in the platforms of the democratic and republican candidates in the last US presidential elections. The article also presents the main stages of the immigration reform that have the greatest impact in terms of the formation of the American society as a nation of immigrants. The author comes to the conclusion that Donald Trump who was elected as the 45th President of the United States largely adopted the most radical points of immigration reforms that were relevant almost a century ago in shaping his policy platform. The implementation of all points of the migration platform can trigger a kind of chain reaction and lead to the tightening of migration policy in The EU countries that over the past few years have begun to feel the crisis in this direction.

Keywords: The USA, elections, Donald Trump, Hillary Clinton, Democrats, Republicans, migration policy.

Author:

- **Frolova Olga Aleksandrovna**, Candidate of Political Sciences, Assistant of the Chair of Comparative Politics of the Faculty of Humanitarian and Social Sciences of Russian University of Peoples' Friendship (Moscow, Russia).

SECTION III. THE ELECTIONS IN WESTERN AND EASTERN EUROPE

The migration policy of European countries and the electoral activity of the population: processes and the problems of interaction

Abstract: the article contains the analysis of state regulation of the migration crisis and its reflection in the electoral behavior of citizens. Through the analysis of changes in electoral preferences of the European citizens the author reveals the factors influencing the adoption of an electoral solution. By verifying several hypotheses about the relationship of the restrictive measures of the state migration policy and changes in electoral preferences the author comes to the conclusion about the existence of a new type of party-political cleavages (based on the theory of Stein Rokkan and the research of Jens Rydgren) which are formed not on the basis of real socio-economic problems and measures, but on the basis of their public registration. This assumption allows us to consider the present political positioning of key actors in the EU and to identify a number of clusters bringing together well-known precedents.

Keywords: the migration crisis, the EU, the electoral behavior, the restrictive measures, the party cleavages.

Author:

- **Kurenkova Karina Illarionovna**, Member of Council of Young Scientists of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Comparative analysis of data of electoral statistics and the detection of election anomalies based on the data-materials of countries in Eastern Europe

Abstract: this article attempts to establish empirically whether there are universal properties inherent in the electoral statistics. Despite the fact, that a number of researchers attempt to statistically establish, for example, there is evidence of manipulation of results of will of voters by statistical analysis, political science is not ready to offer theoretical foundations for the features that are going normal. This article is intended partly to fill the gap in knowledge about the properties of electoral statistics, referring to the material of national elections in post-socialist Eastern Europe. The study showed 98 cases of parliamentary and presidential elections, there are overall stable and reproducible characteristics, which correspond to data of electoral statistics of most countries, but differences from the norm are rare.

Keywords: presidential elections, parliamentary elections, statistical analysis, turnout, electoral anomalies, Eastern Europe.

Author:

- **Shalaev Nikita Evgen'evich**, Postgraduate Student of the Faculty of Political Science St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

The presidential election campaign in Belarus: a comprehensive analysis

Abstract: the article is devoted to the complex analysis of the results and consequences of electoral campaigns in the Republic of Belarus in the post-Soviet period of socio-political development. The author constructs the logic and sequence of electoral processes, the result of which made the formation of a socially oriented state with strong presidential power. Mainly analyzes the results of the presidential election campaigns.

Keywords: Republic of Belarus, election, electoral process, the President, the post-Soviet space.

Authors:

- **Postalovski Alexander Vladimirovich**, Researcher of the Center for Sociological and Political Research of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).
- **Postolovska Olga Alexandrovna**, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science of Belarusian State Economic University (Minsk, Republic of Belarus).

The Features of party-building before the presidential election in France is 2017

Abstract: the article is about the influence of the presidential elections in 2017 in France on party-building in the Fifth Republic. The methodological basis of this work is the theory of social cleavages of Lipset and S. S. Rokkan, supplemented by the theory of transnational split by Hooghe L. and G. Marx. Election of the President of France in 2017 are considered as qualitatively new stage of party-building resulting from a crisis once stabilized the party system of the Fifth Republic. It is discussed the mechanisms of creation of new political parties and movements in presidential election; the conclusion is about the duality of the mechanism of their formation. The article provides a conclusion about the significance of this transformation for consolidated democracies due to the need of adequate compliance of political parties to the public mood; it is also alleged incomplete nature of the transformation.

Keywords: electoral process, party-building, party system, consolidated democracy, France, French politics, elections.

Author:

- **Gudzenko Mariya Dmitrievna**, Bachelor of Political Science (Moscow, Russia), currently teaching at the French Department in the direction of "Law" of the French University College in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SECTION IV. THE ELECTIONS IN LATIN AMERICA.**What are the fair elections?****Analysis of electoral processes in Latin America in 2013-2015**

Abstract: in the modern world elections are considered the Foundation of representative democracy and, in most cases, used as “the only possible game”, but still the question remains: what is fair elections. In this study, the author uses records of La Misión de Observación Electoral (MOE) — international organization that monitors elections in the territory of the Organization of American States (OAS). In these reports provides advanced analysis of 16 electoral processes in Latin America in the period from 2013 to 2015 in the XXI century. the process of conducting election campaign, from a technical point of view, almost reached its maximum, however there are external elements of the environment (institutional, socio-economic contexts, the lack of necessary security measures, having a low level of trust of the population), and domestic electoral components (unfair competition and the institutionalization of informal practices such as patronage or vote-buying) that determine the election results.

Keywords: elections, international observers, fair elections, Latin America.

Author:

- **Flavia Freidenberg**, Doctor of Sciences, Leading Researcher, Institute of Legal Research of the National Autonomous University of Mexico (Mexico City, Mexico).

SECTION V. SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE POLITICAL ELECTIONS AND THE MODERN DEMOCRACY**The Modern theory and practice of electoral reforms**

Abstract: modern democracy and moving in the direction of democracy post-authoritarian political systems, pay close attention to the institution of elections, as it creates the conditions for mass involvement of citizens in political life, provides the ability to determine the configuration of the parties that will implement political management course. However, the will of the citizens is refracted by the country’s electoral system which may radically transform the electoral preferences and lead to unexpected results. The purpose of this article is to summarize existing in contemporary political science approaches to explain the reasons for electoral reforms and restrictions guaranteeing the preservation of the electoral system intact.

Keywords: electoral reform, electoral rules, electoral system.

Author:

- **Mikhailova Olga Vladimirovna**, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The development of direct democracy: the people decide?

Abstract: in 2016, such a referendum as “Brexit”, in which the British voted for a British exit from the European Union, or Columbia, where voters by a small majority rejected the carefully prepared peace agreement between the government and the Revolutionary armed forces of Colombia (FARC), has renewed a debate about direct forms of democracy. At that time, while some protect a representative system as the best form of government, others argue that, given the current crisis of legitimacy, which destroys a modern democracy, it is very important that the citizens decide everything themselves in a direct way. So, what is the significance of the people is the referendum conducted by the government? Here we insist that the direct opinion of the citizens does not mean radical changes, if the country represents the respect to democracy or makes the illusion of this respect. In other words, the

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

results of referendums depend on the institutional context and behavior of political actors who, acting as representatives of the people, play a key role in the organization and holding of referendums.

Keywords: referendums, elections, democracy.

Author:

- **Velp Yanina**, Regional Director in Latin America's Department of the Center for the studying of Direct Democracy (C2D) at the University of Zurich (Switzerland), PhD in Political and Social Sciences of the University of Pompeii Fabra (Spain) and University of Buenos Aires (Argentina).

Factors of candidate electoral attractiveness: method of constructing fabulous stories

Abstract: the article is devoted to the criteria of a political leader perception and his electoral attractiveness. The author proposes a model of the political leader's image analysis in the election situation on the basis of fabulous stories considered by the respondents.

Keywords: electoral attractiveness, the image of the political leader, socio-political context, the election situation.

Author:

- **Smulkina Natalia Vladimirovna**, Postgraduate Student of the Department of Sociology and Political Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SECTION VI. HISTORY OF ELECTIONS IN RUSSIA

Zemstvo "contrary-reforms" or "corrections of reforms" (by the example election campaigns in Moscow region)

Abstract: the article is about zemstvo election campaigns that took place in Moscow region in the 80's – the first half of the 90's of the XIXth century. On the basis of archival materials are considered attempts of voters to appeal against the election results. The author analyses the activity of the governor and Provincial presence (prisutstvie) of zemstvo and city affairs to oversee the application of norms of electoral law. It is concluded that the changes caused by the reform of 1890 combined elements as "contrary-reforms" so the "corrections of reforms".

Keywords: zemstvo elections, administrative supervision, provincial presence (prisutstvie) of zemstvo and city affairs, "contrary-reforms", "corrections of reforms".

Author:

- **Galkin Pavel Vladimirovich**, Doctor of Historical Sciences, Manager of the Department of Municipal Administration and Social Service, State Socio-Humanitarian University (Kolomna, Russia).

SECTION VI. POLITICAL SCIENCE IN RUSSIAN UNIVERSITY

The faculty of Political science St. Petersburg State University

---

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Последующие номера нашего журнала будут посвящены следующим темам:

- «Научные исследования молодых политологов» (специальный выпуск);
- «Экологическая политика современных государств: наука, бизнес, общество»;
- «Россия и Китай в глобальном мире»;
- «Выборы Президента России 2018 года: экспертные оценки политологов»;
- «Политическая мысль России и зарубежных стран».

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания.

Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 1 авторский лист (40 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Допускаются только **затекстовые** библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок **не допускается**.

5. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках.

Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

6. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su/uploads/Metodika2015.pdf>.

7. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

8. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

9. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

10. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

11. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЁВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БАРЫШНИКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian political science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры политологии института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры правоповедения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, иностранный эксперт-преподаватель Сямэньского университета КНР, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук (КНР)

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

ВОЛОШИН АНДРЕЙ — выпускающий редактор

КАРАВАЕВА МАЙЯ — корректор

ПЕНКИНА АНФИСА — ответственный редактор англоязычной версии журнала

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

КАЗАНЦЕВА МАРГАРИТА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — советник отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — консультант отдела

КОЛПАКОВ РОМАН — консультант отдела

Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77 - 66809

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77 - 66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Типография	«Новые печатные технологии». Адрес: г. Москва, 2-й Котляковский переулок, вл. 18
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№1, 2017 год
Подписано в печать	27.06.2017
Цена	Бесплатно

Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 - 67389

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77 - 67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№1, 2017 год
Подписано в печать	27.06.2017
Цена	Бесплатно

© 2017 «Русская политология — Russian political science».

При цитировании обязательна ссылка на журнал
«Русская политология — Russian political science»